

Министерство образования РСФСР
Свердловский ордена «Знак Почета»
государственный педагогический институт

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Сборник научных трудов

Свердловск 1991

Рассматриваются парадигматические, синтагматические и дери-
вационные связи в лексической системе русского литературного
языка. Анализируются лексико-семантические и тематические груп-
пы слов, синонимические ряды и антонимические пары, семантиче-
ские объединения лексем в отдельных текстах.

Предназначается для студентов и преподавателей факультетов
русского языка и литературы, учителей средних школ.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Свердловского пединститута

Редакционная коллегия: канд. филол. наук, доц. А. П. Чудинов
(отв. ред.); канд. филол. наук М. Л. Кусова; канд. филол. наук
Е. И. Плотникова; докт. филол. наук М. Ю. Федосюк; докт. филол.
наук Н. Е. Сулименко

Рецензенты: канд. филол. наук, доц. А. В. Пузырев (Пензенский
пединститут),
канд. филол. наук, доц. А. Г. Судариков (Стерлитамакский
пединститут)

Т. А. ГРИДИНА, Т. В. ПОПОВА
Свердловский пединститут

АССОЦИАТИВНАЯ СЕМАНТИКА НОВООБРАЗОВАНИЙ-ГИБРИДОВ

Исследуется соотношение воздействия псевдомотиваторов и реальных мотиваторов на ассоциативную семантику неологизмов.

В настоящее время заметно возрос интерес к исследованию ассоциативного потенциала лексических новообразований разных номинативных типов и структуры, в том числе так называемых новообразований-гибридов¹. К последним относят прежде всего случаи фонетико-смысловой контаминации, особенностью которой является то, что новое слово (его звуковая оболочка и значение) формируется в з а и м о н а п р а в л е н н ы м сближением объединяемых лексем (при невозможности определить, что от чего образовано).

Так, слово-гибрид *убажать* по структуре и семантике равным образом может быть объяснено как сближением *уважать* с *обождать*, так и сближением *обожать* с *уважать* (пример Д. Н. Шмелева²). Ср. шутол.-разг. *преподагоги* и т. п.

Особым видом гибридных новообразований являются контаминации по принципу ложной этимологии (ЛЭ), который заключается в сближении созвучных лексем с целью «прояснения» внутренней формы (ВФ) одной из них (в уподоблении непонятного, немотивированного слова знакомому, «привычному»). Такие сближения имеют изначально стихийный характер (ср. прост. *спинжак* из *пиджак* по созвучию со словом *спина*, диал. *синель* из *сирень* по сближению с *синий* и т. д.), но могут производиться и намеренно (осознанно), выступая как разновидность языковой игры³. В данном случае можно говорить о создании новообразований-гибридов на базе н а м е р е н н о л о ж н о й м о т и в а ц и и (НЛМ). Контаминационные структуры такого рода отражают стремление говорящих к экспрессивной характеристике обозначаемого, чем объясняются, в частности, преобразования даже тех узуальных лексем, которые обладают прозрачной ВФ⁴.

В отличие от собственно фонетико-смысловых контаминаций слово-гибрид, созданное на основе НЛМ, всегда содержит опорный (интерпретируемый) член и зависимый (интерпретирующий), выступающий в функции псевдомотиватора.

Покажем это на примере слова *уратор*-‘оратор, произносящий ура-патриотические речи’, разг.

Слово-гибрид *уратор* образовано путем частичного уподобления опорной (переосмысливаемой) лексики *оратор* псевдомотиватору *ура*. При этом существительное *уратор* сохраняет «намеки» на свой прототип (*оратор*). Иначе говоря, фонетическая «сетка»

слова-прототипа, будучи трансформированной под воздействием псевдомотиватора, остается легко опознаваемой: в структуре слова-гибрида «просвечивает» облик опорного слова.

Особенности строения таких новообразований-гибридов обуславливают специфику их семантики и связанного с ней ассоциативного фона. Последний формируется в результате неузуального (намеренно парадоксального) сопоставления смыслов слова-прототипа и псевдомотиватора.

Отмеченные гибридные новообразования стали в настоящее время яркой приметой устной разговорной речи и письменных жанров публицистики, где данное явление используется в качестве приема усиления экспрессивности.

Задача данной статьи — выявление семантического объема (смыслового наполнения) новообразований-гибридов на основе свободного ассоциативного эксперимента. Для эксперимента были отобраны новообразования-гибриды четырех типов, полученные в результате намеренно ложного переосмысления узуальных единиц разной структуры (всего 16 слов):

1) новообразования-гибриды, полученные путем переосмысления немотивированных (нечленимых или членимых) лексем: *дурократ* из *бюрократ*, *диспутека* из *дискотека*, *уратор* из *оратор*, *муроприятие* из *мероприятие*;

2) новообразования-гибриды, полученные путем переосмысления простых производных слов: *медвежество* из *невежество*, *импузантность* из *импозантность*, *иградиола* из *радиола*, *оператявка* из *оперативка*, *беспролезно* из *бесполезно*;

3) новообразования-гибриды, полученные путем переосмысления сложных слов: *орденопросец* из *орденоносец*, *окладоискатель* из *кладоискатель*, *фунты-стервинги* из *фунты-стерлинги*, *общезутие* из *общезитие*;

4) новообразования-гибриды, полученные путем переосмысления словосочетаний фразеологизированного характера: *дайтельный падеж* из *дательный падеж*, *однозаразовые шприцы* из *одноразовые шприцы*, *жулищная проблема* из *жилищная проблема*.

Материал для анализа извлечен из публикаций 16 страницы «Литературной газеты» и из устной разговорной речи на основе собственных наблюдений авторов.

При описании ассоциативного ореола слова по результатам эксперимента вводим понятие ассоцианта, определяя его как лексическую реакцию говорящего на слово-гибрид (включая реакции разного рода — формальные, формально-семантические, семантические и т. п.).

Испытуемым (студентам-филологам II курса — всего 98 человек) предлагалось записать первые пять лексем, словосочетаний, с которыми ассоциируется у них предложенное слово-стимул.

В ходе эксперимента проверялось предположение о наличии

глубинного ассоциативного слоя в семантике гибридных новообразований. На основании анализа экспериментального материала отмечены следующие типы ассоциантов.

1. Ассоцианты, выявляющие «поверхностный», легко осознаваемый уровень значения переосмысленной лексемы, т. е. ту часть семантики слова, которая манифестирована (обусловлена) ВФ гибрида. Данный тип ассоциантов актуализирует мотивационно-деривационные связи новообразований-гибридов с узуальными единицами языка:

1) ассоцианты — псевдомотиватор и слово-прототип, «запрограммированные» принципом конструирования слова-гибрида при НЛМ (см. табл. 1);

Таблица 1

Слово-гибрид	Ассоцианты	
	слово-прототип	псевдомотиватор
<i>дурократ</i> <i>уратор</i> <i>орденопросец</i> <i>окладоискатель</i> <i>оператявка</i> <i>импузантность</i> <i>однозаразовые</i> <i>щприцы</i> <i>мнимореальная</i> <i>доска</i>	бюрократ оратор орденоносец кладоискатель оперативка импозантность одноразовые шприцы мемориальная доска	дурак ура просить оклад тявкать пузо/пузатый зараза/заразить мнимый —

2) ассоцианты — слова, однокоренные с псевдомотиватором или словом-прототипом (см. табл. 2);

3) ассоцианты — слова, одноструктурные с гибридным новообразованием (см. табл. 3);

4) ассоцианты словотворческого характера, представляющие собой номинативные варианты слова-гибрида или производные от него (см. табл. 4).

Анализ материала эксперимента показывает, что мотивационно-деривационные связи, обуславливая в первую очередь актуализацию «поверхностного» смысла слова-гибрида, в то же время могут вызывать различные ассоциативные смещения в восприятии его семантики. К последним относятся:

1) смещения, возникающие в результате «перестановки» в сознании воспринимающего слова-прототипа и псевдомотиватора, что проявляется в несколько ином, чем запрограммировано, осмыслении значения слова-гибрида. Ср. *дурократ* (из *бюрократ* + *дурак*) — буквально 'глупый бюрократ' и *дурократ* (из *дурак* + *бюрократ*) — 'дурак в большой степени' (толкование, полученное в эксперименте). В первом примере в основе значения слова-

Таблица 2

Слово-гибрид	Ассоцианты	
	слова, однокоренные с псевдомотиватором	слова, однокоренные с прототипом или подобранные по принципу ложной этимологии (ЛЭ)
<i>уратор</i>	—	орать (ЛЭ) (ср. оратор)
<i>дурократ</i>	придуриваться придурь (ср. дурак)	—
<i>оператявка</i>	тявка, тявканье (ср. тявкать)	оперативный, оперотряд, опер, опера́ (ЛЭ) (ср. оперативка)
<i>импузантность</i>	пузатость, пузан, пузырек, запузеть (ожказ.): (ср. пузо/пузатый)	—
<i>ордененпросец</i>	просьба, проситель, запрашивать, просящий (ср. просить)	носец (окказ.) (ср. орденоносец)
<i>окладоискатель</i>	—	искатель, искать, поиск, иск, доискиваться (ср. кладоискатель)
<i>медвежество</i>	медвежатник (ср. медведь)	невежественный, невежа (ср. невежество)
<i>однозаразовые шприцы</i>	заражение, зараженный, заразиться, заразовый (окказ.) (ср. зараза, заразить)	один раз, многозаразовый (ср. одноразовые шприцы)
<i>мнимореальная доска</i>	—	реальный (ЛЭ) (ср. мемориальная доска)

Таблица 3

Слово-гибрид	«Одноструктурные» ассоцианты со словом-гибридом лексемы
<i>уратор</i>	куратор, агитатор, узурпатор, организатор, диктатор, авиатор (существительные со значением лица); трактор, карбюратор, ротор, радиатор, мотор, элеватор, фиксатор (существительные со значением орудия)
<i>дурократ</i>	адвокат
<i>импузантность</i>	импозантность, музыкальность, импотентность
<i>ордененпросец</i>	знаменосец, крестоносец, рогиносец (значение лица); броненосец (значение конкретного предмета)
<i>окладоискатель</i>	золотонискатель, дискокидатель

гибрида лежит семантика опорного существительного *бюрократ* (оно является лексемой-прототипом для новообразования), слово *дурак* служит псевдомотиватором, с помощью которого актуализируется оценочная характеристика обозначаемого лица; во втором примере семантически опорным компонентом является ле-

Слово-гибрид	Ассоцианты	
	номинативные варианты	дериваты от слова-гибрида
<i>уратор</i>	—	<i>уратория</i> (ср. оратория)
<i>дурократ</i>	<i>тупократ, казнокдат, ворубрат</i>	—
<i>оператявка</i>	<i>оператяпка, операгавка, тявка</i>	—
<i>импузантность</i>	<i>обжорность</i>	—
<i>орденопросец</i>	<i>носец, просец, меда- леносец</i>	—
<i>мнимореальная доска</i>	<i>умориальная доска, безреальная доска</i>	—
<i>окладоискатель</i>	<i>рватель (-рвач), хвататель, зарплато- искатель, авансоиска- тель</i>	—
<i>однозаразовые шприцы</i>	<i>заразоносители</i>	—

ксема *дурак*, а связь с *бюрократ* осознается только на фоне формальной структуры слова-гибрида;

2) ассоциативные смещения, возникающие при актуализации семантических связей новообразования-гибрида с лексемами, входящими в словообразовательные гнезда слова-прототипа и псевдомотиватора; в этом случае «поверхностный» уровень значения слова-гибрида обогащается различными эмоционально-экспрессивными оттенками. Так, слово *орденопросец* при его соотнесении в эксперименте с лексемой *выпрашивать* получает дополнительный оттенок негативной характеристики за счет актуализации экспрессивно-оценочной семы 'добиться незаслуженной награды путем интенсивных просьб'; слово *импузантность* приобретает шутливо-фамильярную стилистическую окраску за счет соотнесения с лексемами *пузан, пузатость, пузырьек* и грубо-просторечный (сниженный) характер при соотнесении с окказиональным глаголом *запузеть*;

3) ассоциативные смещения, возникающие на основе ложно-этимологического осмысления лексемы-прототипа, не запрограммированного при создании слова-гибрида. Ср. *уратор* из *оратор* + *+ура* и *уратор* из *оратор* (+*орать*) + *ура*; *мнимореальная доска* из *мемориальная* + *мнимая* и *мемориальная* (+*реальная*) + *мнимая* (антоним к ВФ слова-прототипа, осмысленного по ЛЭ). Отсюда толкование: *мнимореальная доска* — 'мемориальная доска, на которую реально никто не обращает внимания'. Ср. исходный контекст употребления данного словосочетания: «Вот когда она уедет из общаги, мужики обещали поставить ей *мнимореальную доску*» (об аспирантке, не вызывавшей расположения у коллег). В данном случае *мнимореальная доска* — 'мнимая

доска, которая никогда не будет поставлена'. Здесь иронически подчеркивается противопоставленность значения слова *мнимореальная* положительной оценочной семантике прилагательного *мемориальный* ('связанный с увековечиванием памяти о ком-чем-либо значительном');

4) ассоциативные смещения, возникающие при актуализации словообразовательного значения морфем, вычленяемых в составе слова-гибрида, в том случае, когда восприятие его семантики осуществляется с учетом наличия в языке «одноструктурных» слов*. При этом актуальный смысл слова-гибрида осознается на фоне любого значения, присущего данной словообразовательной морфеме в языке, не всегда совпадая с запрограммированным. Ср. *дурократ* — 'бюрократ+дурак' («одноструктурные» слова — *адвокат*, *технократ*, актуализирующие значение 'действующего лица'); *дурократ* — 'прибор для измерения дурости' («одноструктурные» слова — *домкрат*, окказ. *дуромер*, актуализирующие словообразовательное значение (СЗ) 'действующий предмет') и *дурократ* — 'ведомственный аппарат', приписывающее квазиморфеме *-крат* значение 'организация, объединяющая лиц по роду их деятельности'. Это значение, очевидно, формируется на основе слов типа *секретариат*, *триумвират*, *пролетариат* и т. п., в семантике которых присутствует сема совокупности. Ср. аналогичный подбор «одноструктурных» ассоциантов к слову *уратор*: с одной стороны, *куратор*, *агитатор*, *узурпатор*, *организатор*, *диктатор*; с другой — *карбюратор*, *радиатор*, *фиксатор*, *трактор*, *ротор*, *элеватор*.

Из примеров видно, что структурные ассоциации не являются чисто формальными: они актуализируют общее СЗ, объединяющее несколько частных и обычно в конкретном слове с соответствующим многозначным формантом отступающее на второй план (в приведенных выше примерах это значение 'не дифференцированный в отношении лица или предмета производитель действия'); кроме того, «одноструктурные» ассоцианты служат средством осознания значения не только форманта, но — с учетом семантики псевдомотиватора — всего слова-гибрида. Ср. осознание орудийного значения суффикса *-атор* в слове-гибриде *уратор* и его толкование (с учетом псевдомотиватора *ура*): 'мотор, работающий на «ура»'. При этом семантика слова-прототипа *оратор* нейтрализуется в значении слова-гибрида (сема 'лицо' заменяется семой 'орудийность');

5) семантические смещения в восприятии слова-гибрида, возникающие при «порождении» (актуализации) ассоциантов

* «Одноструктурными» словами мы условно называем полученные в эксперименте ассоцианты, явно ориентированные не столько на семантику, сколько на структуру слова-гибрида, т. е. подобранные с учетом выделения в слове-гибриде формальных аффиксальных элементов или субморфов, осознаваемых как аффиксы.

словотворческого характера и отражающие стремление говорящих дать толкование с помощью номинативного варианта. Такие номинативные варианты образуются: а) по модели слова-гибрида от лексем, синонимичных псевдомотиватору (ср. *окладоискатель* и *зарплатоискатель*, *авансоискатель*; *дурократ* и *тупократ*; *оператявка* и *операгавка*); б) от лексем, синонимичных слову-прототипу (ср. *орденопросец* из *орденоносец* и *медаленосец*); в) путем преобразования слова-гибрида (*диспутека*→*дискутека*, *медвежество*→*медвежуть*, *общезитие*→*бабьежитие*, *страшножитие*); *даительный падеж*→*наительный падеж* — как антонимичное «первичному» образованию-гибриду. Вторые члены этих пар (рядов) представляют собой как бы гибриды «в квадрате».

Актуализируя то же значение, что и слово-гибрид, номинативные варианты, как правило, передают различные нюансы экспрессивной характеристики обозначаемого.

В некоторых случаях номинативный вариант «снимает» коннотативный оценочный фон, заложенный в семантике слова-гибрида (ср. *орденоносец*, экспр.-оцен. *орденопросец* и нейтр. *медаленосец*).

Номинативные варианты могут не соответствовать словообразовательной структуре слова-гибрида, представляя последний в «усеченном» виде (например, *оператявка*→*тявка*, *орденопросец*→*просец*).

Такие образования являются своего рода семантическими конденсатами слов-гибридов, подчеркивающими оценочно-характеристические семы, свойственные псевдомотиватору.

В отдельных случаях ассоцианты словотворческого характера представляют собой дериваты от слова-гибрида (например, *уратория* от *уратор*). Эти производные актуализируют и представляют в обобщенном виде коннотативную семантику слова-гибрида. Так, *уратория* буквально 'явление, заключающееся в произнесении ура-патриотических речей пафосно-официозного характера'. Ср. семантику созвучного *оратория*.

II. Ассоцианты, манифестирующие глубинный уровень семантики слова-гибрида, т.е. компоненты его значения, которые не представлены, не выражены непосредственно ВФ слова.

К компонентам глубинной семантики слова-гибрида, актуализированным с помощью ассоциантов данной группы, относятся:

1) коннотативные семы (эмоционально-оценочный и экспрессивный потенциал значения), при этом лексические реакции на слово-гибрид двояки — они ориентированы на слово-прототип (ср. *медвежество* из *невежество* и ассоцианты *грубость*, *наглость*, *хамоватый*, *нахальство*) или на псевдомотиватор (ср. *медвежество* из *невежество* по сближению с псевдомотиватором *медведь* и ассоцианты *лень*, *неуклюжесть*, *неповоротливость*, *нерасторопность*, *медлительность*). Как видно из примеров, ориентация на слово-прототип или псевдомотиватор имеет чисто се-

мантический характер (ср. тип ассоциантов, ориентированных на формально-семантические мотивационно-деривационные связи — *невежество, невежа, медведь, медвежатник* и т. п.);

2) семы, отражающие в содержании слова его системные парадигматические связи (как правило, это связи в пределах синонимического ряда, тематических, лексико-семантических и иных групп): ср. *фунты-стервинги* и ассоцианты *пятак, мелочь, медь, монета, шиллинги, богатство, благосостояние*; словосочетание *однозаразовые шприцы* и ассоцианты *стерильность, инфекция, больница, боль, медицина, дезинфекция*;

3) ситуативно характеризующие семы (смысловые компоненты слова, которые отражают внеязыковые пресуппозиции — совокупность культурно-исторических сведений об обозначаемом, закрепленных в сознании языкового коллектива). Ср. *фунты-стервинги* и ассоцианты *черный рынок, «Березка», дикий Запад*; словосочетание *однозаразовые шприцы* и ассоцианты *СПИД, Элиста, дети, смерть, группа риска, наркоманы, уровень советской медицины*; *орденопросец* и ассоцианты *мундир, застойный период, Брежнев, «герой»*;

4) фоносемантический ореол слова⁵, или потенциальные периферийные семы, отражающие звукосимволические, эвфонические и т. п. ассоциации, возникающие на фоне восприятия звукового состава слова-гибрида. Ср. *фунты-стервинги* и ассоцианты *допинг, викинг, стерлядь, стервятник; дурократ* и ассоцианты *урок, рок; мнимореальная доска* и ассоцианты *мим, реал*.

Ассоцианты *викинг, допинг*, фонетическая структура которых содержит не свойственный русскому языку субморф *-инг*, актуализируют семы 'чужой, непривычный, не принятый у нас', потенциально присутствующие в содержании слова-гибрида *фунты-стервинги*; ассоцианты *стерлядь, стервятник*, звуковой состав которых содержит неблагозвучные с точки зрения носителей русского языка сочетания *стр+рв*, выявляют отрицательно-оценочные коннотации, закрепленные в значении слова-гибрида.

Таким образом, выдвинутое нами предположение о наличии глубинного слоя в семантике слова-гибрида полностью подтверждается данными ассоциативного эксперимента. Полученные результаты показывают зависимость восприятия содержания слова-гибрида, с одной стороны, от его формально-семантических особенностей, манифестированных ВФ (см. анализ мотивационно-деривационных реакций), с другой — от ассоциативного фона слова-гибрида, связанного с его ВФ лишь опосредованно.

И в том, и в другом случае типы и характер ассоциирования задаются ВФ слова, которая как бы двунаправлена по отношению к денотативному (воспринимаемому на уровне мотивационного значения) и коннотативному (в широком понимании) смыслам слова-гибрида. Это дает основание утверждать, что ВФ слова-гибрида является ассоциативным стержнем его значения, объединяющим все полифункциональные (разнородные) ком-

поненты смысла (см. анализ ассоциантов, манифестирующих глубинный уровень значения).

Анализ данных эксперимента позволяет также сделать предварительный (нуждающийся в дальнейшем обосновании) вывод о зависимости глубины и характера ассоциативного фона слова-гибрида от его структурных особенностей. Так, в словах-гибридах, полученных путем переосмысления сложных слов, при их восприятии доминирует семантика псевдомотиватора (см., например, *орденопросец*), а в новообразованиях-гибридах, полученных путем переосмысления простых (несложных) слов, при равнозначности смысловых «импульсов» слова-прототипа и псевдомотиватора создаются самые разнообразные (порой непредсказуемые) семантические комбинации (см., например, *уратор*). При восприятии семантики гибридных новообразований, полученных путем переосмысления фразеологизированных словосочетаний, наиболее частотны ситуативно характеризующие ассоцианты (*однозаразовые шприцы, фунты-стервинги* и т.п.).

Наконец, важно отметить тот факт, что именно контаминационная структура слова-гибрида при НЛМ определяет возможность широкого варьирования ассоциаций в рамках семантических полей лексемы-прототипа и псевдомотиватора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ См.: Костюков В. М. Об одной разновидности индивидуально-авторских слов // Рус. яз. в школе. 1986. № 4.

² Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

³ Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Е. А. Земской. М., 1983. Гл. 4. «Языковая игра». С. 172.

⁴ См.: Гридина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.

⁵ Подготовка учителя-словесника: Лингвистический и методологический аспекты: Учеб. пособие для слушателей ФПК. М., 1987. Гл. 1. § 4 «Лексическое значение слова и его структура». С. 22.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

Н. Е. СУЛИМЕНКО

Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена

ФРАГМЕНТ ТЕЗАУРУСА И ТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕТКА ТЕКСТА

Выявляются факторы предсказуемости появления новых связей и смыслов на базе предусмотренных словарем «контекстов ожидания».

Логика развития науки такова, что время от времени в ней происходит смена научных парадигм. В настоящее время в лингвистике все большее распространение получает подход,

согласно которому «успешное моделирование языка возможно только в более широком контексте моделирования сознания»¹. С этим подходом связано пристальное внимание лингвистов к проблемам речемыслительной деятельности (С. Д. Кацнельсон, Е. С. Кубрякова, В. А. Звегинцев, В. Н. Сидоров, Г. В. Колшанский и др.), к проблемам языковой личности (Ю. Н. Караулов), дискутируется вопрос о соотношении мышления и знания, об отражении картины мира, фоновых, ситуативных знаний, информационного тезауруса в содержании лингвистических единиц и текстовых построений. Поскольку язык перестал рассматриваться только как конструкт, статичная схема, каким он представал в рамках структурального подхода, внимание к его динамике повлекло за собой необходимость учета в научных построениях реального субъекта речемыслительной деятельности — человека с его жизненным опытом, системой ценностей, коммуникативными потребностями, суммой знаний. По словам Ю. Н. Караулова, фактически лишь в наше время языковеды научились в полной мере связывать представления о внутренней и внешней структурах языка, связывать «социальную функциональную и территориальную стратификацию языка с теми или иными строениями его особенностями»².

Наблюдения психологов и психолингвистов вносят дополнительную аргументацию в положение о включенности когнитивного компонента в содержательную структуру языковой единицы. Так, А. А. Залевская, отмечая включенность слова в индивидуальном сознании в «когнитивный контекст сложившейся у человека концептуальной системы», считает, что «исследование слова в различных видах языкового контекста должно сочетаться с обязательным учетом взаимодействия последнего с когнитивным и эмоциональным контекстами, ибо вне такого взаимодействия само понятие слова как единства формы и значения теряет всякий смысл (напомним, что значение содержится не в слове, а в сознании идентифицирующего его индивида)»³. В основе данного утверждения лежит представление о единстве психической сферы человека и положение С. Л. Рубинштейна о том, что «мышление и знание вообще неотделимы друг от друга»⁴.

А. А. Залевской приводится убедительная система аргументов в пользу контенсивной теории слова, изложенной Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым⁵, идея о переплетении лингвистических и энциклопедических знаний в общих схемах памяти, о вращении новой информации в старую с опорой на импликацию. И если считать аксиоматичным положение о связи языка и мышления, то естественное признание участия в формировании значения слова структуры знаний, информационного тезауруса человека как базы его речемыслительной деятельности. Непосредственной зоной соприкосновения этих двух типов знания и перехода знаний о мире в языковые выступают presupпозиции.

Не менее значимо для лингвистов положение о подобии вербальной и визуальной семантики на глубинном уровне, об образе как генетически первичной, «ядерной» структуре значения. В системе аргументации включено и положение современной логики о диалектике взаимоперехода понятия и суждения, благодаря которой понятие выступает как результат целостной совокупности суждений (потенциальная предикация как итог реальной предикации). Оно, думается, объясняет не имеющий однозначного истолкования факт включения потенциальных, скрытых сем в структуру, например, лексического значения при вероятностном его истолковании, как и правомерность самого этого истолкования, ибо если считать понятие свернутой формой суждения, то суждения тоже предстают как переменные и способные проецировать в понятие разные свои компоненты; они отражают динамику живой человеческой мысли. Из нее же выведен принцип сочетания осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности, голографическая гипотеза хранения и свертывания информации. Ср.: «То, на чем фокусируется внимание, попадает в «окно сознания», оно объективируется посредством слова, в то время как составляющие фон связи учитываются на подсознательном уровне и могут в случае необходимости быть объективированными через перенесение фокуса или изменение «угла зрения»⁶.

Значимость экстралингвистических факторов в становлении языковых значений и их употреблений, понимание связи процессов человеческой памяти и тех, которые определяют производство и понимание языковых сообщений, отразились в методике привлечения планов, сценариев, фреймов для лингвистических целей. Это структуры знаний, которые представляют собой «пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают удовлетворительную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Они играют существенную роль в функционировании естественного языка»⁷. Аспекты этой роли — обеспечение связности текста, вывода необходимых умозаключений, «контекстов ожидания», позволяющих прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий»⁸.

Много общего с описанными структурами знаний имеют гнезда дескрипторов Русского семантического словаря (РСС), выступающие фрагментами тезауруса, отражающие типовые стандартные связи в гнезде, объединенном общим понятием, и содержащие кванты информации в виде семантических множителей. Близость ролей фрейма, сценария и гнезда дескриптора ясна из предисловия к Словарю, предоставляющего право пользующемуся им на понятийном входе (от дескриптора к слову) «осуществлять выбор и реализовать дальнейшие возможности системы, например... порождать из словарной статьи связный и

достаточно изотопный текст для характеристики соответствующего понятия»⁹.

Особый интерес представляет изучение возможности и степени предсказуемости появления новых связей и смыслов на базе предусмотренных словарем «контекстов ожидания», а также границ прогнозирования текстовой информации и мотивов, определяющих эти границы.

Для анализа мы взяли серию миниатюр Ю. Бондарева «Мгновения», лирико-философских по жанру и содержанию (первый фильтр, препятствующий совпадению состава гнезд дескрипторов и тематической сетки текста). Основанием для выявления зоны соответствий и расхождений связей слов в РСС и тексте послужили те миниатюры, которые имеют в качестве заглавия слово, являющееся «заглавием» в словаре, т.е. представленное в перечне дескрипторов.

Рассмотрим тематическую сетку миниатюры «Война» в соотношении ее с гнездом соответствующего дескриптора. Прямое соответствие по составу членов обнаруживают только два слова, выступающие ключевыми в гнезде и в тексте: *война* и *солдат* (хотя в гнезде дескриптора 53 слова). Но и у этих слов и состав актуализованных сем, и их яркость отличаются от словарных. Так, в перспективе текста угасает, теряет яркость сема 'вои-' слова *солдат*, сохраняется и усиливает свою яркость сема 'вое-'. Это связано с осмыслением войны как явления, противного человеческой природе, вынужденного даже для солдата, выполняющего свой долг; вторая из названных сем усиливается благодаря повествовательной направленности текста, влекущей за собой изображение событий, процесса (*воевать*). Подобное осмысление ослабляет яркость и многих сем слова *война*: 'вра-', 'гос-' — и наводит иные семы: 'зло', 'жестокость'. Зона расхождений определяется рематической сутью замысла: «Замысел высказывания, по современным представлениям лингвистов и психологов, двуличен. Он содержит указание на предмет высказывания и на то новое, что об этом предмете необходимо сказать. Первое принято называть темой, второе — ремой»¹⁰.

Замысел миниатюры раскрыт в заключительном, рематически значимом высказывании: «Есть периоды в человеческой истории, когда добро и зло ходят в обнимку, шатаясь от жестокого хмеля» (11) *. В соответствии с этим слово *война* употреблено в рематически и тематически значимой позиции заглавия, а также в конце рассказа об убийстве нашим солдатом раненого пленного немецкого офицера: «Потом из ближней хаты вышел старик, глянул из-под ладони вслед удалявшимся солдатам, погладил на убитого немецкого офицера, покачал головой, забормotal печально, тихо: «Эх, война, война... А ведь мать у него,

* Здесь и далее в скобках указана страница по следующему изданию: Бондарев Ю. Мгновения. М., 1988.

должно, где есть. Эвон молодой какой, прости господи...». И, жалостливо вздыхая, стянул сапоги с убитого, затем, подумав, и шерстяные носки снял» (11). В изображении драматизма войны автор отступает от стереотипных оценок ситуации, хотя и ориентируется на нормативные presuppositions читателя, его картину мира. Нестандартность оценки, выступающая в реализации текстовой категории модальности, влечет за собой нестандартное развертывание в перспективе текста и многократное усиление яркости семы 'бор-' заглавного слова. Она выводит текстовую парадигму за пределы прогнозируемого ожидания ввиду описания порождаемого борьбой состояния «жестокоего хмеля», психологических сдвигов, рождаемых ситуацией войны. Отсюда подключение слов и словосочетаний, раскрывающих это итоговое определение в следующих текстовых фрагментах: «Из проулочка навстречу им, *шатаясь от возбуждения* от минуту назад пережитой атаки, выбежал коренастый солдат в распахнутом ватнике с прижатым к груди *раскаленным* стрельбой автоматом. *Злые, черноугольные глаза* солдата *неистово блеснули* на пленного, *зыркнули* на конвоира; *цигарка, зажатая в зубах, горячо разгоралась*, он *жадно* затягивался, не выпуская дым, а глотая *хриплыми вдохами*» (10). Ср. развитие этой темы далее: «крикнул *задохнувшимся* голосом», «коренастый, *оскалясь, подскочил* к пленному», «*прохрипел* солдат», «*хрипло и страшно захохотал, как безумный*». Иррадиация семантики доминирующей темы на другие слова текста обнаруживается в междостереочных сближениях этих слов по семе интенсивности (состояния, движения, звучания, светоизлучения и др.). По мере развертывания сюжета меняется и характер номинации в сторону усиления неодобрительной коннотации: «коренастый солдат», «коренастый, низкорослый солдат». Она усиливается и благодаря уменьшению яркости семы 'вра-', ибо враг — это пленный, раненый, чья беспомощность постоянно подчеркивается автором по сравнению с силой и злобой победителя: «Офицер ранен, рука на перевязи, под меховой каскеткой — молодое, обросшее, испуганно заискивающее лицо» (10); «Он сморщился, заплакал, сгибаясь от боли и нянча свою окровавленную кисть, как ребенок.— Их есть... камрад!.. [солдат] *полоснул короткой очередью в перекошенное страхом и болью лицо немца, понявшего свою смерть лишь в последний момент. Он, мокро и коротко хлопнул носом, вскинул дикие, отталкивающие неизбежное глаза, но сказать ничего не успел...*» (11). Но сила ненависти такова, что и в таком жалком виде раненый остался для солдата врагом, заслуживающим самых презрительных обозначений: «курва», «симулянт», «гад ползучий», «фашистская сволочь». Впрочем, состояние «жестокоего хмеля» распространяется и на обращение с конвоиром, не выдержавшим жестокости расправы: «Нюня ты! Баба с мокрым подолом!.. Таких, как ты... самих надо!» (11). Все это выходит далеко за пределы «контекстов ожидания», заложенных во фраг-

менте тезауруса, слишком обобщенно отражающего стандартную ситуацию общения стандартных участников речевой деятельности (это своего рода усредненный, обезличенный каркас минимального типового текста, обладающего большой долей вероятности появления). Слово же в тексте как продукт речевой коммуникации «становится фактом интерперсонального действия (а точнее, взаимодействия адресата и адресанта.— Н. С.) и, вследствие проекции... значения на каждый раз заново создаваемый мыслительно-коммуникативный фон... претерпевает ряд семантических изменений»¹¹.

В нашем случае диалогичность текста миниатюры, ориентация на определенный образ адресата, попытка согласовать ценностные ориентации автора и читателя одним из средств своего обнаружения имеют семантические модификации слова *война* с учетом стоящей за ним ситуации, а также фоновых знаний и норм. Интерперсональные действия (включая речевые) предполагают определенные цели, которые достигаются теми или иными средствами. Диалектика цели и средства (в нашем случае языкового) удачно раскрыта в статье экономиста В. Селюнина: «Между целью и средствами расхождений не существовало, как их вообще не бывает в жизни. Ведь средства — это и есть цель в действии, в движении, в повседневной практике; в ином обличье, кроме как через средства, цель проявиться не способна»¹². До сих пор в анализе акцент делался преимущественно на расхождении фрагмента тезауруса и тематической сетки текста, обусловленных актуализацией определенных сем как явления коммуникативного, связанного с рематической направленностью актуального членения, выдвижением не любых, а коммуникативно значимых элементов смысла.

Но проекции многих слов гнезда на лексическую структуру текста носят и предсказуемый характер, поскольку отражают достаточно стандартные связи. Это относится прежде всего к тематически ориентированной в данном тексте лексике. Так, отношениями видовой зависимости связаны с ядерным словом *солдат* иные обозначения субъекта на войне: *офицер, конвоир*. С опорой на слово гнезда *враг* выстраивается текстовая парадигма слов, связанных с ним отношениями семантического сближения и противопоставления: *немец, фашист, камрад*. Со словом гнезда *вооружение* соотнесены текстовые номинации *автомат, стрельба, очередь* (на следующем семантическом шаге — действие и способ действия с помощью данного вида оружия). В семантической зоне слова гнезда *поражение* находятся текстовые номинации *смерть* (следствие поражения), *убитый* (участь потерпевшего поражение), *боль, ужас, страх* (состояние потерпевшего поражения). Со словами *солдат* и *доспехи* (по семе 'вои-') связаны обозначения предметов воинской амуниции — *сапоги, каскетка*.

Таким образом, в рассмотренном случае фрагмент тезауруса

при ограниченном количестве семантических шагов прогнозирует то, что обусловлено общностью темы, оставляя за пределами предсказуемого многое из того, что связано с ее интерпретацией.

Потребности интерпретации могут вызывать глубокую разработку темы, обозначенной не дескриптором, а словом гнезда. Так, слово *оружие*, отсутствующее в гнезде дескриптора *война*, введено в качестве рядового члена в гнездо дескриптора *орудия* по семам 'приспо-', 'тех-', 'средс-'. Однако это слово тяготеет и к членам рассмотренного выше гнезда *война*: *вооружение*, *вооружать*.

Словом *оружие* названа еще одна миниатюра Ю. Бондарева. Ее тематическая сетка выстраивается с опорой на межгнездовые связи слов *война* и *оружие*. Здесь детально разработана прогнозируемая РСС система родовидовых отношений, отношений части — целого, предназначенности и др. Ср.: *орудие* (смерти) — *оружие* — *парабеллум* (*рукоятка, спусковая скоба, спусковой крючок, предохранительная кнопка, патроны*), а также *браунинг*, *вальтер* (*ствольные коробки, рукоятки, мушки, дульные выходы, пульки*), они же названы *пистолетами* (родовое обозначение), *шмайссер* (тут же родовое — *автомат*), *пищали, сабли, кортики, кинжалы, секиры, пистолеты*. И далее: *оружейные ложи, эфесы, рукоятки мечей*. Прозрачны связи с обозначением материала, из которого сделано оружие: *металл* *парабеллумов, никель* *ствольных коробок*. Конечно, такая детализация, с включением серии элементов военной терминологической парадигмы, в художественном тексте не случайна: она задана образом автора — участника войны, знающего толк в оружии и ценящего его своеобразную красоту и целесообразность. Этот мотив обращения к теме изложен в зачине: «Когда-то, очень давно, на фронте, я любил рассматривать трофейное оружие» (24).

Этот аспект обусловил способы выражения субъективной модальности, любования красотой и целесообразностью: «гладко отшлифованный металл», «вороненая чернота», «игрушечная миниатюрность», «пленительный перламутр рукояток», «изящные мушки», «в этих пистолетах все было удобно, аккуратно, все сияло женственной нежностью, и была ласковая смертельная красота в легких и прозрачных крошечных пульках», «совершенный по форме автомат», «эстетическая стройность прямых линий и металлических изгибов». Такая поэтизация оружия оправдана тем, что оно — воплощение «человеческого таланта». Но вся миниатюра построена на контрастах (ср. начало *«когда-то»* и конец: *«Теперь же, проходя по залам музеев, увешанных оружием всех времен... я с тошнотным чувством сопротивления спрашиваю себя: «Почему люди, подверженные, как и все на земле, ранней или поздней смерти, делали и делают оружие красивым, даже изящным, подобным предмету искусства? Есть ли какой-нибудь смысл в том, что железная красота убивает са-*

мую высшую красоту творения — человеческую жизнь?») (26). К этому выводу подводят читателя и более ранние фрагменты: «...во всем готовом к убийству механизме была чуждая томящая красота, какая-то тупая сила призыва к власти над другим человеком, к угрозе и подавлению» (25); «Тогда, более тридцати лет назад, я многого не понимал и думал: наше оружие грубее немецкого, и лишь подсознательно чувствовал некую *противоестественность в утонченной красоте орудия смерти*, оформленного, как *дорогая игрушка*, руками самих людей, *смертельных, недолговечных*» (Там же).

Таким образом, лирико-философский характер миниатюры как отражение авторского замысла обусловил зоны расхождения (и очень значительные) фрагментов тезауруса и тематической сетки текста, привел во взаимодействие члены разных смысловых зон. Система номинаций эстетического плана служит основой утверждения о подлинной красоте, свойственной только жизни в ее противостоянии смерти. Между этими полюсами располагается весь спектр эстетических обозначений: «чуждая томящая красота», «ласковая смертельная красота», «гармонично сконструирован... совершенный по своей форме автомат», «эстетическая стройность линий и изгибов», «утонченная красота орудия смерти», «железная красота», «красивый, даже изящный, подобный предмету искусства», «высшая красота творения — человеческая жизнь». С этим же связана пространная текстовая парадигма слов, объединенных общим смыслом 'уничтожение': *убийство, сила, власть, угроза, подавление, смерть, смертельный, недолговечный, убивает*. В миниатюрах, как в стихотворном тексте, видимо, в силу их лирической направленности, тоже можно видеть тесноту и предельную концентрированность смысла. Изображение динамики авторского отношения к предмету обусловило темпоральный способ представления содержания с вынесением в абзацную строку временных наречий: *когда-то, тогда, теперь же* (частица с противительным значением).

Следовательно, если видеть в тематической сетке текста иерархию тем, субтем, субподтем, то в рассмотренном тексте тема 'оружие' оказывается на иерархически более низком уровне, чем тема 'красота', имеющая более общее, лирико-философское истолкование, чему способствует и предикатный характер его семантики, как и тех ключевых слов, которые с ним наиболее тесно связываются: *жизнь, смерть*.

Следующая миниатюра, соотносимая по заглавию со словом-дескриптором, — «Воображение». Состав семантических множителей заглавного слова почти полностью преломляется у слов, входящих в тематическую сетку текста, хотя прямое соответствие (по составу членов) обнаруживает только одно слово *сознание*. Его семный набор в гнезде 'ум', 'мысл-', 'способн-' по-разному отражен в текстовых употреблениях: «И, сидя на постели с необлегчающим *сознанием* вернувшегося прошлого, он увидел то

юношеское, случившееся с ним в сорок первом году...» (48), где не актуализируется сема 'ум-' (сознание здесь 'способность мыслить, осознавать события после пробуждения'). Ср.: «Что с тобой? С кем ты разговариваешь? Ты не заболел, дорогой? — зазубренным острием толкнулся в его *сознание* встревоженный голос жены, зашевелившейся рядом, и он, еще не очнувшись, в состоянии медленного падения, проговорил хрипло...» (49), где сема 'ум-' уже не исключена, как и в следующем: «Но что тянет мое *сознание* к той девочке, к тому жаркому дню сорок первого года?» (Там же), хотя здесь еще содержится народная сема 'сердце'.

Таким образом, в зависимости от угла зрения в «светлое поле сознания» попадают те или иные признаки, фиксируемые в значениях опорных слов текста: *воображение, сознание, воображать*. Другие текстовые номинации объективируют различные семантические множители дескриптора или членов гнезда. В тексте это прежде всего группа глаголов восприятия, связанных с глаголами мышления своими вторичными значениями. Большая их часть тяготеет к исходному для дескриптора глаголу *воображать* (ср.: «я *воображаю* немислимое — и кончу плохо» (49), обнаруживающему максимальную близость с отглагольным дериватом по семам: 'счест-', 'вообр-', 'предпол-', 'мысл-', 'представ-'. Это глаголы *ощущать, увидеть, испытывать, почувствовать, очнуться, сниться*, помогающие представить воображаемые события как реально существовавшие в жизни персонажа и часто ему затем снившиеся. С опорным глаголом *воображать* связаны в тексте глаголы той же ЛСГ «мыслительная деятельность» *мечтать* и *помнить*. В границы тематической сетки текста включается и неглагольная лексика, имеющая в своем составе хотя бы одну из сем дескриптора: *сон* (по семе 'фантаз-'), *мысль* (немислимое по семам 'фантаз-', 'мысл-').

Таким образом, соотнесение тематической сетки текста с фрагментом тезауруса составом семантических множителей дескриптора позволяет вскрыть синтагматику мысли, механизм порождения текста в его компрессированном виде. То, что синкретично дано в дескрипторе, разворачивается с теми или иными модификациями в семантической сетке текста.

Философская проблема жизни и смерти решается и в другой миниатюре Ю. Бондарева «Дыхание». Это слово — лейтмотив всего текста: «С трудом я уловил наконец ровное дыхание жены...» (112); «Я прислушивалась к твоему дыханию...» (113); «Я тоже слушал... твоё дыхание, милая»; «И я обнял ее, чувствуя родственное тепло ее плеч, ее живое дыхание на своей щеке. Больше мне ничего не было нужно...» (Там же).

При этом ни один из семантических множителей слова *дыхание*, включенного в статью дескриптора, не актуализирован в тексте 'углек-', 'кислор-', 'погло-', 'легки-', 'втя-', 'обмен-'. Из состава же семантических множителей самого дескриптора, включа-

ющего и опосредованные, ассоциативные и ситуативные указания, наибольшей яркостью обладает сема 'жи-', отодвигаются на второй план, теряют яркость семы 'ды-', 'процесс-', 'выдел-', 'возд-', 'организм-'. Характерно, что сема 'жи-' дана в статье как самая частотная (51). Эта сема актуализована и в семантическом согласовании с определениями *ровное, живое*. С ней ассоциативно связаны слова звуковой семантики: *голос, прозвучать, позвала, шорох, звук, тугие удары* (с ними отношения цели связаны слова *предупредить, спасти, помочь, ответ (сердца), звала* (с многократным повтором). Таким образом, в данном случае одна из сем дескриптора с большой долей вероятности программирует развитие темы ценности жизни, ее хрупкости. Контрастный способ раскрытия замысла характерен и для этой миниатюры: в ней выстраивается полярная тема небытия, граничащего со смертью: «черное пространство сна», «бесплотный голос», «показалось», «почудилось», «приснилось», «опасность», «несчастье», «предчувствие», «безмолвие», «страшно», «одинокое».

Так тема предчувствия опасности смыкается с темой любви и одиночества.

Если в рассмотренной новелле самая частотная сема дескриптора играла рематическую, определяющую роль в экспликации авторского замысла, то иную функцию она выполняет в миниатюре «Лицо» (в перечне семантических множителей соответствующего дескриптора максимальной частотностью обладает сема 'чел-'). Именно эта сема в силу ее обобщенности и как бы неизбежности в выражении отношений принадлежности оказывается семантически опустошенной в текстовом использовании. Она актуализирована лишь в нескольких случаях: 1) когда с ее помощью нужно передать общее состояние человека, отражающееся на его лице: «В тот день он [муж] показался мне уж совсем чужим, непривычно напряженным, бледным, на нем была новая гимнастерка, новая портупья, а рубиновые кубики лейтенанта в петлицах почему-то особенно испугали меня» (115); «враждебные лица», «веселые лица солдат»; «изможденные лица [пленных]»; «Я вся сжалась, решив, что он смеется надо мной, над моим убогим видом, над моим жалким лицом» (117); 2) когда нужно ввести в поле зрения новый персонаж (эта функция была дополнительной и в случае: «среди белых пятен лиц увидела молодое лицо пленного». Характерно, что способом актуализации значения слова *лицо* здесь выступает деактуализация всех семантических признаков, кроме потенциального цветового в начале предложения. Это явный сигнал того, что в последующем тексте будут раскрыты мотивы подобного противопоставления. И далее в поле зрения и внимания героини попадает только это лицо и настойчиво актуализируется сема дескриптора (кстати, не отмеченная у слова *лицо* в составе статьи): «...увидела глаза, через головы людей вонзившиеся в мои глаза,— неподвижные, восторженные, родные и чужие глаза (такие могут

только присниться), незнакомые и до обморока знакомые, ради которых можно было не задумываясь умереть. <...> ...и лицо, единственное в машине лицо между пятен других лиц, удалялось, но не сводило с меня расширенных глаз; то ли в ужасе узнавания, то ли в нечеловеческой муке, эти глаза из сотен людей на площади видели лишь одну меня, а я видела только это лицо, только этот взгляд (слово не включено в статью дескриптора, но передает типовые отношения 'действие (результат), орудие, предназначенное для этого действия'.— Н. С.) и, прорвавшись через толпу, бежала за машиной, как в сумасшествии, будто по неземной райской дороге, проложенной лучом (сближение, согласованное со словом *взгляд* по семе 'направленность'.— Н. С.) его взгляда, обещавшим блаженство, счастье, нескончаемую радость» (119). И далее опять возвращение к лейтмотиву: «Это лицо в машине, нашедшее меня среди сотен людей, не могло быть враждебным, убившим моего мужа, и хорошо помню, что я целый день ничего не видела, кроме этого лица» (120). Здесь уже по мере семантического обогащения в тексте *лицо* вбирает в себя семы 'человек', 'взгляд', возникает речевая многозначность. В финале смыслы опять дифференцируются: «...теперь почему-то все чаще, все радостнее мне снится тот незабвенный день, площадь, толпа и это лицо, это замершее восторженное выражение глаз, и я вижу во сне себя, в безумии надежды бегущую за машиной» (120). Слова, координирующие с полем дескриптора, в тексте образуют определениями (указательного или характеризующего свойства), ни одно из которых не представлено в гнезде РСС. Наряду с другими средствами они высвечивают те семы (часто потенциальные), которые необходимы для выражения авторской интенции.

Поскольку раскрытие темы не исчерпывается описанием денотативной ситуации, а связано с объективно-субъективными моментами процесса отражения и их языковой объективацией, с познавательным и коммуникативным преобразованием, каким предстает отражение объективной действительности при коммуникативном подходе, постольку «отлет» лексической структуры текста от структуры поля дескриптора может быть очень существенным, однако не достигающим полного разрыва с ним. Это нужно признать существенным признаком текстов, тяготеющих к жанру философских сочинений, субъективный момент усилен лирической направленностью миниатюр. В одной из них под названием «Богатство» выстраивается совершенно особая иерархия тем, подтем и субподтем. Ее вершина задана следующей сентенцией: «Всякая *система* нередко лежит рядом с *антисистемой*, поэтому альтернатив нет разве только в Дантовом аду» (121). Она сопровождает раздумья о судьбах культуры и альтернативный способ описания тематической ситуации. Система несет в себе идею созидания, накопления, творчества, антисистема — разрушения, истребления, исчезновения.

В границах этого противопоставления (и здесь свойственное писателю контрастное видение мира) выстраивается цепочка номинаций, которую можно схематически представить следующим образом:

Богатство, бесценное сокровище, по крупницам... накопленное народом и народами

Культура — духовная и душевная наполненность, состояние счастья, радости бытия

Культура совершенствует прогресс, творчество, создает строгие нравственные таможни

Человек, гомо фабер — венец творения, добро, красота, польза

Человек

Скромные плащи, козий сыр и ячменные лепешки (завтрак Сократа), простые дома

«Технологическая цивилизация» — комфорт, бездумная разрушительность и синтетические новшества, видимость прогресса

Масскулатура (оказ. контаминация слов *мускулатура* и *массовая культура*) — урбанистическая действительность прагматизма, власти денег, неверия и лжи

Ненасытная алчность, миллионы невинных жертв, заболоченные поля, безобразные бетонные города, высохшие реки, горы мусора на изуродованной земле

Золотой телец — безликий и беспощадный властелин нашей действительности; мифический, придуманный чиновниками план, за которым уже не видно человека

Из 11 семантических множителей дескриптора лишь четыре актуализированы в словах правого и левого столбца: 'богат-', 'матер-', 'ценн-', 'деньг-'. Косвенное указание на сему 'человек' содержит слово *богатый* в статье дескриптора, а также слова *благо*, *творчество*, *массовый*. Актуальным для текстовых смыслов оказалось слово *техника*, соотносящееся с дескриптором по семам 'матер-', 'ценн-'. В текстовом осмыслении содержание слова *богатство* связано лишь с теми семами, которые ориентированы (или могут быть ориентированы) на духовный, нравственный мир человека. Те же (а их подавляющее большинство), которые характеризуют условия, благоприятные для человека в материальном отношении, в перспективе текста служат обозначению контрастного понятия — нищеты, понимаемой как духовное оскудение на фоне мнимого прогресса «технологической цивилизации». Таким образом, можно считать возможности статьи дескриптора прогнозирующими «от противного» в первую очередь в связи с теми коррекциями, которые вносит обильно используемая лексика социально- и эмоционально-оценочного плана, утверждающая нетривиальную систему ценностных ориентаций автора, свойственную ему систему знаний.

Итак, соотнесение фрагментов тезаурусов с тематической сеткой соответствующих дескриптору текстов обнаруживает неодинаковую прогнозирующую силу гнезд, что зависит как от свойств самого дескриптора, его тематической или рематической

ориентации, так и от роли названия текста в реализации авторского замысла. Чем своеобразнее осмысление тех или иных тематических ситуаций, чем оригинальнее картина мира, отраженная в тексте, тем реже срабатывают «контексты ожидания», предлагаемые фрагментом тезауруса. Понятие, отраженное в заглавии, допускает возможности свертывания в нем различных суждений, которые раскрываются в перспективе текста. Эта неодноплановость истолкования объясняет как избирательность отраженных в тематической сетке текста сем дескриптора, так и рассредоточенность отобранных, их «мерцание» по мере разворачивания темы. Коммуникативные потребности говорящего приводят к таким иерархическим отношениям тем, подтем и субподтем, которые не предусмотрены общим тезаурусом, а также к приведению в действие межгнздовых связей. Не обнаруживается прямых корреляций между частотностью сем дескриптора и их статусом в тематической сетке текста, возможны случаи погашения всех актуальных и реализации лишь потенциальной семы слова, настойчивой актуализации лишь одной какой-то семы или сем, связанных с разными значениями слова. Все это свидетельствует о включенности текстового слова в особую коммуникативную систему, организуемую замыслом говорящего, который содержателен и ориентирован на определенную систему знаний о мире и нацелен на утверждение определенных ценностных ориентаций в сознании адресата и тем самым на преобразование действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Петров В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вopr. языкозн. 1988. № 2. С. 45.

² Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 14.

³ Залевская А. А. Семантика слова и контекст в психолингвистическом аспекте // Значение и его вырйирование в тексте. Волгоград, 1987. С. 88—89.

⁴ Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958. С. 53.

⁵ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

⁶ Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985. С. 164.

⁷ Петров В. В. Указ. соч. С. 42.

⁸ Там же.

⁹ Русский семантический словарь / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1983. С. 3.

¹⁰ Баранникова Л. И. Основные сведения о языке. М., 1982. С. 49.

¹¹ Бричко А. С. Проблема описания семантики модальных единиц уверенности/неуверенности в коммуникативно-прагматическом аспекте // Дери-вация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика): Тез. докл. науч.-теор. конф. (Пермь, 11—14 нояб. 1988 г.). Пермь, 1988. С. 99.

¹² Селюнин В. Истоки // Если по совести: Сб. ст. М., 1988. С. 275.

А. П. ЧУДИНОВ

Свердловский пединститут

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ, НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К ОДНОЙ ЛСГ

Предлагается новый подход к определению термина «функциональная эквивалентность» и на этой основе анализируются нетрадиционные случаи функциональной эквивалентности глаголов.

В современной семасиологии всесторонне исследованы типы парадигматических связей в языке: синонимия, антонимия, гипонимия, полисемия, однако не меньший интерес представляют собой и парадигматические связи слов в речи, функциональный аспект парадигматики. В связи с этим различаются случаи, когда в речи сохраняются парадигматические связи, уже имеющиеся в языке, и случаи, когда подобные связи возникают у слов, не являющихся в языке синонимами или антонимами.

При исследовании функциональной эквивалентности (речевой синонимии) глаголов с различным языковым значением во внимание традиционно принимаются только слова, принадлежащие к одной ЛСГ. Так, впервые поставившая эту проблему Э. В. Кузнецова анализирует функциональную эквивалентность глаголов приобщения объекта¹, Н. А. Боровикова описывает функциональную эквивалентность глаголов уже в десяти ЛСГ²; во многих публикациях говорится о функциональной эквивалентности членов синонимического ряда³. Однако специальные наблюдения показывают, что в отношениях функциональной эквивалентности могут находиться и глаголы различных ЛСГ при условии понижения яркости категориально-лексических сем и повышения значимости ассоциативных признаков.

Как отмечает Э. В. Кузнецова, основным путем обнаружения функциональной эквивалентности является «метод подстановки одних глаголов вместо других во фразах, составляющих исходную базу исследования»⁴. Именно таким путем выделяются и случаи функциональной эквивалентности глаголов, не принадлежащих к одной ЛСГ. Сравним два словоупотребления глагола *мыть*: «Не могу же я с северным сиянием жить, как обычные люди. Думать, что пора *мыть полы*, ругаться в очереди, сплетничать про подруг» (Катерли); «Двадцать женщин были направлены в бывшее ФЗУ на уборку — *мыли*, скоблили, чистили, приводили в порядок отхожие места» (Рыбаков). В первом случае сочетание *мыть полы* вполне могло бы быть заменено обозначением иной постоянной домашней работы: *чистить картошку, стирать белье, готовить обед*, т. е. в данном случае обнаруживается функциональная эквивалентность. Возможность замены

объясняется тем, что здесь важно не столько само действие, сколько его эмоциональная оценка (обыденность, нетворческий характер); об этом свидетельствует и однородность конструкций с глаголами *мыть*, *ругаться*, *сплетничать*, и предвещающий эти глаголы оборот *как обычные люди*, и несомненное противопоставление *северного сияния* прозаическим заботам обыкновенного человека.

Во втором контексте главное — результат действия; здесь показательно и употребление в качестве однородных членов близких по семантике глаголов *мыть*, *скоблить*, *драить*, и поддержка категориально-лексического признака узким контекстом (*направлены на уборку*), и данные широкого контекста (далее сообщается, что в здании будет размещен госпиталь). В связи с акцентированием составляющего основу языковой семантики категориально-лексического признака функциональная эквивалентность, выходящая за рамки ЛСГ, невозможна.

Акцентированием ассоциативных признаков при понижении яркости категориально-лексической семы объясняются и другие случаи функциональной эквивалентности глаголов, принадлежащих к различным ЛСГ. Так, в следующем контексте функционально эквивалентными оказываются глагольно-именные сочетания *выносить мусор*, *подметать пол*, *мыть окна*: «Возможно, есть такие школы, где отцы-генералы во время субботников *выносят мусор*, отцы-министры *подметают пол*, а матери-кинозвезды *моют окна*, но для нашего учебного заведения визит высшего офицера — событие» (Поляков). В данном случае глаголы сближает ассоциативный признак 'выполнять непрестижные обязанности' и при обозначении гипотетических занятий генералов, министров и кинозвезд (три последних слова объединяет ассоциативный признак 'высокое социальное положение') вполне могли бы быть использованы другие конструкции: *грузить металлом*, *белить стены* или *накрывать столы для завтраков*. Ср. также контекст с акцентированием в глагольной семантике ассоциативных признаков 'совершать экстраординарные поступки', 'жертвовать самым важным': «Ведь я только-только поверила окончательно во все свои женские чары и добродетели и, только поверив, стала до конца такой, за которую мужики со вкусом должны *стреляться*, *вешаться*, *разводиться*, *спиваться* и *воскресать* от одного благосклонного взгляда» (Картушин). По-видимому, различия в лексической семантике выделенных глаголов в данном контексте не имеют значимости и любой из них вполне может быть устранен из ряда однородных членов либо заменен словом из другой ЛСГ, но обязательно имеющим указанные ассоциативные признаки (*топиться*, *драться на дуэли* и т. п.).

Показательно, что во всех рассмотренных выше примерах функциональной эквивалентности глагол обозначает гипотетическое, предположительное, действие, отнесенное к будущему. Это один из наиболее типичных контекстов функциональной эквивалентно-

сти, однако глаголы способны находиться в указанных отношениях и при обозначении обычных, повторяющихся действий в прошлом и настоящем. Ср.: «Вообще Цебриков превосходный хозяин и замечательный муж: чуть выдастся свободная минута — он тотчас... *начинает мести ковер, а то полощет чашки, пылесосит диван или же затеет маленькую постирушку*» (Трифонов). Глаголы здесь обозначают постоянные, повторяющиеся действия, которые, разумеется, перечислены не в полном объеме: образцовый муж, конечно, выполняет и другие обязанности по дому, поэтому соответствующие глаголы вполне могут быть включены в рассматриваемый контекст. Ср. также: «Насидевшись за кассой, она хотела двигаться — *стирала, гладила, варила* свой знаменитый украинский борщ, *рубил* корм цыплятам, *драил* мастикой сияющий линолеум» (Гофф). Лексический экспликатор *хотела двигаться* здесь достаточно однозначно свидетельствует о специфике актуального смысла глаголов, который одновременно оттеняется сочетанием *насидевшись за кассой*. Вместе с тем контекст не содержит исчерпывающего перечисления действий, а значит, он вполне может быть дополнен другими глаголами или, наоборот, сокращен за счет одного-двух глаголов.

Характер ассоциативных признаков, акцентируемых при функциональной эквивалентности глаголов, очень разнообразен. На первый план может выступать характеристика способностей человека в науке, художественном творчестве, спорте и других видах деятельности; это могут быть физические потенции, тренированность, умение руководить коллективом или быть его эмоциональным центром. Наконец, существуют контексты, в которых подчеркивается именно разносторонность интересов и способностей человека. Ср.: «Лора самостоятельно *изучает* историю архитектуры. *Прорабатывает* «Атомную физику» Макса Бора. *Фехтует*. *Играет* в шахматы. *Ходит* в бассейн. И при всем этом остается женщиной — так она считает» (Иванченко). Использование парцеллированных конструкций позволяет выделить значимость и относительную самостоятельность каждого из названных видов деятельности, однако все это перечисление направлено на то, чтобы ярче описать образ жизни героини: здесь важны не столько конкретные действия, сколько их общее количество и разнообразие.

Акцентирование ассоциативных признаков может стать основой не только функциональной эквивалентности (речевой синонимии), но и функциональной противопоставленности (речевой антонимии). В последнем случае, как и при функциональной эквивалентности, происходит понижение яркости категориально-лексических признаков и в составе противительной конструкции оказываются глаголы, не являющиеся антонимами в языке. Ср.: «Бойся красавиц, — учит меня мама, — они умеют только *гримасничать* и *кружить головы*, а кто будет *варить* тебе гречневую кашу и *стирать*, когда меня не будет» (Санин). В данном кон-

тексте противопоставляются полезные, с точки зрения матери героя, действия (*стирать, варить кашу*) и не приносящие пользы (*кружить головы, гримасничать*) действия; этой же цели служит указание на опасность красавиц для сына, сомнения в их бытовых умениях.

Факты функциональной противопоставленности глаголов, принадлежащих к различным ЛСГ и не являющихся языковыми антонимами, наблюдаются не только в конструкциях с противительными союзами; более важно акцентирование противоположных ассоциативных признаков. Ср.: «Алка включит проигрыватель и сидит, замрет, как памятник. Будто нельзя симфонии *слушать* и в то же время пол *подтереть*» (Катерли). В данном контексте противопоставлены «неплодотворность» прослушивания музыки и «полезность» наведения чистоты. Первая часть антитезы поддерживается специальными глаголами (*сидит и замрет*), а также сравнением (*как памятник*); не случайно здесь использован и глагол *подтереть*, обозначающий быстрое и, может быть, не вполне качественное действие (ср. *вымыть, надраить*): пожелание как бы сводится к минимуму, а отсутствие движения гиперболизируется.

Подобным образом может подчеркиваться контрастность речевой семантики и ряда других глаголов. Ср.: «Я поправилась и в свободное время занялась чтением. Почему-то тихое занятие также раздражало моих домашних. «Опять *читаешь*? Лучше б носки *поштопала*», — нет-нет да говорила свекровь» (Горбулина). Неоправданное противопоставление процесса восприятия эстетических и интеллектуальных ценностей физическому труду служит здесь яркой характеристикой личности героини, для которой, по-видимому, конкретный характер труда не столь уж и важен (именно это и создает возможность для функциональной замены глагола *поштопать* целым рядом других), главным является стремление занять невестку полезным для семьи делом.

Итак, наблюдения над речевой семантикой свидетельствуют, что в отношениях функциональной эквивалентности и функциональной противопоставленности могут находиться не только глаголы, принадлежащие к одной ЛСГ, но и слова, не имеющие одинаковых категориально-лексических признаков. Важным условием для формирования указанных отношений в тексте является повышение яркости ассоциативных признаков семантики и соответственно понижение значимости обязательных сем. Функциональная эквивалентность и функциональная противопоставленность глаголов могут быть обнаружены в самых различных контекстуальных условиях, но особенно они заметны в составе рядов однородных членов с соединительными и противительными отношениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Кузнецова Э. В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (к вопросу о природе лексико-семантических групп): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1974.

² Бороваикова Н. А. Регулярная многозначность в ЛСГ русских глаголов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1985.

³ Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982; Скшидло А. Я. Синонимия в диалогической речи: типология, функционирование. М., 1985; Черняк В. Д. Синонимы в системном и текстовом аспекте. Л., 1987 и др.

⁴ Кузнецова Э. В. Указ. соч. С. 21.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

Г. В. БИТЕНСКАЯ

Нижнетагильский педагогический институт

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Исследуется лексическая система художественного текста повести В. Астафьева «Пастух и пастушка».

В современных лингвистических исследованиях все чаще звучит мысль о необходимости и целесообразности системного изучения лексики художественного текста, которая оценивается как «фактор, непосредственно несущий содержание текста»¹. Наблюдение за номинативным и образным смыслом лексических составляющих текста приводит к пониманию идейного замысла произведения и индивидуальных особенностей слога писателя.

Выделяются два аспекта анализа лексики художественного текста — контекстологический анализ линейно расположенных элементов и анализ текстовой парадигматики. Последний является целью данной статьи. В тексте могут употребляться как отдельные языковые единицы, так и подсистемы этих единиц, которые носят название внутритекстовых парадигм (функциональные синонимы, антонимы, внутрисловные парадигмы, функционально-текстовые группы слов)².

Объединение лексических элементов в текстовые подсистемы во многом определяется идейно-эстетическим замыслом писателя. И. Я. Чернухина выделяет три принципа тематического притяжения лексики в тексте: принцип семантического дополнения, принцип семантической мозаики, принцип семантической волны³. Основой любого семантического объединения слов в тексте, как и в языке, является общая лексическая сема.

Проанализируем лексическую подсистему в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка»*. В данном тексте формирова-

* См.: Астафьев В. Повести. М., 1984. Далее в тексте статьи цитаты по этому изданию с указанием страницы в скобках.

ние анализируемого многоярусного лексического комплекса, объединенного общей семей 'война', связано с тематико-ситуативным фактором. Ядром этого комплекса являются языковые лексические единицы — существительные, реализующие основное значение, в компонентном составе которого имеется категориально-лексическая сема 'оружие'. Данное ядро зеркально отражает строение языковой лексической парадигмы с семей 'оружие'. Это и общие родовые названия средств, технически пригодных для нападения или защиты (*оружие, орудие, орудье*), и разновидности стрелкового оружия (*ружья, винтовки, карабины, пистолет-пистолетик*), и виды артиллерийского оружия (*пушка, гаубица, миномет, пулемет, катюша, огневая точка*), и разновидности снарядов (*эрэсы, гранаты, бомбы, пули, мины*). Проявлению семы 'оружие' содействуют контекстные партнеры со значением передачи огневого действия. Они составляют достаточно самостоятельную подсистему анализируемого лексического комплекса («не унимаясь, *харкались* огнем, *бухали* два миномета»; «отрывисто *рыкали* пулеметы»; «самоходки открыли огонь из пушек»; «зафукали эрэсы»; «гаубицы бухали»).

Стилистическое своеобразие элементов текстовой парадигмы со значением 'оружие' проявляется в тенденции к образности. Образно-изобразительный смысл комбинируется с помощью метафорических элементов, передающих олицетворенное восприятие картины боя. В качестве основных средств создания олицетворения выступают глаголы и их формы (причастия и деепричастия). При этом отдельные глагольные слова повторяются неоднократно. Первая группа таких глаголов, ориентированных в языке на субъект-лицо, очеловечивает образ: «ахали гранаты» (205); «поахивали огневые средства» (215); «станковой пулемет молчал» (214); «два миномета, трахнув и уяснив, что когда кузнец кует — лягушка лапу не сует, прекратили пальбу» (214); «пушчонки стойко *сражались*» (Там же).

Вторая группа глаголов задает позицию субъекта-животного («заполошно *тявкала* батарея пушек» (202); «*тявкала* пушчонка» (Там же); «танк *прогрызал* землю» (207); «завывали мины» (202).

Третья группа глаголов ассоциативно связана с любым живым субъектом, человеком или животным: «не унимаясь, *харкались* огнем, *бухали* два миномета» (215); «отрывисто *рыкали* пулеметы» (Там же); «танк *содрогулся*, *звякнул* железом и *забегал* вправо-влево, качнул орудием, *уронил* набалдашник» (205); «танк *дернулся, осел, смолк*» (207); «танк, рыча мотором, брякая железом, *зашевелился*, навис грузной тушей над траншеей» (206); «повисев над ними как бы в раздумье, танк *лязнул* траками, *повернулся* с визгом, бросив в старшину и Бориса комья грязного снега» (Там же); «танк *ухнул* в глубокую воронку, *задергался* в судорогах» (207). Образный сдвиг не влечет за собой потерю денотативной отнесенности имен, обознача-

ющих оружие. Однако олицетворение выводится на первый план восприятия и часто усиливается в тексте однородностью сказуемых ¹(*танк содрогнулся — звякнул — забегал — качнул — уронил; танк дернулся — осел — смолк*).

Отбор глаголов производится из языковых групп звучания, речи, движения, передачи огневого действия, начала и прекращения деятельности. При этом наблюдаются реализация основного значения глагола с текстовым наращением и метафоризация отдельного высказывания. Так в границах целого текста осуществляется системно-образное представление о войне и ее конкретном участке — ночном бое.

Лексический комплекс элементов со значением 'оружие' конкретизируется группой наречий, ассоциирующихся с поведением, психическим состоянием, эмоциональными реакциями, внешнею человека: «огневые точки начали *смущенно* свертывать стрельбу» (214); «*нервно* вспыхивали ракеты» (201); «затрепал *обрадованно* пулемет» (207); «орудия *высокомерно* замолчали» (214); «танки *безглазо* надвигались» (205); «начали бить *громогласно* орудия» (214); «танк *слепо* ринулся» (205).

Характер образности в значительной степени определяется сравнительными и сопоставительными конструкциями, в составе которых часто встречаются существительные в творительном падеже и сравнительные обороты. В роли логического субъекта сравнения выступают всегда наименования оружия, в роли объекта сравнения — зоосемизмы и наименования предметов человекозначащего класса, в том числе предметы солдатского быта: «подбитый танк остывшей *тушей* темнел над траншеей» (208); «с *вкрадчивым курлыканьем*, от которого заходило сердце, обрушился на танк *залп тяжелых эрэсов*» (205); «потекла с роликов и опала ребристая *гусеница*, раскатилась по снегу *драной солдатской обмоткой*» (207); «Борис потерял рукавицу, наелся земли, однако держал *гранату*, как *рюмку*, боясь расплескать ее» (206); «*граната, наподобие пасхального яичка* — веселенькая такая штука» (233); «в мешке было что-то круглое, похожее на *каравай хлеба*, но солдаты разнюхали — в мешке противотанковая *мина*» (310).

Таким образом, основные звенья текстовой парадигмы со значением 'оружие' метафоризируются. Контекстная среда на первый план образного восприятия выдвигает олицетворение, которое противоречит стандартному осмыслению понятия 'оружие', так как на периферии языковой семантики этого слова имеется сема 'смерть'. В тексте оружие «оживает»: оно говорит, стоит, жалуется, замолкает, думает, становится больным, раненым и умирает наконец, как любой солдат на войне. Специфика мышления автора проявляется в нетрадиционном соотношении универсальных смыслов 'жизнь' — 'смерть', динамическое противопоставление которых проходит через весь текст.

Многократно повторяясь в тексте, отдельные ключевые сло-

ва из состава языковой группы «оружие» могут подвергаться смысловому варьированию, т. е. реализовывать или обретать различные денотативные и коннотативные смыслы. Эти смыслы слова, объединенные в подсистему, по аналогии с языковой могут быть названы «внутрисловной текстовой парадигмой»⁴.

Так, в исследуемом тексте В. Астафьева наблюдается денотативное варьирование слова *танк*, которое употребляется в следующих смыслах: а) 'боевая бронемашина': «танкам не было ходу назад, что попадалось на пути, они крушили и перемалывали» (205); б) 'одушевленный субъект': «машины, танки, кавалерия весь день металась по фронту» (201); «за хутором, в полях и возле дороги скопища распотрошенных танков, скелеты машин» (219); «окутанный пылью, резво брэнча левой ослабевшей гусеницей и покачивая пушкой, лез к наблюдательному пункту старый танк» (310); «танки безглазыми чудовищами возникали из люка» (205); в) 'зверь': «сами машины как бы приосели на лапах перед прыжком. Но не только прыгнуть, даже уйти назад они не могли» (201); «танк возник, зашевелился безглазой тушей над траншеей, траки лягнули, повернулись с визгом» (205). Однотипность смыслового варьирования слова в границах одного линейного контекста свидетельствует об использовании В. Астафьевым конструктивного приема, который целено направляет авторскую позицию.

Особенно рельефно образное употребление ядерной лексической парадигмы и смысловое варьирование слов наблюдается при описании страшного ночного боя: «*Орудийный* гул опрокинул и смял ночную тишину. Просекая тучи снега и тьму, мелькали вспышки *орудий*, и под ногами качалась, дрожала, шевелилась растревоженно земля вместе со снегом, с людьми, припавшими к ней грудью» (201). С первых слов чувствуется, что автор, рисуя конкретную ситуацию, стремится к ее заострению, к интенсификации изобразительных средств, создающих художественный образ. Возникает конкретная и вместе с тем обобщенная картина боя, как бы образ самой войны.

Литературоведы отмечают, что В. Астафьев рисует уничтожающую, смертельную силу войны, противостоящую всему живому: «Война безнравственна — такова идея повести, которая логически вытекает из всей художественной системы текста, где герои, конфликты, повествовательная структура отличаются определенной функциональностью для создания именно такого результата эстетического воздействия произведения на умы и сердца читателей»⁵. Мы можем добавить: лексика текста служит той же цели — дать оценку войне как явлению антигуманному, враждебному человеку.

Рассмотрим парадигму, в центре которой расположены существительные — наименования лиц по воинским званиям и специальностям. Эта парадигма организована по принципу семантической мозаики. Ее ядро отражает совокупность элементов

определенного вида или рода и совпадает со словарной (*старшина, лейтенант, генерал, солдат, связист*). На периферии ряда находятся существительные, обозначающие лиц, участвующих в военных действиях. Сюда входят и языковые единицы со сниженной стилистической окраской (*войка, воинство, ванька-взводный, солдатня, прапоры*), и наименования групп лиц (*немцы, офицеры, люди*), и собственные имена персонажей, носящих военные звания (*Борис, Малышев*). Номинативное значение всех слов группы содержит сему лица. Контекстуально эти слова ориентированы на обозначение субъектов соответствующих военных действий и входят в состав рассматриваемого лексического комплекса со значением 'оружие', примыкая к ядру.

Общая лексическая сема 'живое', 'человеческое' членов данной подсистемы, попадая в тропические контексты, вступает в оппозицию со смыслом 'нечеловеческое', 'неживое'. Оппозиция особенно ярко проявляется в сравнительных оборотах: «старшина тряс его[немца], выдергивал, как суслика из норы» (205); «и как только отвели и поставили его в резерв, к замполиту полка явился выветренный, что вобла, лейтенантишка — проситься в отпуск» (300); «его обдало пламенем и снегом... забило все еще вопящий рот землю, катануло по траншее, будто зайчонка» (207); «из окопов то тут, то там выскакивали темные фигуры чужих солдат, от низкосевших касок казавшихся безголовыми, и бросались во тьму, вдогон своим, с криками и плачем» (Там же); «как приведения, как нежити, появлялись из тьмы... немцы...» (214); «как утильсырье, там людей сортировал» (280).

Метафорические контексты низводят смысл 'человеческое' в словах до 'нечеловеческое', 'неживое': «на крик его густо сыпали немцы, чтобы заткнуть ему глотку» (203); «связисты зверски ругались с эрэсовцами» (201); «связист сматывал провод и озверело пер вперед (218); «но тут выбился из тьмы еще один немец, с визгом по-собачьи впился зубами в ногу старшины» (203); «и наши и чужие солдаты попадали в ледку, жались друг к другу, затискивали головы в снег, срывая ногти, по-собачьи рыли руками мерзлую землю, утягивали под себя ноги, старались быть меньше,—и все это молчком, лишь загнанный хрип слышался отовсюду» (205); «то сближались, то проваливались во тьму, зияющую за огнем, тени людей, табуны людей, кучи людей, закрученных водоворотом боя» (203); «те же Малышев и Карышев, которым износу не было, двинулись за старшиной» (214).

Образные нюансы 'неживого' активно передаются аффиксами (*офицерье, лейтенантишка*).

Лексическая подсистема укрупняется и конкретизируется образом горящего человека, далее развивается в аллегорическую фигуру ангела-мстителя, с одной стороны, и образ дикаря,

варвара — с другой. Доминирующей является здесь сема уродства, жестокости, животной пещерной бессознательности: «Огромный человек, шевеля огромный тенью и развевающимся за спиной факелом, двигался, летел на огненных крыльях, крушил все на своем пути железным ломом... Казалось, что пророк небесный — с карающим копьём низвергся на землю, чтобы наказать за варварство людей, образумить их.

Страшен был тот, горящий, с ломом. Тень его металась, то увеличивалась на версту, то исчезала вовсе, и сам он, как выходец из преисподней, то разгорался каким-то ослепительным, вулканическим огнем, то темнел, проваливался в тряпичном чаду и копоты. Он дико выл, оскаливал зубы, хрипел в удушье, и чудились на нем густые волосы, и лом был в его лапах уже не ломом, а выданным в темном лесу дубьем. Руки его длинные, с костями, ноздри зверино вывернуты, и уши, как у нетопыря — лопухами. Холодом, мраком, лешачьей древностью веяло от этого двуногого существа, а полыхающий за спиною факел — будто отсвет тех огненных бурь, из которых возникло это чудовище, поднялось с четверенек и дошло до наших времен с неизменившимся обликом пещерного обитателя» (204).

Итак, в тексте повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» наблюдается особая структура лексического комплекса, который организован по типу поля. Элементы его (слова и словосочетания) объединены темой, лейтмотив которой 'война', и располагаются от ядра к периферии. Организующим центром лексического комплекса является точка зрения автора. Она выражается в том, что лексика текста составляет фундамент денотативного смысла и «содействует формированию индивидуального своеобразия текста, его эстетической целостности»⁶.

Главным средством связи служит в тексте смысловая оппозиция, которая особенно ярко проявляется на уровне образного осмысления элементов поля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Иванова В. А., Купина Н. А. Глагольные комплексы в художественной прозе // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986. С. 71.

² См.: Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983.

³ Чернухина И. Я. Принципы организации лексических парадигм в словаре и тексте // Типы языковых парадигм: Тез. докл. и сообщ. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала (Свердловск, 2—5 февр. 1988 г.). Свердловск, 1987. С. 163.

⁴ Купина Н. А. Указ. соч. С. 89.

⁵ Хоппе З. Художественное своеобразие философской прозы В. Астафьева // Поэтика русской советской прозы: Сб. науч. тр. Уфа, 1976, а также см. об этом: Хрящева Н. П. «Пастух и пастушка» В. Астафьева. Толстовские традиции и русская воинская повесть // Там же; Максимова Н. В. Проблема авторского гуманизма в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» // Вопр. рус. лит. Львов, 1975. Вып. 1 (25).

⁶ Купина Н. А. Лексические парадигмы в художественном тексте // Типы языковых парадигм: Тез. докл. и сообщ. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала (Свердловск, 2—5 февр. 1988 г.). Свердловск, 1987. С. 146.

И. В. СЫСОЕВА

Уральский университет

ОТРАЖЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ В ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛА

Рассматриваются закономерности включения семы 'причинность' в глагольную семантику, предлагается классификация глаголов с указанными семами.

Выражение отношений причины и следствия в языке как один из аспектов отражения отношений между объектами реального мира всегда интересовало лингвистов, но до сих пор они изучались в основном на синтаксическом материале: на уровне второстепенных членов предложения (обстоятельства со значением причины) или связей частей сложного предложения с придаточными причины и следствия. Однако существует возможность изучения причинно-следственных отношений на уровне лексики, т. е. лексическое значение слова может отражать причинно-следственную ситуацию.

Причинно-следственная ситуация в логике описывается как сложное высказывание, состоящее из двух высказываний — антицедента (причины) и консеквента (следствия), связанных отношениями каузальной импликации. Антицедент и консеквент, будучи высказываниями, отражают две ситуации¹. Таким образом, чтобы причинно-следственная ситуация существовала, необходимы три составляющих ее компонента: две ситуации и причинно-следственные отношения между ними, позволяющие считать одну ситуацию причиной, а другую — следствием.

Соответственно описание причинно-следственной ситуации должно содержать указание на эти три элемента. Например, в предложении «Сила является причиной ускорения» предикат *является причиной* есть отражение причинно-следственных отношений, аргумент *сила* соответствует причине, аргумент *ускорение* — следствию.

В русском языке можно выделить класс глаголов, лексическое значение которых с различной степенью полноты отражает причинно-следственную ситуацию.

Известно, что семная структура глагола специфична, в ее состав входят семы, которые обуславливают взаимосвязь семем в составе синтагмы (В. Г. Гак, за ним Л. М. Васильев называют их синтагмемами²). Таким образом, система дифференциальных сем глагола может представлять собой свернутую предикативную модель, которая задает позиции актантов и определителей данного предиката, в предложении затем замещающиеся соответствующими лексемами. Ю. Н. Караулов также касается идеи «о существовании индивидуальных лексем, кото-

рые оказываются эквивалентны целой пропозиции» в силу того, что «можно установить определенное соответствие между компонентным составом, или семным наполнением лексемы, и реализуемой этой лексемой структурной схемой предложения»³.

Р. М. Гайсина, рассматривая причинно-следственные отношения в языке на лексическом материале, выделяет межчастеречное поле лексем, назначение которых в языке — непосредственно отражать причинно-следственные отношения. 'Ядро этого поля составляют глаголы *вести, влечь, воспоследовать, вызывать, предопределять, причинять* и т. п. со значением 'быть, служить причиной', 'являться следствием' и т. п. Эта группа глаголов, благодаря синтагмам в составе своих семем, задает набор словосочетательных моделей реализации синтаксических конструкций с этими глаголами, где существительные в определенном падеже замещают позиции актантов со значением причины и следствия⁴.

Иными словами, эти глаголы манифестируют один компонент причинно-следственной ситуации — причинно-следственные отношения и лишь задают позицию актантов при предикате, которые затем конкретизируются различными лексемами в синтагме. Но значение двух других элементов импликации — причины и следствия — может быть конкретизировано уже в значении глагола и позволяет выделить группы глаголов, включающих либо два компонента причинно-следственной ситуации, либо все три.

Наличие в семеме семантических компонентов со значением участников причинно-следственной ситуации можно выявить в результате компонентного анализа словарных дефиниций глаголов. Словарные дефиниции рассматриваются в этом случае как развернутые словосочетательные конструкции (синтагмы), реализующие синтаксические смыслы семной структуры глагола.

Словарные дефиниции глаголов с включенной причинно-следственной семантикой содержат прямые указания на отношения каузации между отражаемыми ситуациями.

Словарные определения глаголов, семемы которых включают два компонента причинно-следственной ситуации, в основе своей структуры имеют словосочетания типа: глагол *привести, вызвать* и т. п. + существительное в винительном падеже (*встревозжить* — 'вызвать в ком-либо тревогу, беспокойство, опасения'; *взволновать* — 1) 'вызвать волны; привести в колебательное движение'; 2) 'привести в состояние волнения'; *воспалить* — 'вызвать воспаление'; *воскресить* — 'вызвать яркое представление о чем-либо'; *вдохновить* — 'пробудить, вызвать вдохновение'). В этих случаях глаголы типа *привести, вызвать* манифестируют значение причинно-следственных отношений, а существительное в винительном падеже (и зависимые слова, к нему относящиеся, если они есть) манифестирует значение следствия. Значение причины в семеме глаголов этого типа не конкретизи-

руется, а только намечается позиция слов (в данном случае субъектов действия) со значением причины, реализуемая в контексте.

Класс глаголов с включенной семантикой всех трех компонентов причинно-следственной ситуации представляется нам наиболее интересным. Глаголы этого типа отличаются от глаголов двух описанных выше типов тем, что их семантические компоненты не намечают позиции, которые будут замещаться другими лексемами в синтагме, а обозначают ситуацию причинно-следственных отношений с конкретизированными уже внутри семемы участниками этих отношений, т. е. их семеме составляют семантические компоненты со значением ситуации-причины, ситуации-следствия и отношений причинности между ними. Например: *замерзнуть* — в значении 'погибнуть, умереть от мороза'. В этом случае ситуация *мороз* является причиной, ситуация *умереть, погибнуть* — следствием, на отношения импликации указывает предлог *от* и родительный падеж существительного *мороз*.

Словарная дефиниция глаголов может иметь несколько способов манифестации включенной причинно-следственной семантики, заключающихся в особенностях ее структуры.

1. Глагол, через который определяется лексема, + предлоги *от, вследствие, на основании, в результате, под действием* и т. п. с существительным в родительном падеже, например: *вверить* — 'на основании доверия отдать в чье-либо распоряжение'; *ветшать* — 'разрушаться от старости, долгого употребления'; *выветриться* — 'исчезнуть под действием ветра, свежего воздуха'; *браковать* — 'признавать негодным, отвергать вследствие недоброкачества, изъяна'; *купить* — 'привлечь на свою сторону посредством подкупа, взятки' и т. п.

В этих случаях определяющий глагол (вместе с его лексическим окружением — зависимыми словами) имеет значение следствия, существительное (вместе с зависимыми словами) — значение причины, предлог + падежная форма существительного — показатель причинно-следственных отношений.

2. Определяющий глагол + деепричастный оборот, например: *ахнуть* — 'воскликнуть *ах*, выражая какое-либо чувство'; *взахаться* — 'начать усиленно ахать, сожалея о чем-либо, удивляясь чему-либо'; *вторить* — 'полностью соглашаясь с кем-либо, поддерживать высказываемые мнения'; *наморозиться* — 'находясь долго на морозе, сильно промерзнуть, озябнуть'; *напороться* — 'повредить, поранить себе что-либо, наткнувшись на что-либо острое'.

В этих случаях определяющий глагол (вместе с зависимыми словами) имеет значение следствия, деепричастный оборот — значение причины, причинно-следственные отношения выражаются грамматической формой деепричастия.

3. Определяющий глагол + существительное в творительном

падеже, например: *наездить* — ‘приобрести, нажить ездой (в результате езды)’; *намусолить* — ‘запачкать прикосновением жирных или наслюенных пальцев’; *накликать* — ‘навлечь, напророчить беду, несчастье упоминанием о них’; *напроситься* — ‘настоячивыми просьбами, намеками добиться приглашения к участию в чем-либо’; *нагреть* — ‘обманом, хитростью ввести в убыток’.

В этих случаях определяющий глагол (вместе с зависимыми словами) имеет значение следствия, существительное в творительном падеже — значение причины как инструмента действия. На причинно-следственные отношения указывает творительный падеж существительного.

4. Глагол *причинить*, *вызвать* и т. п. + существительное в винительном падеже + существительное в творительном падеже, например: *бередить* — ‘причинять боль прикосновением к ране, болячке и т. п.’; *бедокурить* — ‘шалостью, озорством причинить неприятности, ущерб’; *намять* — ‘давлением или трением причинить боль, вызвать болезненное состояние чего-либо’.

В этих случаях причинно-следственные отношения манифестируются определяющими глаголами *причинить*, *вызвать*, следствие — существительным в винительном падеже (вместе с зависимыми словами), причина — существительным в творительном падеже (вместе с зависимыми словами).

5. Деепричастный оборот + глагол *вызвать* + существительное в винительном падеже, например: *нагреметь* — ‘произведя сильное впечатление чем-либо, вызвать много толков, разговоров’; *надуть* — ‘подвергая действию ветра, сквозняка, вызвать болезнь’; *доболтаться* — ‘занимаясь болтовней, довести до какой-либо крайности, вызвать какие-либо неприятные последствия’ и т. п.

В этих случаях определяющий глагол *вызвать* манифестирует причинно-следственные отношения, существительное в винительном падеже (или формы, ему соответствующие, например синтаксически неразложимое словосочетание *много толков* в значении глагола *нагреметь*) с зависимыми словами (если они есть) выражает следствие, деепричастный оборот — причину.

Во втором и в третьем случаях причинно-следственные отношения выражены имплицитно, при помощи грамматических средств. Но эти словарные дефиниции могут быть переконструированы по типу, описанному первым, где причинно-следственные отношения получают эксплицитное, лексическое выражение, например: *наморозиться* — ‘сильно промерзнуть, озябнуть из-за (по причине, в результате и т. п.) долгого присутствия на морозе’; *накликать* — ‘навлечь, напророчить беду, несчастье в результате упоминания о них’; *напроситься* — ‘добиться приглашения в результате настойчивых просьб, намеков’.

Класс глаголов с включенной причинно-следственной семантикой, безусловно, может исследоваться как аспект проявления парадигматических отношений в лексической системе языка.

Парадигматические отношения в лексике изучаются в основном на примере классов слов, выделяемых на основании общности сем в их семной структуре либо на основании категориально-лексической семы (КЛС) — архисемы, гиперсемы, класс-семы, объединяющей ЛСГ, либо на основании дифференцирующей семы (ДС), например, в исследованиях О. А. Михайловой — класса глаголов с дифференцирующей семой специализированного субъекта⁵.

Условия выделения класса глаголов с причинно-следственной семантикой в этом отношении специфичны. Эти глаголы также выделяются на основе общности семного состава, определяемого в результате компонентного анализа. Но основанием выделения служит не одна какая-либо сема, а совокупность сем, находящихся в определенных отношениях друг с другом, т. е. определенная структура сем. Основной семный состав семемы глаголов с причинно-следственной семантикой делится на три семантических компонента, соответствующих трем элементам причинно-следственной ситуации. Например, в значении глагола *запотеть* — ‘стать влажным от осевшего пара’ в результате компонентного анализа на основе словарной статьи можно выделить семантические компоненты со значением причины (‘оседание пара’), следствия (‘стать влажным’), причинно-следственных отношений (ПСО), выражаемых в словарной статье предлогом *от* + родительный падеж существительного со значением причины.

Интересно определить статус сем, отражающих элементы причинно-следственной ситуации, в семной иерархии глагола.

Проанализируем несколько глаголов:

выключиться — ‘перестать действовать вследствие прекращения подачи энергии’:

КЛС — перестать действовать (следствие)

ДС₁₋₂ — вследствие прекращения подачи энергии (ПСО + причина);

замерзнуть — ‘погибнуть от мороза’:

КЛС — перестать	}	(следствие)
ДС ₁ — жить		
ДС ₂ — преждевременно		
ДС ₃₋₄ — от мороза		

маяться — ‘изнемогать, страдать, занимаясь непосильной работой’:

КЛС — испытывать физиологическое состояние	}	(следствие)
ДС ₁ — страдания		
ДС ₂₋₃ — вследствие непосильной работы (ПСО + причина);		

напиться — ‘выпив спиртных напитков, стать пьяным’:

КЛС — прийти в физиологическое состояние
ДС₁ — опьянения } (следствие)

ДС₂₋₃ — в результате приема спиртных напитков (ПСО + причина);

выпросить — ‘добиться чего-либо неотступными, усиленными просьбами’:

КЛС — получить, приобрести (следствие)

ДС₁₋₂ — в результате просьб
ДС₃ — неотступных
ДС₄ — усиленных } (ПСО + причина);

заработать — ‘приобрести работой’:

КЛС — приобрести (следствие)

ДС₁₋₂ — в результате работы (ПСО + причина);

бередить — ‘причинить боль прикосновением’:

КЛС — причинить (ПСО)

ДС₁ — боль (следствие)

ДС₂ — прикосновение (причина);

наплакать — ‘слезами, плачем вызвать красноту, припухлость (о глазах, лице)’:

КЛС — вызвать (причинно-следственные отношения)

ДС₁ — красноту
ДС₂ — припухлость
ДС₃ — глаз, лица } (следствие)

ДС₄ — слезы, плач (причина);

доболтаться — ‘занимаясь болтовней, вызвать какие-либо неприятные последствия’:

КЛС — вызвать (ПСО)

ДС₁ — последствия
ДС₂ — неприятные } (следствие)

ДС₃ — болтовня (причина);

нагреметь — ‘произведя сильное впечатление чем-либо, вызвать много толков, разговоров’:

КЛС — вызвать (ПСО)

ДС₁ — толки, разговоры
ДС₂ — в большом количестве } (следствие)

ДС₃₋₄ — произведя сильное впечатление (причина).

На основании этого анализа, привлекающего глаголы с различными по типу выражения причинно-следственной ситуации словарными дефинициями, можно сделать некоторые выводы.

Глаголы с причинно-следственной семантикой (полностью отражающие причинно-следственную ситуацию) чаще всего определяются через глагол, имеющий значение следствия. Поэтому значение следствия по уровню абстракции либо соответствует КЛС, либо — первой ДС в иерархии сем глагола данного

класса, либо — семантическому компоненту, включающему КЛС и первые ДС.

Значение причины всегда соответствует дифференциальным семам.

Статус семы со значением причинно-следственных отношений может быть различным: 1) сема со значением ПСО в семной структуре глагола данного класса может находиться «в паре» с семантическим компонентом со значением причины, и тогда она является дифференциальной; 2) сема со значением ПСО соответствует категориально-лексической семе 'быть причиной' или 'иметь следствием' у глаголов, которые определяются через глаголы со значением причинно-следственных отношений (*причинить, вызвать*).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Донченко В. Каузальная импликация // Филос. энцикл. М., 1954. Т. 2. С. 255; Философский словарь. М., 1986. С. 462.

² Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972; Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1980.

³ Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. С. 338—339.

⁴ Гайсина Р. М. Глаголы причинно-следственных отношений в современном русском языке // Исследования по семантике. Уфа, 1986.

⁵ Михайлова О. А. Глаголы со специализированными предметно-субъектными семами в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

В. Д. ЧЕРНЯК

Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ И РЕГУЛЯРНАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ

Предлагается новый подход к исследованию взаимоотношений полисемии и синонимии, анализируется воздействие частеречной семантики на структуру синонимического ряда и характерные для его членов вторичные значения.

Синонимические связи, воплощающие диалектическое единство тождества и различия, занимают особое место в системной организации лексики. С одной стороны, сами синонимические ряды представляют собой выразительный вид системно организованных лексических объединений, с другой — их рассматривают как своеобразные «дополнительные очаги» в определенных участках лексической системы, мало связанные друг с другом¹. С последним утверждением можно согласиться лишь в том случае, если рассматривать отдельные, случайно

выбранные синонимические ряды. Однако установить семантическую связь через несколько шагов анализа² можно как между любыми произвольно взятыми словами, так и между синонимическими рядами, что отражает органическое соединение разных участков лексической системы.

Необходимо подчеркнуть, что обращение к синонимическим рядам и их взаимосвязям в лексической системе языка убеждает в существовании разнообразных сцеплений между очагами «повышенной плотности» в словарном составе, причем сцепления эти осуществляются отнюдь не только на понятийной основе. Не менее важными оказываются ассоциативно-деривационные связи между синонимическими рядами (далее СР). Особое место принадлежит сложным и чрезвычайно значимым в системной организации лексики отношениям синонимии и полисемии. Хорошо известно, что синонимические связи свойственны главным образом многозначным словам, поскольку «применение слова в каждом новом значении связано с гораздо более многообразным и многосторонним видоизменением его парадигматических соотношений с другими словами; в частности, и возможности синонимических соответствий здесь гораздо больше»³.

Признавая тесную взаимосвязь полисемии и синонимии, исследователи, однако, в первую очередь уделяли внимание тем отношениям, которые определяются деривационными возможностями опорного слова СР, его потенциальной способностью группировать вокруг себя синонимы при различных семантических модификациях⁴.

В данной статье в связи с ориентацией на типологические, обобщающие признаки СР рассматривается характерная для лексической системы однонаправленность внутрисловной деривации слов-синонимов, в результате которой формируются СР, объединяющиеся по разным значениям многозначных слов и полностью или частично совпадающие по составу. На основании «синонимической иррадиации» многозначных слов образуется тип параллельных СР, обнаруживаемый в тех случаях, когда члены ряда синонимичны в двух или нескольких значениях. Параллельные СР устанавливаются по соотношению с исходным рядом, все члены которого или большая их часть представлены словами в основных номинативных значениях или близких к ним по характеру номинации номинативно-производных. Исходный ряд дает основу для синонимических связей этих же слов в производных, в том числе переносных, метафорических, значениях. Параллельные ряды широко представлены в словарном составе русского языка, что находит отражение в синонимических словарях. Поскольку объектом анализа являются не отдельные синонимы и их взаимосвязи, а отношения между СР, параллельными считаются только те, в которых наблюдается совпадение как минимум двух членов ряда в разных единицах их смыслового объема.

Следует подчеркнуть, что для многих слов русского языка (в первую очередь для глаголов и прилагательных) характерны семантическая диффузность, расчлененность семантического объема, не сводимая к «номерным» значениям, выделяемым в словарях. П. Н. Денисов отмечает, что 275 самых многозначных слов образуют «причудливую семантическую сеть необычайной мощности» и охватывают 3845 семантических позиций: значения, оттенки значения, «оттенки оттенка», образные употребления и т. п.⁵ Велика роль в этой «причудливой сети» и синонимических сближений, совпадающих у разных лексических единиц, при этом закономерно, что параллельные ряды часто образуются по тем единицам смыслового объема, которые в толковых словарях выделяются как оттенки значения. Это явление специально рассматривается в работах А. Г. Нурнахметовой, Н. В. Солоник, Н. А. Лынный⁶.

Особенно характерна диффузность и расчлененность лексического значения для глагольной лексики: «Лексическое значение глагольного слова вследствие максимальной связанности с ситуациями его применения никогда не абстрагируется от них полностью: оно насыщено типизированными отражениями этих ситуаций: Поэтому семантическая структура глагольного значения никогда не может быть определена как абсолютно целостная и монолитная, — она расчленена этими отражениями на более мелкие семантические единицы (и это ее типичная особенность)»⁷. Так, у глагола *вылечить* в четырехтомном Словаре русского языка (МАС) выделено одно значение — ‘лечась, выздороветь’ и оттенок значения — ‘избавиться, освободиться, отучиться от чего-л.’. Вступая в синонимические связи с глаголами *излечить*, *исцелить*, *поднять (на ноги)*, этот глагол является опорным членом двух параллельных СР: 1) ‘вернуть здоровье больному, лечением прекратить болезнь’ и 2) ‘освободить, избавить от чего-л. (от какого-л. увлечения, порока, дурной привычки и т. п.)’. Глагол *вырывать* также представлен в МАС как однозначный (с несколькими оттенками значения), в Словаре синонимов русского языка он отмечен как опорный член четырех параллельных СР. Таким образом, расчлененность значения глаголов отчетливо проецируется на их межсловные связи. Однотипность семантического развития слов-синонимов закрепляет расчлененность их семантического объема, поскольку оттенки значения находят парадигматическую опору в семантически близких лексических единицах.

В параллельных СР отчетливо проявляются особенности частеречной семантики. Сплошное обследование двухтомного Словаря синонимов русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой показало, что в нем представлено 280 объединений параллельных СР глаголов, 134 объединения параллельных СР прилагательных, 92 — существительных, 27 — наречий. Поскольку многие СР, включающие многозначные слова или слова, реализуе-

мые в разных семантических позициях, полностью или частично совпадают по составу в трех, четырех и более значениях, приведенные цифры отражают не общее количество параллельных СР, а количество составлений составов СР, формируемых по разным единицам смыслового объема слов-синонимов. Очевидно, что параллельные ряды характерны прежде всего для признаков слов, слов с наиболее подвижной и гибкой семантикой. Примечательно, что и среди параллельных рядов имен существительных значительное место принадлежит таким, семантическое ядро которых составляют семы процесса или состояния: *акцент — ударение*: 1) 'выделение слога в слове силой голоса или повышением тона...'; 2) 'выделение, подчеркивание голосом, интонацией, строением предложения, речи в целом того, что представляется особенно существенным для говорящего или пишущего'; *нажим — давление — напор — натиск*: 1) 'действие кого-, чего-л. нажимающего, давящего своей тяжестью, весом, силой и т. д.'; 2) 'энергетичное воздействие на кого-, что-л. с целью понуждения, принуждения к чему-л.'; *опыт — эксперимент*: 1) 'воспроизведение какого-л. явления или наблюдение нового явления в определенных условиях с целью изучения, исследования'; 2) 'проба, попытка осуществить что-л., какое-л. начинание'.

Параллельные СР убедительно свидетельствуют о том, что близкие по значению слова проходят сходный путь семантического развития. Так, прилагательные *редкий — нечастый* образуют два СР: 1) 'о нескольких, многих предметах, сооружениях и т. д., расположенных далеко друг от друга'; 2) 'редко случающийся, происходящий, появляющийся где-л. через значительные, большие промежутки времени'. Ср. также: *резкий — крутой*: 1) 'о повороте, изгибе и т. д.: лишенный плавности, постепенности'; 2) 'о перемене, изменении кого-, чего-л.: очень заметный, значительный'. Минимальные (двучленные) СР в наиболее чистом виде демонстрируют соотносительность семантических модификаций членов ряда. В приведенных примерах существование параллельных СР отражает характерную для лексической системы соотносительность пространственных и временных характеристик.

Анализ составов параллельных СР убеждает, что полное их совпадение встречается не часто и наблюдается в случаях прозрачной семантической выводимости общих значений параллельных СР. Существенным фактором является сохранение в семантическом ядре всех параллельных СР общего семантического компонента. Таков, например, компонент «каузация движения» в группе параллельных СР: *волочить и волочь — влачить — влечь — тащить — тянуть*: 1) (почему и без доп.) 'передвигать волоком, не поднимая, не отрывая от поверхности (земли, пола и т. п.)'; 2) 'о течении, движущейся толпе и т. п.: вовлекать в свое движение, передвигать вместе с собой'; 3) 'везти, вести за собой, прилагая усилия, силу, заставлять двигаться с собой';

4) 'о лошадях и т. п., о буксирах, машинах и т. д.: передвигать силой тяги'. Тенденция к стабилизации состава СР наблюдается и при реализации четких моделей метафорического переноса, ср.: *бурлить* — *клокотать* — *кипеть* — *бушевать*: 1) 'о воде, жидкости, расплавленном металле и т. п.: с шумом волноваться, пениться при стремительном движении или кипении'; 2) 'находиться в состоянии сильного волнения, возбуждения и бурно проявляться в каких-л. действиях, словах и т. д.'; 3) 'о чувствах, мыслях и т. п.: находиться в состоянии бурного подъема, сильного возбуждения'.

В то же время каждый СР — это своеобразное объединение, в котором действуют уникальные силы семантического притяжения и отталкивания, с трудом поддающиеся обобщению. Нередко параллельный ряд оказывается редуцированным по сравнению с исходным. Так, исходный СР *присоединиться* — *прижкнуть* — *пристать* — *прибиться* — *пристроиться* — *примазаться*: (к кому-чему) 'соединиться с кем-л., войти в число членов, участников чего-л.' отличается большой конкретностью значения и большей протяженностью, чем параллельный ряд *присоединиться* — *прижкнуть*: (к кому-чему) 'стать на чью-л. сторону, разделить чьи-л. взгляды, мнение и т. д.'. Вне процесса семантической модификации в данном случае оказались экспрессивные, стилистически окрашенные глаголы. Внешне сходные семантические отношения наблюдаются и между СР *объединить* — *соединить* — *слить* — *свести*: 'собрать кого-л., что-л. вместе; образовать нечто целое из каких-л. отдельных единиц, элементов' и *объединить* — *соединить* — *связать* — *сплотить* — *спаять* — *цементировать* — *сковать*: 'создать между кем-, чем-л. прочную связь, единство', однако параллельный ряд оказывается более широким по сравнению с исходным, во второй парадигме активизировался компонент 'сила, прочность связи', что привлекло в нее дополнительные члены из той же ЛСГ.

Поскольку каждый синоним существует в «контексте» своего ряда, в параллельных рядах нередко появляются члены, служащие сигналом для тех коренных семантических преобразований, которые произошли в парадигме. Так, в СР *гладкий* — *плавный* — *складный* — *приглаженный* — *прилизанный* — *зализанный*: 'о речи, повествовании, о стихе и т. п.: текущий легко, без затруднений, без нарушений привычных норм' опорный член соотносит параллельный ряд с исходным ('о волосах, прическе: лежащий очень ровно и гладко'), однако не менее важна роль прилагательных *плавный* и *складный*, с большей определенностью указывающих на наличие в парадигме ядерной семы 'относящийся к речи'.

Чрезвычайно важной особенностью параллельных СР является позиционная обусловленность их членов. Особая значимость обобщенных синтагматических характеристик в описании параллельных СР находит отражение в очень характерных для

этого типа СР указаниях на типизированный контекст. Ср.: *страстный — горячий — жаркий — пылкий — пламенный*: 1) 'о чувстве, переживании...'; 2) 'о речах, спорах...'; 3) 'о поцелуях, ласках, словах...'; 4) 'о человеке, его характере'.

Обращение к синтагматическим свойствам параллельных СР показывает, что процессы семантического развития в синонимических парадигмах отнюдь не всегда протекают по четкой схеме: от синонимии основных значений к синонимии вторичных, в том числе переносных. Нередко параллельные СР, представленные в словаре, возникают в результате развития семантики многозначных слов, однако в основных номинативных значениях члены ряда синонимами не являются. Ср., например, *вырывать — выбиваться — вылетать*: 1) 'о газе, паре, огне и т. п.: стремительно выходить откуда-л.'; 2) 'о словах, стогах, вздохах, о каких-л. других звуках, а также о свете и т. п.: исходить откуда-л.'; *выдвигать — вытворять — выкидывать — выкамаривать — откалывать — отмачивать — отчубучивать* — 'делать, говорить, совершать что-л. необычное и неожиданное, выходящее за пределы общепринятых норм из озорства, удали, каприза и т. п. или под влиянием какого-л. чувства' и *выдвигать — вытворять — выкидывать — откалывать* — 'с необычайной, неожиданной ловкостью, силой и т. д. совершать сложные, замысловатые телодвижения, сложные па в танце, трудные гимнастические упражнения или исполнять что-л. очень сложное, трудное'. В таких случаях в типовой модели сочетаемости осуществляется закрепление новой парадигмы в лексической системе. Характерные именно для глагольной лексики указания на типизированный субъект или объект действия отражают появление соответствующих специализированных субъектно-объектных сем⁸ и соответствующие изменения в семантике членов СР.

Обращение к закономерностям образования параллельных СР позволяет вскрыть органичную связь этого явления с явлением регулярной многозначности: «Сущность регулярной многозначности состоит в том, что близкие по значению слова часто имеют однотипные производные значения»⁹. Термин этот впервые был введен в научный обиход Ю. Д. Апресяном, им же описаны наиболее регулярные, охватывающие большое количество лексем типы переносов, характерные для разных частей речи¹⁰. Дальнейшее развитие разработка проблемы регулярной многозначности получила в работах А. П. Чудинова, Н. А. Боровиковой, Н. И. Бахмутовой¹¹ и ряда других исследователей.

Среди факторов, обуславливающих развитие регулярной многозначности, обычно называют «реальное сходство и смежность явлений, а также способность к аналогии, к обобщению и перенесению свойств одних явлений на другие, сходные с ними явления»¹². Однако регулярная многозначность наблюдается в достаточно широких парадигматических объединениях, выделяемых на основе общих семантических компонентов. Для разных

типов объединений характерны разные виды регулярных семантических преобразований. Особенно четкие закономерности образования однотипных вторичных значений наблюдаются в ЛСГ. СР находятся на более низкой ступени иерархической организации лексико-семантических парадигм, в них наиболее значимыми оказываются компоненты иного уровня обобщения, и поэтому характер и способы образования параллельных СР оказываются очень разнообразными. Однако рассмотрение всей совокупности параллельных СР убеждает в наличии общих закономерностей их образования, позволяет выделить наиболее частотные разновидности.

Особенно четко общие закономерности выявляются в тех рядах, члены которых могут быть отнесены к одной ЛСГ. Так, развитие однотипных СР на основе типичного для лексической системы переноса пространственных характеристик на временные наблюдается в антонимичных СР *близкий — ближний — недалекий — недалкий — близлежащий*: 1) 'расположенный, находящийся или происходящий на небольшом расстоянии, отделенный небольшим расстоянием'; 2) 'о дороге, прогулке, путешествии и т. п.: имеющий небольшое протяжение или совершаемый на небольшое расстояние'; 3) 'отделенный небольшим промежутком времени' и *далекый — дальний — отдаленный*: 1) 'расположенный, находящийся или происходящий на большом расстоянии от кого-, чего-л.'; 2) 'живущий или находящийся далеко от кого-, чего-л.'; 3) 'о дороге, путешествии, прогулке и т. д.: имеющий большое протяжение или совершаемый на большое расстояние'; 4) 'отделенный большим промежутком времени (при характеристике периода, момента, события)'.¹

Присущ СР прилагательных перенос физических характеристик на признаки, связанные с эмоциональной или интеллектуальной сферой человека. Таковы, например, отношения между параллельными СР *прочный — крепкий; безграничный — беспредельный — бесконечный — бескрайний — безбрежный; прямой — ровный — прямолинейный* и *прямой — прямолинейный — прямодушный*. Достаточно часто наблюдается и перенос, связанный с однотипностью восприятия разных физических характеристик. Ср.: *резкий — острый — пронзительный*: 1) 'о запахе, свете и т. д.'; 2) 'о звуке, голосе и т. д.'

Параллельные СР глаголов при всем их разнообразии также позволяют выявить некоторые четкие и регулярные механизмы их образования. Следует отметить, что во многих случаях различия в значениях параллельных СР связаны с различиями конкретных и абстрактных глаголов. Первые, как отмечает А. П. Чудинов, содержат информацию о наблюдаемых действиях, вторые — о действиях, не воспринимаемых органами чувств¹³. Переход от конкретного к абстрактному наблюдается при образовании параллельных СР от исходных рядов, объединяющих синонимичные глаголы движения. Ср.: *выкарабкаться —*

выбраться — вылезть — выбиться — выдраться: 1) 'прилагая некоторые усилия, выйти, выехать, подняться и т. д. откуда-л.'; 2) 'с трудом избавиться от чего-л. неприятного, тяжелого, выйти из затруднительного положения'; *отклониться — уклониться — отойти*: 1) 'изменив первоначальное движение, направление, маршрут, начать двигаться куда-л., в какую-л. сторону от него'; 2) 'сделать отступление от чего-л., дать чему-л. иной ход, иное направление'. Аналогичные отношения наблюдаются в ЛСГ глаголов изменения положения объекта и в ЛСГ физического воздействия на предмет. Параллельные СР образуются по общей схеме: от конкретного физического действия к психическому, интеллектуальному воздействию на человека. Высокая степень семантического притяжения наблюдается и в группе глаголов горения и излучения света. СР с опорными членами *гореть, блестеть, осветить, гаснуть, тускнеть* служат базой для образования однотипных параллельных СР (о лице, об улыбке, о чувствах, ощущениях).

Таким образом, при всем многообразии семантических истоков формирования параллельных СР наиболее типичным оказывается перенос признаков (действий, состояний) физического мира на мир внутренней, эмоциональной, интеллектуальной деятельности человека. Как отмечает В. Г. Гак, «метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса — от конкретного к абстрактному, от материального — к духовному»¹⁴. Метафора как один из наиболее активных способов регулярных семантических преобразований является и одним из важнейших источников обогащения СР, синонимических ресурсов языка в целом.

Нельзя не отметить чрезвычайно важное для системного представления и описания синонимических ресурсов языка явление — образование синонимических гнезд. Синонимическое гнездо понимается нами как более или менее широкое объединение СР, однородных по своему составу. Синонимические гнезда формируются в результате различных ассоциативно-деривационных процессов, в которые вовлекаются слова-синонимы. Простейшее гнездо включает несколько параллельных СР тождественного состава. Особый интерес представляют разветвленные гнезда, в которых развитие семантики исходных слов-синонимов идет по нескольким направлениям. Так, прилагательные *быстрый — стремительный* являются центром гнезда из шести параллельных рядов, глаголы *гореть — пылать* — центром гнезда из пяти параллельных СР.

Итак, в существовании параллельных СР и гнезд отразилась органическая связь двух важнейших явлений лексической семантики — полисемии и синонимии. В результате этого взаимодействия в лексической системе образуются не только «участки повышенной плотности», но и связанные с ними зоны силь-

ного семантического притяжения, вовлекающие в свою сферу и новые лексические единицы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. С. 74.
- ² Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 77.
- ³ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 127.
- ⁴ Лынный Н. А. Семантические и функциональные свойства многозначных глаголов — опорных членов синонимических рядов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988; Нуриахметова А. Г. Синонимия качественных прилагательных в русском языке (гнезда синонимических рядов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977; Солоник Н. В. Структура значения глагольных слов и их синонимические связи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
- ⁵ Денисов П. Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 149—150.
- ⁶ Нуриахметова А. Г. Указ. соч.; Солоник Н. В. Указ. соч.; Лынный Н. А. Указ. соч.
- ⁷ Солоник Н. В. Указ. соч. С. 16.
- ⁸ См.: Михайлова О. А. К вопросу об изучении глаголов с предметными семами // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984; Она же. Особенности функционирования глаголов со специализированными субъектными семами в основном и неосновном значении // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986.
- ⁹ Чудинов А. П. Семантическое варьирование русского глагола: Посobie по спецкурсу. Свердловск, 1984. С. 18.
- ¹⁰ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 187—214.
- ¹¹ Чудинов А. П. Указ. соч.; Он же. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988; Боровикова Н. А. Функциональная эквивалентность базовых глаголов лексико-семантических групп // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984; Бахмутова Н. И. О типологии регулярных переносных значений глагола // Русский глагол в сопоставительном освещении. Волгоград, 1984.
- ¹² Чудинов А. П. Типология варьирования... С. 11.
- ¹³ Чудинов А. П. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердловск, 1986. С. 27.
- ¹⁴ Гак В. Г. Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 12.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

Ю. В. КАЗАРИН
Уральский университет

ОПЫТ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА БАЗОВЫХ ИДЕНТИФИКАТОРОВ ЛСГ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Выявляется соотношение конкретных и абстрактных глаголов в разряде базовых идентификаторов, выделенных в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов».

Понимание категорий абстрактности и конкретности лексического значения слова в современной лингвистике опирается, в основном, на аналогичные философские категории,

осознанные и разработанные еще в догегельянский период развития материалистической философии. Действительно, до Гегеля конкретность понималась, главным образом, как чувственно данное многообразие единичных вещей и явлений, а абстрактное — как характеристика исключительно продуктов мышления. Такое упрощенное, метафизическое понимание абстрактности и конкретности в лингвистике чаще всего применимо к именам существительным.

Однако Ю. С. Степанов говорит о том, что «данная проблема выходит за рамки формальной логики и становится общепhilosophической проблемой»¹. В этой связи необходимо сказать о том, что категории абстрактности и конкретности в применении к различным — не только именным — частям речи должны, безусловно, дифференцироваться как в их понимании и определении, так и в объективном содержательном наполнении. Основания традиционной классификации абстрактных и конкретных существительных, разработанные А. А. Уфимцевой², могут лишь частично соотноситься с основаниями подобной классификации глагольной лексики.

Э. В. Кузнецова справедливо отметила, что «признак большей или меньшей обобщенности значения применительно к глаголам имеет особое содержание», которое определяется специфическим характером самого понятия о действии, а признаковый характер семантики глагола «как бы абстрактнее семантики имен существительных»³.

Помимо существующих в современной литературе двух пониманий категорий абстрактности и конкретности: а) противопоставление лексических единиц по объему их значений⁴ и б) денотативное разграничение абстрактности и конкретности⁵ — нами выявлены еще два, не менее важных понимания данных категорий: а) абстрактизация языкового знака по Колшанскому и Кацнельсону⁶ (т. е. знак, в том числе и лексическая единица, изначально по своей природе — абстракция); б) денотативно-объемное понимание абстрактности, например, выражение в английском языке при помощи определенных и неопределенных артиклей абстрактности и конкретности типа *the man* и *a man* — 'тот человек' и 'какой-то человек'; и в русском языке — *человек* и *Человек*.

Нас прежде всего интересует как противопоставление лексики по объему лексических значений, так и чисто денотативное разграничение абстрактности и конкретности. Первое понимание данных категорий (типа *рыба* — *окунь*, *транспорт* — *трамвай*) будет актуальным для нас при сопоставлении базовых идентификаторов ЛСГ глаголов с глаголами — членами ЛСГ; второе понимание — при анализе парадигмы базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов.

В качестве материала компонентного анализа лексического значения нами рассматриваются все базовые глаголы (иденти-

фикаторы) ЛСГ глаголов, зафиксированных в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов»⁷.

В данной работе мы попытаемся методом компонентного анализа лексического значения слова сопоставить базовые идентификаторы ЛСГ глаголов: а) по объему их лексических значений; б) по степени абстрактности — конкретности лексических значений, а также выявить особенности семной структуры (семантические модели) лексических значений как абстрактных, так и конкретных глаголов, опираясь на результаты компонентного анализа лексических значений базовых идентификаторов и на специфику оформления дефиниций семантики глаголов, и, кроме того, определить место (в качественном и количественном отношениях) конкретных и абстрактных значений в системе базовых идентификаторов ЛСГ глаголов.

При классификации базовых глаголов ЛСГ по степени абстрактности — конкретности их значений мы опирались на критерии как экстралингвистического, так и интралингвистического характера. Э. В. Кузнецова, исходя из понимания «общих» и «необщих» глаголов, выделяет следующие критерии для данной классификации: а) простое или сложное действие; б) действие, непосредственно наблюдаемое или ненаблюдаемое; в) действие физиологического или социального характера⁸. Наиболее важным нам представляется, с одной стороны, критерий экстралингвистического характера — действие наблюдаемое и ненаблюдаемое, а с другой — интралингвистический критерий, когда степень конкретности — абстрактности лексического значения зависит от количественного состава дифференциальных признаков (ДП) в структуре лексического значения базового глагола ЛСГ*.

Из 108 ЛСГ русских глаголов нами рассмотрен 91 базовый идентификатор (некоторые ЛСГ не имеют базовых глаголов, например ЛСГ глаголов контакта, а также ЛСГ образа жизни и др.). Из них к глаголам с конкретным характером семантики относятся 68 глаголов типа *перемещать, включить, проникнуть, одеть, скрыть, ударить, касаться, пропитать, разрушить, писать, разговаривать, работать, дышать, вести себя, болеть, искать* и др., к абстрактным глаголам — 11 (*понять, узнать, думать, решить, вообразить, определить, полагать, добиться, становиться* (каким), *относиться положительно, относиться отрицательно*), и 12 глаголов, а именно: *сравнить, проверить, выбрать, назвать, обозначить, заниматься, использовать, осуществить, противодействовать, поступать, взаимодействовать* и *сменить* — нами выделены в особую группу глаголов с семантикой промежуточного

* Л. М. Васильев отмечает, что конкретные значения включают идеографические компоненты эмпириного характера (*дом, сад, горький, сидеть, спать*), а абстрактные значения состоят только из категориальных компонентов (отношение, причина)⁹.

типа, которые могут соотноситься в равной степени как с абстрактными, так и с конкретными базовыми глаголами ЛСГ глаголов.

Следует отметить, что в системе ЛСГ глаголов базовые слова по отношению к глаголам, входящим в ЛСГ, имеют лексические значения более обобщенного характера; это объясняется в первую очередь тем, что базовые глаголы являются глаголами-идентификаторами и выражают действие родового характера по отношению к глаголам — членам ЛСГ; в данном случае главную организующую ЛСГ роль здесь играет категориально-лексическая сема (КЛС), которая, повторяясь в лексических значениях глаголов — членов ЛСГ, как бы обрастает большим количеством (нежели в структуре значения базового идентификатора) конкретизирующих сем — ДП. Ср.: *перемещать(ся)* — ‘передвинуть, переставить с одного места на др., изменить местоположение чего-либо’, где КЛС перемещения+ДП локальности; ДП направленности действия; ДП объектности; потенциальный ДП субъекта, и член ЛСГ глагол *бегать*, где к известной модели лексического значения присоединяются еще несколько ДП: образа действия, инструмента и др. Тем не менее можно утверждать, что базовый глагол *перемещать* имеет конкретную семантику, так как: а) действие может быть наблюдаемо, а также является действием физического характера; б) в своей семантической модели имеет достаточно большое (больше двух) количество ДП (3).

Следует отметить, что в оформлении словарных дефиниций как конкретных, так и абстрактных глаголов почти всегда участвуют неопределенные местоимения, что, безусловно, указывает на более обобщенный характер лексических значений всех без исключения базовых глаголов ЛСГ, например: *поместить* (конкретный глагол) — ‘положить, поставить, расположить где-либо, найти место для чего-либо’; *понять* (абстрактный глагол) — ‘уяснить себе, уразуметь смысл, сущность, содержание чего-либо, постичь что-либо’; *проверить* (глагол промежуточного типа) — ‘сделать что-либо (осмотреть, сосчитать и т. п.), чтобы убедиться в правильности чего-либо, в соответствии чего-либо чему-либо’.

Структура лексических значений конкретных глаголов, как правило, строится по единой модели, которую можно изобразить следующим образом: КЛС (сема идентификации)+ДП локальности или ДП образа действия с обязательным включением в структуру лексического значения ДП объекта и ДП субъекта (последний чаще всего присутствует потенциально)+ДП образа действия или инструмента.

Ко второй группе глаголов абстрактной семантики относятся глаголы интеллектуальной деятельности, во-первых, потому что действие подобного типа является ненаблюдаемым; во-вторых, потому что ситуативно такое действие относится к сфе-

ре идеального. Однако несомненно, на наш взгляд, действию абстрактного характера всегда предшествует (ситуативно) действие конкретно-физическое; можно предположить, что прежде чем *понять*, *узнать* и т. п., субъект действия должен произвести ряд действий конкретного характера: *быть* (*жить*), *питаться*, *работать*, *писать*, *читать* и т. п. Иначе говоря, глаголы с абстрактной семантикой, безусловно, имеют надстроечный характер, что является следствием особенности структуры действительности (вещественной и идеальной); действия абстрактного характера, на наш взгляд, являются как бы следствием и результатом предшествующих им действий конкретного характера.

Семантическая модель лексических значений абстрактных глаголов несколько отличается от семантической модели конкретных глаголов как по количественному составу ДП, так и большей неопределенностью данных ДП. Ср.: *понять* — ‘уяснить себе, уразуметь смысл, сущность, содержание чего-либо’, — КЛС понимания + ДП объекта + потенциальный ДП субъекта. Как правило, в семантической модели абстрактных глаголов отсутствуют ДП конкретных денотатов (предметов и явлений действительности; например, локальность, образ действия, направленность действия, ДП инструмента и т. д.). Словарные дефиниции абстрактных глаголов оформляются при помощи лексики абстрактного характера; в них изобилуют отвлеченные существительные; понятие толкуется, расшифровывается через однородные абстрактные понятия, например: *думать* (абстрактный глагол) — ‘размышлять, предаваться раздумью’; *решишь* (абстрактный глагол) — ‘после размышления, обдумывания прийти (перен.) к какому-л. выводу, заключению относительно чего-л.’.

В данном случае можно говорить о несовершенстве толковых словарей, однако, к сожалению, альтернативы подобным словарям нет. Как правило, словарные дефиниции абстрактных глаголов представляют собой развернутые пассажи, оформленные сложными предложениями или предложениями простого типа с мощным распространительным аппаратом. Ср.: *определить* (абстрактный глагол) — ‘распознать по каким-л. признакам, данным или путем наблюдения, изучения; установить’.

Особое место в группе абстрактных глаголов занимают синсемантический глагол *становиться* и глагольные словосочетания *относиться положительно* и *относиться отрицательно*. Недостаточная семантика данных единиц требует обязательного семантического восполнения за счет контекстных слов-партнеров. В статусе ономатем эти глаголы выражают предельно отвлеченное действие, которое можно было бы назвать «полудействием» и которое предшествует действию «основному», обозначаемому глагольно-именным словосочетанием (в данном случае парадоксальность заключается в том, что основная часть гла-

гольной семантики создается непосредственно именной частью словосочетания).

Наибольший интерес вызывает третья группа базовых глаголов ЛСГ, к которой мы отнесли глаголы промежуточного типа. Специфика данных глаголов заключается, во-первых, в том, что те условия, при которых мы относим те или иные глаголы к абстрактным или конкретным, выполняются только частично. Например: *сравнить* — ‘рассмотреть одно в связи с другим для установления преимуществ одного перед другим; сопоставить’. Прежде всего, затруднение вызывает самоопределение и классификация ситуации: как правило, глаголы промежуточного типа выражают действие, за которым стоит не менее двух ситуаций (сравнить можно кошку с собакой — действие одноразовое, наблюдаемое, но каков его характер: физиологический или социальный — определить невозможно). В данном случае действие является комплексным и в статусе ономатемы этот глагол не может быть отнесен ни к абстрактным, ни к конкретным, хотя потенциально в речи он может быть, в зависимости от контекста, как конкретным, так и абстрактным. Словарные дефиниции подобных глаголов оформляются непоследовательно и неоднородно: в них присутствуют черты толкований как конкретных глаголов, так и абстрактных. Думается, что именно глаголы этой группы представляют наибольший интерес при изучении реализации их лексико-семантических вариантов в речи.

Таким образом, рассмотренные идентификаторы ЛСГ глаголов в линейном ряду образуют специфическую и неоднородную по семантике группу классификаторов. Думается, что критерии классификации абстрактных и конкретных глаголов являются достаточно объективными знаками конкретности и абстрактности глагольной семантики, набор которых может быть пополнен при сопоставлении базовых идентификаторов с глаголами — членами ЛСГ по вертикали.

Самой представительной в количественном отношении группой в данной классификации является группа конкретных глаголов, что, несомненно, связано со спецификой деятельности человека в окружающем его мире. Конкретная лексика, по мнению А. А. Уфимцевой, составляет ядро словарного состава современного русского языка¹⁰.

В дальнейшем нам представляется наиболее продуктивным рассмотреть проблему абстрактности и конкретности глагольной семантики по традиционной схеме «действительность — мышление — язык» с учетом роли человеческого фактора в языке, а также языковой картины мира, так как система ЛСГ русских глаголов является отражением сложнейшей языковой картины процессуально-событийного мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии // Языковая номинация (виды наименований). М., 1977. С. 318.
- ² Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974. С. 115—116.
- ³ Кузнецова Э. В. Два типа глагольных значений // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985. С. 27—30.
- ⁴ Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 75—95.
- ⁵ Уфимцева А. А. Указ. соч. С. 115—116.
- ⁶ Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986. С. 13; Қолшанский Г. В. Лингвоносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация (виды наименований). М., 1977. С. 119.
- ⁷ Лексико-семантические группы русских глаголов: Словарь-справочник. Свердловск, 1988.
- ⁸ Кузнецова Э. В. Указ. соч. С. 29.
- ⁹ Васильев Л. М. Значение в его отношении к системе языка. Уфа, 1985. С. 29.
- ¹⁰ Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. С. 121.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

М. Л. КУСОВА

Свердловский пединститут

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ГЛАГОЛЬНОЙ АНТОНИМИИ

Описываются модели парадигматических связей глагольных антонимов, определяются взаимосвязи различных типов парадигм — антонимических и ЛСГ.

В настоящее время возросло внимание ученых к парадигматике языковых единиц, к структуре различных парадигм. Развитие парадигматики заключается, с одной стороны, в более пристальном изучении данного явления, в определении его сути, с другой — в определении взаимодействия между различными типами парадигм¹.

В частности, исследование, проведенное на материале словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов», позволило выявить следующее соотношение парадигм типа антонимических и типа ЛСГ:

1) антонимы — члены оппозиции являются членами одной ЛСГ, например: *вскочить* — *соскочить*, *опуститься* — *подняться* (ЛСГ глаголов вертикального перемещения);

2) члены антонимической оппозиции принадлежат к антонимически соотнесенным ЛСГ, например: *удалить* — *поместить*, *выложить* — *вложить* (ЛСГ помещения объекта и ЛСГ глаголов удаления объекта)².

Подобное описание, представляя собой определенный уровень обобщения (поскольку оно предполагает изучение ЛСГ глаголов и глагольных антонимов), дает возможность более пристально изучить частное явление — взаимодействие глагольных антонимических оппозиций. Указание на взаимодействие антонимических оппозиций как аксиома содержится в самом факте соотносительности антонимических оппозиций и ЛСГ глаголов: будучи связанными с ЛСГ глаголов, антонимические оппозиции должны быть организованы определенным образом, связаны между собой³. Возникает вопрос о моделях глагольной антонимии, о структуре глагольных антонимических парадигм.

Принципиально новым является само обращение к глагольной антонимической парадигме, так как исследователи при изучении антонимов традиционно ограничивают себя такой единицей, как антонимическая оппозиция. Рассматривая антонимы в качестве разновидности парадигматических отношений, как одну из реализаций парадигматических отношений, ученые не выходят за рамки двучленной оппозиции, принимая оппозицию за основную единицу описания. Говоря об антонимической парадигме, мы имеем в виду совокупность антонимических оппозиций, члены которых противопоставлены по одинаковым семантическим компонентам. Например: членами одной антонимической парадигмы являются оппозиции «замедлить — ускорить», «расширять — сужать»; их члены противопоставлены по категориально-лексическим семам 'увеличить' — 'уменьшить'.

Выход за рамки антонимических оппозиций, обращение к их взаимодействию позволили установить, что антонимические оппозиции могут быть связаны между собой иерархическими и не-иерархическими отношениями. Иерархические отношения усматриваются в антонимических парадигмах, образованных глаголами антонимически соотносительных ЛСГ. Вершина иерархии в этом случае представлена базовыми глаголами, отражающими противопоставление в наиболее общем виде, например антонимическая парадигма «исчезнуть — появиться». Основой данной парадигмы выступают базовые глаголы ЛСГ появления и исчезновения, с которыми иерархически соотносены оппозиции, организованные ординарными членами ЛСГ глаголов. Структура такой парадигмы может быть представлена как ЛСГ глаголов исчезновения: *исчезнуть — воскресить — вынырнуть — нарождаться*; и как ЛСГ глаголов появления: *появиться — умертвить — нырнуть — отмирать* и т. д.

Иерархическая модель глагольной антонимии представлена восемью антонимическими парадигмами, вершинами которых являются базовые глаголы ЛСГ глаголов создания — разрушения (*создать — разрушить*), увеличения — уменьшения (*увеличить — уменьшить*), извлечения — помещения (*извлечь — поместить*), открытия — закрытия (*открыть — закрыть*), соединения — разделения (*соединить — разделить*), присоединения —

отделения (*присоединить — отделить*), потери — приобретения (*потерять — приобрести*), исчезновения — появления (*исчезнуть — появиться*).

Указанные парадигмы включают разное число антонимических оппозиций. Но, различаясь количественно, они являются абсолютно тождественными по структуре: вершиной парадигмы является пара, образованная базовыми глаголами ЛСГ, все другие оппозиции включают ординарные члены ЛСГ.

Конкретизируя описание данной семантической модели глагольной антонимии, мы должны обратить особое внимание на антонимические парадигмы, образованные глаголами ЛСГ разделения, соединения и ЛСГ присоединения, отделения. Семантическая близость глаголов данных парадигм настолько велика, что данные парадигмы можно рассматривать как находящиеся в соподчинении по отношению к оппозиции «соединить — разделить», абстрактно представляющей семантику оппозиций.

Соподчинение антонимических парадигм видится также в тяготении антонимических парадигм, образованных глаголами ЛСГ извлечения — помещения, создания — разрушения, открытия — закрытия, потери — приобретения, соединения — разделения, присоединения — отделения, к выделенному Ю. Д. Апресяном типу антонимии «действие — уничтожение результата действия»⁴. Часть антонимов данных парадигм связаны как действие, имеющее определенный результат, и как действие, уничтожающее результат первого: *ввинчивать — вывинчивать, маскировать — демаскировать*.

Очевидно, причина подобного тяготения заключается в словообразовательных особенностях антонимов — противопоставление «действие — уничтожение результата действия» особенно ярко проявляется у однокорневых глаголов-антонимов, входящих в указанные парадигмы, например: *связать* (ЛСГ глаголов соединения) — *развязать* (ЛСГ глаголов разделения), *забинтовать* (ЛСГ глаголов покрытия) — *разбинтовать* (ЛСГ глаголов открытия).

Особенность реализации иерархической семантической модели глагольной антонимии заключается в данном случае в том, что вершина иерархии не может быть представлена с помощью глагольной лексики, не вписывается в рамки глагольных антонимических оппозиций.

Наиболее яркой иллюстрацией соподчинения в иерархической модели является антонимическая парадигма, члены которой противопоставлены по семантическому признаку «начало — конец действия», например: *воспламениться — затухнуть, заболеть — выздороветь*. Антонимические парадигмы, образованные глаголами ЛСГ горения (*разгореться — затухнуть*), ЛСГ физиологического состояния (*засыпать — просыпаться*), ЛСГ говорения (*заговорить — отговорить*), соподчинены антонимической оппозиции «начать — кончить» (*начинать — кончать*).

Перечисленные антонимические парадигмы представлены глаголами начинательного и финитивного способов действия, поскольку именно наличие в семной структуре глаголов сем 'начать', 'кончить' — основание для включения лексем в лексико-грамматический разряд — способ глагольного действия. Лексико-грамматические разряды — это классы слов внутри формально-семантического класса, части речи⁵. Следовательно, антонимические отношения характеризуются как отношения, связывающие не только слова, но и классы слов. Такой вывод подтверждается анализом реализаций семантической модели глагольной антонимии, которая связана с противопоставлением различных классов слов: лексико-грамматических разрядов и ЛСГ. (Начинательный и финитивный способы глагольного действия — не единственно противопоставленные способы глагольного действия, однако противопоставленность других способов глагольного действия не связана с антонимией, например: *одноактный* — *многоактный* способы глагольного действия, *прыгать* — *прыгнуть*. Образованные в последнем случае оппозиции включают не антонимически соотнесенные слова. Выделение их не соответствует критериям антонимичности.)

Иерархическая семантическая модель реализуется также в антонимической парадигме, образованной оппозициями, члены которых различаются по функционально-семантическому признаку «процесс — отсутствие данного процесса»: *уцелеть* — *погибнуть*, *воспрепятствовать* — *допустить* (см. словарные определения данных глаголов: *воспрепятствовать* — 'не допустить чего-л.' *уцелеть* — 'не погибнуть'). Глагольная антонимическая оппозиция, обобщенно определяющая отношение между членами оппозиций, в данной парадигме отсутствует, отношение определяется лишь описательно. Отсутствует также однозначный ответ на связь данной парадигмы с ЛСГ глаголов. Например: антонимическая оппозиция «говорить — молчать» представлена глаголами ЛСГ произнесения, антонимическая оппозиция «отказаться — согласиться» — соответственно глаголами ЛСГ речевого сообщения и речевого общения⁶.

Причина подобной неоднозначности заключается не столько в непоследовательности лексикографов, сколько в сложных семантических связях членов оппозиций. Принимая во внимание то, что один из антонимов указывает на отсутствие процесса, лексикографы включают оба члена оппозиции в одну ЛСГ глаголов. Если же наиболее значимым для них представляется возможность действия, противоположного по характеру, а не просто отсутствие действия, то члены оппозиции включаются в разные ЛСГ.

Таким образом, обращаясь к описанию иерархической модели глагольной антонимии, мы видим множественность ее реализаций. С одной стороны, наблюдается противопоставленность глаголов различных ЛСГ, с другой — противопоставленность по

одинаковым семантическим признакам внутри различных ЛСГ глаголов, нередко обобщенно представленная в глагольной антонимической оппозиции. Очевидно, подобная неоднозначность реализации модели связана со степенью отвлеченности глаголов, образующих вершинные антонимические оппозиции, а следовательно, и со статусом сем, предопределяющих антонимическую противопоставленность членов оппозиций. Антонимическая оппозиция «начать — кончить», члены которой противопоставлены по лексико-грамматическим семам, является более абстрактной, чем, например, антонимическая оппозиция «открыть — закрыть», в которой в качестве противопоставляющих сем выступают категориально-лексические (аналогично и все другие) оппозиции, образованные глаголами антонимически связанных ЛСГ.

Описание реализаций иерархической семантической модели глагольной антонимии показывает, что реализации данной модели связаны с глаголами различных ЛСГ, причем антонимические парадигмы могут включать как члены одной ЛСГ, так и члены различных ЛСГ.

Иерархической семантической модели глагольной антонимии противопоставлена модель неиерархическая. В общем виде неиерархическая модель может быть описана следующим образом: члены антонимической оппозиции различаются одинаковыми компонентами, вершинная глагольная антонимическая оппозиция при этом отсутствует.

Неиерархическая модель глагольной антонимии представлена рядом антонимических парадигм: антонимическая парадигма, включающая антонимические оппозиции, члены которых различаются семантическими компонентами «вверх — вниз»: *взлетать — садиться, влезть — слезть, всплыть — тонуть*; антонимические парадигмы, включающие антонимические оппозиции, члены которых противопоставлены по семантическим признакам, указывающим на направление перемещения: а) «внутри — наружу»: *влезть — вылезть, влетать — вылетать*; б) «вперед — назад»: *наступать — отступать*; в) «к исходной точке — от исходной точки»: *приблизиться — удалиться, отбежать — подбежать*. Названные антонимические парадигмы образованы глаголами перемещения. Сема 'перемещение' является высокоабстрагированной глагольной семой, поэтому достаточно отвлеченными являются также семантические признаки, по которым противопоставлены глаголы данной группы.

В качестве реализации неиерархической семантической модели глагольной антонимии следует рассматривать также антонимические парадигмы, члены которых противопоставлены по какому-либо признаку, например: «мокрый — сухой»: *вымочить — высушить*; «белый — черный»: *белеть — чернеть*; «теплый — холодный»: *подмерзнуть — подтаять* и т. д. Подобное противопоставление наблюдается в ЛСГ глаголов становления качества.

Появление термина «признак» в определении данных парадигм закономерно, так как антонимия ЛСГ глаголов становления качества связана с антонимией прилагательных.

Выделяются также антонимические парадигмы, представленные единичными оппозициями. Так, единичными оппозициями представлены парадигмы, члены которых противопоставлены семантическими компонентами «слепой — зрячий»: *слепнуть — прозревать*; «прямой — кривой»: *выпрямить — искривить*; «острый — тупой»: *острить — тупить*.

Отсутствие иерархических связей между членами антонимической парадигмы наблюдается также в антонимических парадигмах, образованных глаголами ЛСГ пребывания субъекта в эмоциональном состоянии, например: *радоваться — печалиться, скучать — веселиться* (члены оппозиции противопоставлены по положительной или отрицательной оценке эмоционального состояния), глаголами ЛСГ приведения в эмоциональное состояние, например: *возбудить — успокоить, обворозжить — расхолодить* (члены антонимических оппозиций также противопоставлены по признаку оценки: одно из эмоциональных состояний носителями языка оценивается как положительное, другое — как отрицательное).

Таким образом, при описании глагольной антонимии нами выделены следующие модели антонимической противопоставленности глаголов: иерархическая и неиерархическая. Иерархическая модель глагольной антонимии представлена двумя разновидностями: моделью со связью «подчинение» (члены парадигмы подчинены вершинной оппозиции) и моделью со связью «соподчинение» (ряд парадигм соподчинены вершинной оппозиции). Неиерархическая модель глагольной антонимии отличается большей однородностью своих реализаций: члены представляющих ее антонимических парадигм тождественны по противопоставляемым семантическим компонентам, находятся на одной ступени иерархии.

Определение иерархических — неиерархических отношений глаголов-антонимов связано с обращением к классам слов, что позволило установить виды связи между антонимическими парадигмами и ЛСГ глаголов. Члены антонимической парадигмы могут принадлежать либо различным, антонимически соотнесенным ЛСГ, либо одной ЛСГ. Следовательно, модели глагольной антонимии связаны с антонимией слов и классов слов: с антонимией слов — неиерархическая модель глагольной антонимии, с антонимией классов слов — иерархическая модель.

Представляется, что выделение моделей антонимии имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В школьных учебниках отсутствует какая-либо последовательность в изложении данного лексического материала, кроме соотнесенности антонимов с категориально-грамматическими классами слов. Включение антонимических парадигм, являющихся реализация-

ми той или иной модели антонимии, глагольной антонимии в частности, позволит школьникам глубже увидеть закономерности в противопоставлении слов, лучше усвоить данный лексический материал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Типы языковых парадигм: Тез. докл. и сообщ. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала (Свердловск, 2—5 февр. 1988 г.). Свердловск, 1987.

² Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. слов.-справ. / Под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск, 1988.

³ Гоголина Н. А., Кусова М. Л., Нетьяго Н. В. Соотношение лексико-семантических парадигм типа ЛСГ и антонимических рядов // Лингв. чтения, посв. памяти докт. филол. наук, проф. Э. В. Кузнецовой (Свердловск, 6—8 февр. 1989 г.): Тез. докл. и сообщ. Свердловск, 1989. С. 23—24.

⁴ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 290—292.

⁵ Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1982. С. 73.

⁶ См.: Лексико-семантические группы...

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

В. В. ШАПОВАЛ

Новосибирский пединститут

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ

Предпринимается попытка на материале древнерусских оригинальных житий интерпретировать факт семантического сближения существительных *дырзновение* и *оупование*, зафиксированный древнейшими восточно-славянскими словарями.

Древнерусский язык для нас, носителей языка-потомка, в некоторых случаях представляется более близким и понятным, чем современные родственные языки. Думается, что инерция наших собственных языковых навыков, порой создавая иллюзию понимания, не позволяет разглядеть принципиально иные системные отношения за незначительными «шероховатостями» свидетельств древнего текста. О явлении неполного понимания размышляли многие русские филологи¹. «Минувшие языковые системы нами интерпретируются с трудом; мы не переживаем вполне, а лишь частично, приблизительно, притом сильно переосмысливая, воспринимаем их элементы», — писал Р. О. Якобсон².

В данной статье в качестве единичного случая «мертвых» системных отношений предполагается рассмотреть синонимическое сближение двух наименований душевного состояния чело-

века: *дързновение* и *оупование* — уточнить условия этого сближения и степень близости данных слов.

Прежде всего, надо заметить, что дефиниции интересующих нас значений данных существительных в словарях древнерусского языка с точки зрения интерпретации встреченных в агнографии словоупотреблений показали нам недостаточными: *дързновение* (во втором значении) — 'свобода говорить, просить о чем-либо, обращаться с чем-либо'³; *оупование* — 'надежда'⁴. Прежде всего, *дързновение* является наименованием особого душевного состояния, позволяющего низшему по социальному положению лицу обращаться к высшему, как это будет показано нами при разборе конкретных словоупотреблений. Существительное *оупование* (орфографического варианта *оупъвание* в наших текстах нет) также обозначает душевное состояние. Заслуживает внимания тот факт, что в древнейших русских словарях (алфавитах, азбучовниках) *дързновение* используется в качестве толкования существительного (*у*)*пование*: *пование* — 'дерзновение'⁵; *пование* — (Т)'дер'зновение'⁶; *пование. де(р)зновение*⁷; *пование. дерзновение*⁸; *пование, дерновение*⁹. Вероятно, перенос слова (*у*)*пование* под литеру П указывает на то, что *оупование* было редким словом, нуждалось в толковании через посредство *дързновения* и, не имея обширного гнезда родственных слов, оказалось на грани забвения: многочисленные переписчики не восстанавливают начальную букву. В ряде алфавитов встречается также западно-славянское заимствование *дуфанье*, исторически также связанное с *оупъвание*¹⁰. Оно толкуется как 'дерзновение'¹¹. Обратное соотношение (*дързновение* толкуется через 'дуфанье') отмечается в словаре Беринды: *дързновение* — '...дуфанье'¹²; а также *оупование* — '...оуфанье'¹³. В западно-русских словарях отмечается и синонимия исходных глаголов: *уповаю* — '*дързаю*'¹⁴; *confido* — '*уповаю, дерзаю*'¹⁵. Не вызывает сомнения наличие между существительными *дързновение* и *оупование* отношений синонимии, подтверждаемых древнерусскими и среднерусскими книжниками.

Рассмотрение материала древнерусских житий позволяет контекстуальные условия синонимического сближения существительных *дързновение* и *оупование* определить более точно, поставить в зависимость от этикета общения. Прежде всего, бросается в глаза «тематическое» единообразие контекстов, в которых реализуется значение 'свобода говорить о чем-либо' у существительного *дързновение*: «о милыи мои брате и г (осподи)-не аще еси оуполоучилъ *дързновение оу г(оспод)а. моли о моемь оунынии*» (Б: 13 в) *; «помоли ся мнѣ *къ общеому вл(ады)цѣ. яко имѣя дързновение* и престою оу престола его» (Б: 14 в);

* Условные обозначения и библиографическое описание источников в конце статьи.

«тѣгда разоумѣите яко далече ми быти. и не имоуща *дѣрзновения* молити ся къ *немоу*» (т. е. богу) (Ф: 64 а); «обаче о семь разоумѣите *дѣрзновение* мое еже къ б(ог)оу. егда видите всѣя благая оумножающаяся въ монастыри семь» (Ф: 63 г); «вѣмъ бо извѣстно, яко имаши *дѣрзновение* къ с(вя)-тѣи тро(и)ци» (Р: 68); «яко имѣя *дѣрзновение* къ Богоу, пр(епо)добниче, помолися и за мя» (П: 765); «аще имаши *дѣрзновение* к нему помолитися» (П: 760); «да аще еси получить *дѣрзновение* у Бога молися о мне» (БГ: 172 г); «на небесехъ съпрославлястася съ рабы Божии, тѣмъ *дѣрзновения* от Него сподобльшася» (С—1: 111); «нѣ на небесехъ прославистася съ рабы Божии; тѣмъ и *дѣрзновѣние* отъ него съподобистася» (С—3: 105 об.); «тѣмъ же, *дѣрзновение* имуща, мученика святая и супруга благородная брата, непрестаита молящася за отчествоваю, вы бо еста затупника и врача...» (С—2: 100).

Приведенные употребления существительного *дѣрзновение* достаточно однотипны и позволяют сделать ряд обобщений:

— речь идет об особом психическом состоянии человека, возникающем в связи с его обращением к высшему лицу;

— это психическое состояние позволяет ему преодолеть определенные социальные запреты и первому обратиться к высшему лицу;

— интересно, что почти во всех контекстах встречаются средства выражения «сомнения» в возможности обращения к высшему лицу (*аще, яко* и др.).

В близких контекстах встречается и *оупование*: «такое тѣшание бѣ къ б(ог)оу надежа пр(епо)добнаго феодоса. и тако *оупование* имяаше къ г(оспод)оу нашему» (Ф: 556); «бѣ вѣроу и надежоу къ б(ог)оу въскланяя ся, яко же паче не имѣти *оупования* неимениемъ» (Ф: 49а).

Последний пример вне более широкого контекста нуждается в переводе: «пребывал с верою и надеждою в поклонахъ богу, ибо иного упования не имел по причине бедности». Как видим, *оупование* также указывает на определенное душевное состояние, возникающее в связи с обращением к высшему лицу (богу). Другое сходство с *дѣрзновениемъ* содержится в контексте: это выражения «сомнений» по поводу правомерности обращения по собственной инициативе к высшему лицу: «си на оумѣ азъ грѣшныи нестерѣ приимѣ. и оградивъ ся вѣроу и *оупованиемъ*. яко всѣя възможна от тебе соуть» (Ф: 266); «разбогатѣвъ благодатию божиею. и оградивъ ся вѣроу и *оупованиемъ*» (Ф: 376). Упование помогает человеку действовать целенаправленно даже в условиях сомнений, ощущая себя проводником воли провидения: «тѣмъ же подобаетъ намъ о всѣмъ *упование* възлагати на господа» (Р: 25).

Таким образом, и агиография, и древние словари в определенной мере отражают факт синонимического сближения существительных *дѣрзновение* и *оупование*. Попробуем предложить

наше понимание механизма этого сближения — с учетом особенностей средневекового этикета общения.

«Средневековая корпоративность» диктовала человеку очень узкие рамки поведения¹⁶. Любое обращение низшего к высшему в этой системе приобретало форму просьбы, моления. При обращении по собственной инициативе просящий испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, он не мог предсказать реакцию высшего по положению лица, к которому обращался, т. е. ощущал себя потенциальным нарушителем этикета (показательно в этой связи, что *отрок* как социальный термин первоначально значил 'не имеющий права говорить'¹⁷), с другой стороны, он решился подать голос только потому, что рассчитывал на положительную реакцию, на милость высшего лица. Эти противоречивые чувства прочно ассоциировались с ситуацией обращения «вверх» по собственной инициативе и недифференцированно именовались чаще *дързновение*, иногда — *оупование*. Обиноминации лишь частично раскрывали амбивалентное содержание понятия — социально обусловленного эмоционального состояния, однако для праведного человека в этом конгломерате чувств, по всей вероятности, не было видимого противоречия, так как он смел проявить *дързновение*, т. е. 'решимость предпринять что-либо', только в состоянии *оупования* на то, что его решение уже подкреплено одобрением на самом высоком уровне.

Н. С. Трубецкой отмечал, что *дързновение* в славянской терминологии становится соответствием греческого *παρρησία*, латинского *fiducia*, обозначающих «особое одушевление», положительное с точки зрения христианской этики¹⁸. Синонимическое сближение существительных *дързновение* и *оупование* — это своеобразный конкретный пример того, как феодальные отношения отражались в сознании, настроенном на христианское восприятие окружающего мира.

Без более общего анализа нет оснований говорить о месте этого сближения в древнерусской этической системе, однако даже рассмотрение этого факта изолированно не лишено ценности, так как он пока не нашел отражения в лексикографических источниках.

ИСТОЧНИКИ

Сказание о Борисе и Глебе // Успенский сборник. М., 1971. Л. 86—186.— (Б).

Проложное житие Бориса и Глеба // Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1915. С. 97.— (БГ: 172 г).

Житие святого Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Спб., 1897. С. 1—112.— (П: 760, 765).

Житие Сергия Радонежского // Тихонравов Н. С. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892. С. 3—69.— (Р: 3—69).

Служба святым Борису и Глебу // Абрамович Д. И. Жития... С. 136—143.— (С—1).

То же (вторая разновидность редакции) // Там же. С. 143—146.— (С—2).

То же (третья разновидность редакции) // Там же. С. 146—150.— (С—3).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 258; Трубетцкой Н. С. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика. М., 1983. С. 437; Фортунатов Ф. Ф. Самавед — Араньяка — Самхита. М., 1875. С. 57 и др.

² Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 272.

³ Словарь русского языка XI—XVII вв.: В 10 т. М., 1975—1983. Т. 4. С. 227.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб., 1912. Т. 3. С. 1250.

⁵ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII века. Л., 1975. С. 264.

⁶ Там же. С. 297.

⁷ Азбуковник. ГПНТБ СОАН СССР, Тихом. № 84. Л. 82.

⁸ Алфавит. ГПНТБ СОАН СССР, Тихом. № 72. Л. 148.

⁹ Там же. № 84. Л. 389 об.

¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 4. С. 164.

¹¹ Алфавит. № 84. Л. 127; № 99. Л. 54.

¹² Беринда П. Лексикон словенороський. Київ, 1961. С. 29.

¹³ Там же. С. 140.

¹⁴ Там же. С. 140—141.

¹⁵ Славинецкий Е. Лексикон латинський. Київ, 1973. С. 137.

¹⁶ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973. С. 124, 149.

¹⁷ Фасмер М. Указ. соч. Т. 3. С. 172—173; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 57—58.

¹⁸ Trubetzkoy N. S. Introduction to the History of Old Russian Literature // Harvard Slavic Studies. Cambridge, 1954. Vol. 2. P. 102.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

В. Н. КАПЛЕНКО

Свердловский пединститут

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ВРЕМЕНИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Исследуются закономерности художественного функционирования существительных, обозначающих единицы времени, в поэтической речи.

Статья посвящена выяснению закономерностей художественного функционирования существительных, обозначающих единицы измерения времени (на материале лирических стихотворений Б. М. Марьева).

Существительные, обозначающие единицы измерения времени, имеют категориально-лексические семы 'длительность' и 'количественная определенность'. Дифференциальные семы

слов *век, год, месяц, сутки, час, минута, секунда* конкретизируют количество длительности и имеют релятивный характер: каждую из единиц можно представить и как совокупность меньших единиц, и как элементарную составляющую большей единицы — недаром толковые словари дают взаимно тавтологичные определения: *минута* — 'мера времени, равная $\frac{1}{60}$ часа и состоящая из 60 секунд', *час* — 'промежуток времени в 60 минут', *секунда* — 'единица времени, равная $\frac{1}{60}$ части минуты'¹. Замыкается этот ряд с одной стороны словом *вечность*, обозначающим длительность, не имеющую границ, с другой — словом *миг (мгновение)*, обозначающим длительность, стремящуюся к нулю. И *вечность*, и *миг* не являются единицами времени, принадлежат языку художественных произведений.

Факт употребления перечисленных единиц в поэтическом тексте заставляет предположить, что и они утрачивают свою «терминологическую» сему точности, определенности: поскольку лирика отражает субъективный мир человека, в ней должны преобладать не «научные», а «наивные» значения², не конструктивно-логические, а индуктивно-эмпирические компоненты понятий³.

'Длительность' — сема «конструктивно-логическая»; эмпирически же время воспринимается человеком через ритм повторяющихся явлений, через наблюдаемые в мире и в самом человеке изменения⁴. Поэтому эмпирические представления о единицах времени следует искать в ассоциациях с воспринимаемыми и осознаваемыми человеком явлениями действительности. В структуре лексического значения слова (далее ЛЗ) это область вероятностных, ассоциативных сем.

С эмпирической точки зрения *век* — единица длиннее человеческой жизни, сопоставимая с историческими эпохами; *год* — единица, сопоставимая с этапами человеческой жизни, оптимальная единица для измерения возраста; *сутки* — единица, сопоставимая с отдельным событием; по отношению к природе *год* и *сутки* — циклы, состоящие из четырех качественно различных фаз⁵; *час, минута* — единицы, оптимальные для ориентации в рамках суток или времени суток, сопоставимые с конкретными действиями людей и животных; *секунда* — наименьшая единица, ощущаемая человеком как исчезающе малая величина (*милли-, микро-, наносекунды* принадлежат уже исключительно научно-технической терминологии), поэтому в разговорной и художественной речи возможно синонимическое употребление слов *секунда, миг, мгновение* и *минута*; выражения *Подожди секунду* и *Подожди минуту* могут оказаться коммуникативно эквивалентными. Отношения «больше-меньше» между единицами остаются в силе, но в эмпирическом плане крайние единицы — большие, чем десятилетие, и меньшие, чем час, — семантически сближаются со своими соседями по ряду: *век* и *тысячелетие* обобщаются «субъективной» семой 'много'; *минута*,

секунда, миг —сеймой 'мало'. В этом смысле разница между *веком* и *тысячелетием* не намного больше, чем между *минутой* и *секундой*. Сказанное не касается, однако, слова *вечность*: обозначаемая им длительность в бесконечное число раз больше любой конечной единицы.

Контекстуальные реализации и художественные функции рассматриваемых слов прослеживаются в опоре на их синтаксическую функцию в предложении.

«Ее теснит ХХ век то льготами, то карами, / Рычит вокруг по улицам технический прогресс» (30)*, — о несдающейся цыганской душе. Слово *век* употреблено здесь в качестве подлежащего. Точное указание века с помощью порядкового числительного способствует выдвиганию на первый план значения 'историческая эпоха', которое поддерживается такими вспомогательными средствами, как «административная» лексика — *льготы, кары* и упоминание о техническом прогрессе. Сказуемое *теснит* обозначает активное, целенаправленное действие, и век приобретает характеристику некоего лица, облеченного властью, располагающего «льготами» и «карами» и действующего, в союзе с напоминающим хищного зверя техническим прогрессом, неблагоприятно для цыганской души. Дальнейший текст: «Но бредит, непутевая, кострами и гитарами» (31) — уточняет характеристику ХХ века: это городская цивилизация с ее искусственными нормами жизни (тема административных мер) и большим количеством искусственных устройств (тема «рычащего» технического прогресса), противопоставленная «кострам и гитарам», символизирующим естественность и романтику кочевой жизни.

Иной речевой смысл и иную художественную функцию беретает та же лексема, будучи подлежащим при глаголе движения: «Природа, природа, ты вечно права! / Пусть ноги босые щекочет трава, / И пусть надо мной, как в зарю облака, / Проходят, проходят, проходят *века*...» (47). Существительное *век* реализует свое прямое значение: акцентируются категориальная сема 'количество', дифференциальная релятивная '100 лет', ассоциативные 'длиннее человеческой жизни'. Форма множественного числа, поддержанная повтором глагола, обозначает последовательно истекающие равные промежутки времени, в сумме во много раз перекрывающие продолжительность человеческой жизни. Художественный смысл отрывка держится на парадоксе: сиюминутная ситуация — *Пусть ноги босые щекочет трава* — дается на фоне проходящих веков. Слово *века*, таким образом, служит здесь созданию парадоксального темпорального фона, назначение которого — выразить утопическое желание человека вечно жить в гармонии с природой.

* Здесь и далее в скобках страница указанного издания «Дела о словах» Б. Марьева, Свердловск, 1974.

Формально близок к грамматическому субъекту именительный падеж темы: «Годы, годы! / Улица знакомая...» (17). Смысловое наполнение именительного темы раскрывается в последующем тексте, но в данном случае уже ЛЗ существительного *годы* заставляет предположить, что речь идет о пережитом. Форма множественного числа обозначает отрезок, количественно сопоставимый с этапами человеческой жизни, и нейтрализует семантику точного количества. Повтор, относящийся «к примерам чисто лексической экспрессии», «заключает в себе яркий усилительно-градационный эффект»⁶, подразумевает ряд проходящих перед внутренним взором лирического героя картин-воспоминаний, подобно тому, как это происходит в начале стихотворения: «Детство, детство! / Музыка и топот. / Эшелоны. Беженцы. Война» (17). Последующий же текст: «Ничего я смерти не простил: / Деда нет, / И бабки нет, / И дома... / Есть крапива, / Пепел / И пустырь» (17) — говорит о том, что повтор *Годы, годы!* обозначает жизненный отрезок между войной и моментом настоящего и служит средством, позволяющим опустить подробный рассказ об утратах, сжать воспоминания о них до краткого всплеска переживаний.

В позиции дополнения встречаются супплетивные формы *годá* и *лет*, обе в тексте одного и того же стихотворения: «Я с неудачниками пил, / Не понимал ни лиц, ни *лет*, / И полуночный этот пир / Был фантастически нелеп. <...> А я — считал свои *года*, / А я — лечил свою беду / И говорил, что никогда / Я в их число не попаду!» (43). Обе они выступают как объект умственных действий — *понимал*, *считал* — и употреблены в значении 'возраст' (функция характеристики персонажа), о чем в первом случае говорит постанова в однородный ряд: *ни лиц, ни лет*, а во втором — определение *свои*. Появляясь в первой и в предпоследней строках, формы *годá* и *лет* образуют неярное в художественном отношении, но тематически существенное кольцо стихотворения, которое вводит тему возраста и провоцирует следующие темпоральные смыслы: 'они упустили свое время' и 'у меня впереди достаточно времени'. В результате тема возраста перерастает в тему смысла жизни, самореализации человеческой личности. Таким образом, существительное *год* становится лексическим и композиционным средством выражения идеи стихотворения.

В позиции несогласованного определения из рассматриваемой группы встречается только слово *век*: «Ты — совесть *века*» (9); «Дети шумного *века* — / Все-то нам по плечам, / Вечно некогда, некогда... / Плачем лишь по ночам» (42). Значение 'историческая эпоха' актуализируется в одном случае благодаря определяемому слову *совесть*, обозначающему нравственное качество, и знанию о том, что содержание понятия 'совесть' зависит не от порядкового номера столетия, а от характера эпохи; в другом случае подобным же образом работает

определяемое слово *дети*: сочетание *дети века* выражает мысль о типических чертах, свойственных представителям определенной эпохи. Помогают выражать значение 'эпоха' прямо или косвенно упомянутые признаки современности: шум, спешка, суета, душевная дисгармония. В том и другом случае существительное *век* участвует в характеристике персонажа, а она, будучи рационально-оценочной, включается в прямое формулирование идеи стихотворения или его отрывка. Центром оценочной функции является определяемое слово.

Если определяемое слово является второстепенным членом предложения, то лексическая семантика определения входит в смысл, выражаемый этим членом предложения: «И счастлив — кто за далью дальней, / Со дна мучительных веков, / Как бы на лестнице спиральной, / Великих видит двойников!» (44). Определение *веков* подчиняется указателю места *со дна*, формирующему пространственный образ. Перед нами метафорическое выражение, в котором слово *веков* соотносится с действительностью и употреблено в языковом значении 'эпоха', *дно* — слово в переносном значении. Пространственный образ подкреплен сравнением хода времен с «лестницей спиральной». Форма множественного числа и энциклопедическое знание говорят о том, что «дно... веков» не есть начало времен, глубочайшая древность: мучительной может быть действительность самых разных эпох. Эпитет *мучительных* подчеркивает глубину страдания, степень бесчеловечности эпохи, и взгляд «со дна», т. е. вверх (что связывается с представлениями о свободе, о полете, о свете и т. п., имеющими положительную коннотативную окраску), символизирует надежду на лучшие времена, на реализацию идеала в будущем.

Аналогично употреблено существительное *вечность*: «Ах, бухгалтеры душ человеческих, / Инженеры машинных мозгов, / Помолчите над безднами вечности / У моих озаренных мостов» (29). И здесь существительное с пространственным ЛЗ в роли локативного указателя управляет родительным падежом слова *вечность*, взятого в языковом значении, в результате чего возникает образ времени, представленного как пространство (в данном случае имеющее бесконечную, не измеримую глазом глубину, в предыдущем — обладающее определенной, зрительно представимой структурой). Художественный смысл метафоры здесь иной: *Помолчать над безднами вечности* означает 'отвлечься от суеты, почерпнуть глубины, мудрости'.

Наиболее богата и по количеству случаев, и по лексическому разнообразию, и по особенностям морфолого-синтаксического выражения группа употреблений рассматриваемых существительных в синтаксической роли указателей времени. Не столь разнообразны их значения — это, как правило, «временное количество, представленное как единая совокупность»⁷:

1) беспредложный винительный падеж единственного числа:

«Апрель ударил по глазам,/Защебетал на ветках голых/И раз-метался, как геолог,/Бродивший *месяц* по лесам» (7); «Ах, погоди *минуту*, проводник!/Как коротка заветная стоянка!» (15). Слово *месяц* употреблено в контексте сравнения, осложняющего олицетворение, и характеризует второй член сравнения (*геолог*), вводя подтекст: 'очень уставший'. Существительное *минута* находится в контексте просьбы и актуализирует сему 'малая длительность', участвуя в создании эмоциональной напряженности;

2) количественное числительное + винительный (или родительный) падеж: «То ли вправду сработал билет,/То ли впрямь он *два года* не пил,/Но гараж воздвигает сосед:/Накопил, говорит, и купил» (28); «На стадионе/30 000 человек,/Как школьники,/Сидели *3 часа*,/Пока читал свои стихи Неруда» (19). Употребление количественных числительных способствует актуализации «логических» сем, таких как 'точное количество', но смысл этой точности не тот, что мог бы быть в бытовом или научном общении. Указатель *два года* в известной мере случаен: важно не выйти за пределы вероятного, тогда как указатель *3 часа* из стихотворения «Цифры», вся экспрессия которого строится на употреблении числительных, должен восприниматься читателем как близкий к документальной точности. Лирический герой стихотворения «Игра», завидующий соседу, строит предположения, и *два года* ничего, кроме предполагаемого срока, не обозначают; герой стихотворения «Цифры» рассуждает, опираясь на исторические факты, каждый из которых — и повод подумать, и аргумент в доказательстве;

3) порядковое числительное + винительный падеж единственного числа: «*Третий год* продолжается бой.../*Пятый год* задыхается страсть.../У соседа — «Москвич» голубой/Вырос в «Волгу» — кофейная масть» (28). В отличие от возможных конструкций *три года*, *пять лет* указатели с порядковыми числительными акцентируют внимание на текущем моменте, на динамике действия, тогда как предыдущие примеры сообщали о сроке, в течение которого действие себя исчерпывало (художественные функции соответственно темпорально-динамическая и темпорально-статическая);

4) «на» + винительный падеж: «Лишь сердце захолонуло *на миг*/У огоньков родного полустанка» (16). Актуализирована сема 'краткость', указатель участвует в функции эмоционального выражения;

5) «в течение» + родительный падеж: «Как досталась мне эта зима:/Два инфаркта *в течение года*!/Ах, какая кругом тишина/И погода» (50). Темпоральный смысл конструкции 'совокупность событий в рамках указанного срока' наполняется трагической коннотацией, которая усиливается благодаря контрасту с последующими строками, передающими наслаждение покоем. В дальнейшем этот контраст оказывается конструктив-

ным приемом — весь последующий текст воспринимается на фоне зимы, чуть не стоившей герою жизни: «Я по лужам брожу голубым, / Где березы стоят вверх тормашками...» (50) и т. д.;

6) «за» + винительный падеж числительного + родительный падеж: «До вас ли мне, березы и рябины, / Когда мой род *за тысячу веков* / Очистился едва ль наполюину / От собственных тенет и сорняков?» (36). Указатель не претендует на точность и обозначает длительность, перекрывающую сроки жизни многих и многих поколений. Темпоральный смысл указателя — ‘срок, по окончании которого констатируется текущий результат продолжающегося процесса’. Контраст между величиной срока и невеликими, с точки зрения лирического героя, результатами создает конфликтность, определяющую содержание функции эмоционального выражения;

7) «в» + винительный падеж: «И *в час*, когда шумят во круг, / Мне страшно за тебя вдвойне...» (51). Соотнесенность с определительным придаточным, в котором предсказано процессное действие, придает указателю смысл ‘время, занятое действием, параллельно которому длится другое действие (состояние)’. Слово *час* реализует «эмпирические» семы: ‘длительность в рамках небольшой части суток, достаточная, например, для застолья’ (предтекст: «Свои обиды — береги / И не оттаивай, как воск, / Когда вчерашние враги / За твой успех поднимут тост» (51)). Точные количественные границы «часа» размыты именно благодаря тому, что мерой длительности одного действия (состояния) стало другое действие. Вместо лексемы *час* могли быть *момент*, *минута* или *время*. Главная художественная функция указателя *в час* — темпорально-динамическая, но вместе с предикативом *страшно* он включается в функцию непосредственного выражения чувств;

8) «с» + творительный падеж множественного числа: «Все-то знаю я, что станется, что сбудется, / Что забудется *с годами* на ветру...» (40). Множественное число, отсутствие количественного ограничителя и результативное значение глагола *забудется* формируют смысл ‘длительность с размытыми границами, в неопределенное количество раз большая, чем год’. Противоречие между результативностью и «длительностным» указателем вызывает представление о динамике процесса: ‘с каждым годом забывается все больше’. Темпорально-динамическая функция дополняется эмоционально-выразительной, поскольку слова *забудется с годами* тематически связаны с представлениями об утратах, подстерегающих человека в жизни.

В одном из употреблений существительное *секунда* формально занимает позицию детерминанта места: «И в этой *секунде*, / Что минет, что канет, — / Восторг откровенья, что жизни дороже!» (26). Трансформа *эта секунда содержит (в себе) восторг* обнаруживает семантический субъект содержания, который, в свою очередь, оказывается формальным, так как непо-

средственно смысл высказывания выражается трансформой *в эту секунду (переживается) восторг*. Указательное местоимение устанавливает связь между названным переживанием и предтекстом: «Театр — как прожектор, / как лупа, / жесточе! — / Как бритва! — / И рампа уже не граница, / И взгляды, / как шпаги, / скрестились на точке — / На искре слезы / одинокого принца» (26). Итак, в рамках данного предложения функция детерминанта места — темпорально-указательная; в масштабе текста его смысл расширяется, секунда выявляет смысл жизни актера, а сама секунда — «жизни дороже». Типичный для поэтики Б. М. Марьева прием — вмещение большого в малое — сдублирован: сопоставлению разномасштабных временных понятий предшествует сопоставление разномасштабных пространственных, причем и здесь меньшее — *точка, искра слезы* демонстрирует сущность большего — театра. Такую художественную функцию обозначим по контрасту с образами типа «мир, репрезентированный собственной деталью» (ср. *пчелы лета*)⁸ как часть, репрезентирующую целое.

Особенности функционирования темпоральных существительных определяются структурой их лексической семантики и синтаксической позицией. Все дальнейшие различия зависят от грамматической и лексической сочетаемости. Так, в позиции подлежащего существительное *век* олицетворяется, будучи употребленным с глаголом целенаправленного действия, и выражает прямое значение, когда сочетается с глаголом движения. Вносит свою лепту в формирование речевого смысла и широкий контекст: на фоне темы природы *век* обозначает чистую длительность, на фоне темы общества (города, цивилизации) — историческую эпоху. Самостоятельный именительный падеж в роли тематива *Годы, годы!* подразумевает ряд картин, аналогичных данным в предтексте, иначе говоря, черпает свою семантику из широкого контекста. *Год* в роли объекта умственных действий обозначает возраст и участвует в характеристике персонажа. Семантика несогласованных определений подчиняется семантике определяемого слова, особенно если оно само стоит в зависимой позиции: подчиненность обстоятельству места, выраженному существительным с пространственным ЛЗ, — условие появления пространственного образа, причем темпоральное слово выступает ключевым словом метафоры. В сочетании же с подлежащим или сказуемым, относящимися к тематике 'человек' и 'общество', оно характеризует персонаж, дает ему прямую оценку и участвует в формулировании идеи стихотворения. Если в позиции определения употреблено только слово *век*, то в роли обстоятельства времени встречаются почти все существительные данной группы. Указатели времени выполняют свои «прямые обязанности», вместе с управляющими ими глаголами организуя временной аспект художественного мира, и попутно в разной степени участвуют в выражении эмо-

циональных и коннотативных оттенков. Источник эмоций, как правило, в том, что длительность, выражаемая существительным, оценивается как недостаточная для действий, событий, переживаний, достижения результатов и т. п. Как и предполагалось, утрачивается сема точного количества, четкость границ временного отрезка, за исключением того случая, когда количественные числительные становятся одним из основных средств выразительности. Семантика детерминанта места *в этой секунде* определяется семантикой грамматической основы, художественный его смысл формируется на основе семантики предтекста.

Полностью отсутствует у изучаемых существительных изобразительная функция. Тот минимум изобразительности, который присутствует в приведенных выше примерах, основывается на ЛЗ предметных или локативных существительных (*над безднами вечности; со дна... веков*), на смысле находящихся в ближайшем контексте сравнений и эпитетов (*у моих озаренных мостов; как бы на лестнице спиральной*; ср. также: «И пусть надо мной, как в зарю облака, / Проходят, проходят, проходят века»).

Сопоставление рассмотренных существительных с существительными, обозначающими время суток и время года, в поэтических текстах Б. Марьева позволяет сделать вывод о том, что лексические единицы времени обладают меньшим потенциалом образных значений и художественных функций (соотношение количества функций 12:11 «в пользу» слов, обозначающих время суток/года). Слова с ЛЗ «единица времени» в подавляющем большинстве случаев употреблены в языковом значении и чаще встречаются в синтаксической функции указателя времени (соотношение количества употреблений 7:10). Объясняется все это разной степенью сложности исходных ЛЗ: слова *день, лето* и т. п., помимо длительности и количества, обозначают особенности пространства⁹, слова же *час, век* и т. п. лишены пространственных сем, а «чем диффузней и дескриптивней значение слова, тем легче оно метафоризируется»¹⁰. Говорить о том, насколько описанные здесь особенности функционирования темпоральных существительных закономерны для поэзии вообще, возможно лишь на основе сопоставления творчества разных поэтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1985.

² Апресян Ю. Д. Принципы семантического описания языка // Семантика и представление знаний. Тарту, 1980. С. 6—12. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 519).

³ Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. С. 51.

⁴ Аарелайд А. Категория времени в современной науке и проблема человеческого времени // Изв. АН ЭССР. Сер. обществ. науки. 1978. № 3. С. 276—280.

⁵ Капленко В. Н. Функционирование темпоральных существительных в поэтическом тексте // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1987. С. 70.

⁶ Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке. М., 1969. С. 127.

⁷ Скогореv В. А. Темпорально-квантитативные формы, выражающие совокупность времени, в русском языке // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973. С. 96.

⁸ Капленко В. Н. Указ. соч. С. 72.

⁹ Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста. Воронеж, 1987. С. 9.

¹⁰ Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 149.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

А. Ю. ЛАРИОНОВА
Уральский университет

*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА -ЧИЙ И БАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ

Сопоставляются семантическая и семная структуры отглагольных прилагательных на *-чий* и базовых глаголов на материале словарных дефиниций, выявляется градационный характер семантической соотносительности прилагательного и глагола.

Отглагольные прилагательные (далее ОП) представляют довольно обширный пласт лексики в лексической системе современного русского языка¹. Внимание к ним со стороны ученых в последнее время значительно возросло в связи с растущим интересом к изучению коммуникативных сторон языка, к особенностям семантики производной лексики, к определению статуса ОП* и многим другим проблемам семантики**.

Исследование семантики ОП опирается прежде всего на семантику глагола, который с точки зрения семасиологической изученности находится в настоящее время в более выгодном положении, чем прилагательное и существительное.

Для конкретного исследования взята группа ОП современного русского языка на *-чий*, включающая 54 лексических единицы. Рассматриваются только те прилагательные, которые формально-семантически соотнесены с причастными формами (*колющий — колющий, спящий — спящий, горящий — горящий*).

* Вслед за И. К. Блюминой мы считаем отглагольными те прилагательные, которые лишь по происхождению связаны с причастиями древнерусского языка, а также прилагательные, образованные от глаголов морфологическим путем².

** См. работы Н. Е. Сулименко, Е. М. Вольф, А. Н. Шрамма.

Из исследования исключены прилагательные типа *ловчий, певчий, гончий*.

Предмет исследования составляет семантика ОП в ее соотносительности с семантикой базовых глаголов*. Задача заключается в выявлении разновидностей семантических взаимоотношений ОП и базовых глаголов. Для решения этой задачи используется дефиниционный анализ, который, по утверждению А. А. Уфимцевой, в настоящее время возведен в ранг специального метода лингвистических исследований³.

Первоначально были выявлены наиболее общие тенденции, характеризующие ОП в их взаимоотношениях с базовыми глаголами. Выявлено, что для ОП на *-чий* продуктивны глаголы двух семантических полей — 'действие' (58 %) и 'состояние' (34 %) ⁴. Например, ОП от ЛСГ глаголов перемещения в пространстве (семантическое поле 'действие') — *бегущий, летучий*; ОП от ЛСГ глаголов существования (семантическое поле 'состояние') — *стоячий, сидячий*.

Приведенные данные получены с опорой на материалы словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов», где деление глаголов осуществлено только на базе их основных значений. В результате сначала не учитывалась возможность образования ОП от вторичных значений глаголов, а также возможность принадлежности глаголов во вторичных значениях иному семантическому полю. Учет последних на следующем этапе исследования позволил внести некоторые количественные и качественные коррективы в состав выделенных групп. Например, прилагательное *везучий* первоначально попадает в группу прилагательных от глаголов семантического поля 'действие', семантического подполя 'перемещение'. При анализе дефиниций ОП и базовых глаголов оказывается, что данное прилагательное входит в группу ОП, образованных от глаголов семантического поля 'состояние', поскольку мотивировано вторичным значением глагола, передающим семантику эмоционального состояния. Например:

везучий — 'такой, которому ве- | везти — '2. об удаче в чем-л.' зет; удачливый'

Анализ дефиниций соотносимых адъективных и глагольных ЛСВ с точки зрения семантического сходства/различия идентифицирующих предикатов, актантных и сирконстантных конкретизаторов позволил выделить следующие типы семантической близости.

Максимальная семантическая близость прилагательного и глагола, для которой характерно семантическое

* Употребление термина «базовый глагол», входящего в ряд терминов «производящий глагол», «мотивирующий глагол», является, на наш взгляд, наиболее приемлемым, поскольку соответствует рассмотрению материала в статике, указывает на глагол как источник мотивации и не акцентирует внимания на процессе словопроизводства.

сходство идентифицирующих предикатов и их лексических конкретизаторов, входящих в дефиниции соотносимых значений. Данный тип семантической близости наблюдается обычно в случаях лексико-семантического тождества дефиниций соотносимых адъективных и глагольных значений при расхождении грамматической семантики слов, входящих в дефиницию. Например, ОП, образованные от глаголов семантического подполя 'звучание':

трескучий — 'производящий треск'
скрипучий — 'производящий скрип'
гремучий — 'издающий громкие резкие звуки'

трещать — 'издавать треск'
скрипеть — 'издавать скрип'
греметь — 'издавать громкие, резкие, раскатистые звуки'

Частичная семантическая близость, когда дефиниции характеризуются семантической разностью идентификаторов прилагательного и глагола и общностью отдельных актантных и сирконстантных конкретизаторов. Например:

колючий — '3. перен. язвительный, насмешливый, злой'

*колоть*¹ — '4. перен. задевать кого-л. колкими, неприятными замечаниями, язвительно упрекать кого-л. // ...'

Минимальная семантическая близость обнаруживается тогда, когда дефиниции прилагательного и глагола не содержат ни общих или семантически близких идентификаторов, ни отдельных вербализованных семантических компонентов, а значение формируется чаще всего на основе ассоциативных признаков. Например, *секучий*, *плакучий* (во 2 ЛСВ).

Наблюдения показывают, что каждый ЛСВ* прилагательных может характеризоваться одним из названных случаев семантической близости. Если это однозначное прилагательное, оно имеет один или несколько типов семантической соотносительности, если многозначное — может характеризоваться несколькими типами семантической соотносительности. Например:

линяющий — 'легко линяющий, выцветающий'

линять — '1. терять свою окраску; выцветать. 2. менять, обновлять в определенные периоды свой наружный покров, теряя, сбрасывая старую шерсть, оперение и т. п. (о животных и птицах)'

Прилагательное *линяющий* имеет максимальную семантическую близость с основным значением базового глагола, поскольку содержит однокорневую причастную форму, а также прилагательное *выцветающий*, базовый глагол которого *выцве-*

* Лексико-семантический вариант (ЛСВ) принимается за самостоятельное значение.

тать есть в основном значении глагола. Прилагательное *лягушечный* имеет также максимальную семантическую близость и с вторичным значением глагола, так как причастие *лягушечный* в его словарной дефиниции не ограничено указанием конкретного ЛСВ базового глагола. Однако, несмотря на однотипность семантической близости прилагательного и глагола, налицо ее разные основания. В одном случае это соотношение «основное значение прилагательного — основное значение глагола», а в другом — «основное значение прилагательного — вторичное значение глагола». Поэтому, помимо отмеченных типов семантической соотносительности, для анализа может оказаться важным, какие именно значения прилагательного и глагола соотносятся — основные или вторичные. В соответствии с этим выделяются разновидности семантической соотносительности на ином основании.

1) тип А1: «основное значение ОП — основное значение глагола». Например:

<i>спящий</i> — ‘сонный, находящийся в состоянии сна’		<i>спать</i> — ‘1. находиться в состоянии сна // ...’
---	--	---

2) тип А2: «основное значение ОП — вторичное значение глагола». Например:

<i>везучий</i> — ‘такой, которому везет, удачливый’		<i>везти</i> — ‘2. об удаче в чем-л.’
---	--	---------------------------------------

3) тип Б1: «вторичное значение ОП — основное значение глагола». Например:

<i>сыпучий</i> — ‘2. такой, который легко, быстро сыплется, осыпается, теряя зерно’		<i>сыпаться</i> — ‘1. ... // Ронять из колосьев спелые зерна (о перезревших хлебах, овсе и т. п.)’
---	--	--

4) тип Б2: «вторичное значение ОП — вторичное значение глагола». Например:

<i>летучий</i> — ‘2. быстро проходящий, кратковременный, проходящий (о времени, явлении и т. п.) // Мимолетный, переменчивый, неуловимый’		<i>лететь</i> — ‘4. быстро проходить (о времени)’
---	--	---

5) нулевой тип семантической соотносительности, или тип «О». Например, *дремучий*, *могучий*.

Наблюдения показывают, что для всех прилагательных возможно сочетание выше названных типов и вариантов типов * семантической соотносительности. Например, ОП *бегущий* относится к типу семантической соотносительности А2, поскольку основное и единственное значение ОП базируется на вторичных значениях глагола: сема ‘движение’ характерна для всех значений глагола *бежать*, сема ‘быстро’ отражена в первом и втором значениях глагола, сема ‘непрерывно’ имплицитно содержится в четвертом значении, она включена в интерпретацию зна-

* Под вариантом типа семантической соотносительности понимается семантическая соотносительность конкретных значений ОП и глагола.

чений глаголов, представляющих четвертое значение глагола *бежать*; сема 'вода', отражающая, по сути, сему субъекта в семантике ОП, также имплицитно содержится в четвертом значении глагола и является, пожалуй, важнейшей семой при установлении семантической соотносительности ОП и глагола. Именно эта сема позволяет тип семантической соотносительности А2 квалифицировать как доминирующий при характеристике семантической соотносительности ОП *бегущий* и базового глагола *бежать*. Анализ показывает, что в целом для ОП *бегущий* характерно формирование идиоматичного значения, основанного на синтезе отдельных семантических компонентов разных значений глагола. Компоненты эти могут быть вербализованными, а могут оказаться эксплицитно не выраженными, функционировать на уровне ассоциативных связей и быть выявлены путем компонентного анализа каждого ЛСВ базового глагола.

Следует отметить, что определение типа семантической соотносительности довольно сложно в тех случаях, когда, например, отсутствует лексическое тождество дефиниций соотносимых значений прилагательного и глагола. Сложность обусловлена также и тем, что довольно часто значение прилагательного представляет собой комплекс сем, заимствованных из разных ЛСВ базовых глаголов и обуславливающих идиоматичность значения ОП.

Итак, наблюдения показали, что, во-первых, абсолютное большинство ОП образованы на базе прямых номинативных значений глагола (при одновременном существовании иных типов семантической соотносительности), во-вторых, отражение глагольной семантики в большинстве случаев осуществляется на уровне основных значений ОП (подтверждение тому — 90 % ОП от глаголов семантического поля 'действие' и 84 % ОП от глаголов семантического поля 'состояние' имеют типы семантической соотносительности, обозначенные символами А1 и А2). Особо подчеркнем также, что выявленные типы семантической соотносительности ОП и базовых глаголов обнаружили ее градиционный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1986. С. 158; Чиркина И. П. Особенности отглагольных прилагательных с суффиксом -л- в современном русском языке // Русский язык в школе. 1956. № 1.

² См.: Блюмина И. К. Двойное функционирование как основной критерий выделения переходных явлений в области морфологии (на материале адъективированных причастий и отглагольных прилагательных) // Функционирование языка и норма. Горький, 1986. С. 101–109.

³ Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М., 1986. С. 14.

⁴ Лексико-семантические группы русских глаголов: Словарь-справочник. Свердловск, 1988.

Н. Г. РЯБКОВ

Шадринский пединститут

ИЗ ИСТОРИИ ОРОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЯ

На материале памятников письменности Курганской области XVII—XVIII вв. исследуется тематическая группа существительных, обозначающих лесные и безлесные уголья, и мотивационные связи указанной лексики.

В орографической лексике четко выделяются, с одной стороны, наименования положительного и отрицательного рельефа, с другой — наименования географических объектов, отличающихся особенностями ландшафта и флоры. Члены этого тематического объединения называют лесные и безлесные уголья, низинные, но относительно ровные места. Такие наименования в южно-зауральских памятниках (ЮЗП) деловой письменности XVII—XVIII вв. (ШФГАКО*) составляют тематическую группу из 74 единиц в 1930 употреблении.

Целью нашей работы, помимо выявления этой лексики в письменных источниках, является изучение ее семантического содержания и территориального распространения.

Наименования лесных угодий большей частью мотивированы. В структурном отношении они либо представляют собой субстантивные сочетания со стержневыми компонентами 'место', 'колок', 'лес', 'роща', либо однословные образования посредством суффиксов *-ник*, *-няк*, именующие лесные уголья по роду произрастающих деревьев. Поэтому слова *березник*, *ветельник*, *кустовник*, *осинник*, *ельник*, *сосняк*, *таваложник*, *тальник*, *топольник*, *черемошник* не нуждаются в дополнительном анализе: «...отъ озера Атяшу внизъ по речке Атяшке до глубокой ямы а оттолъ прямо в гору по густому *березнику* до манастырской межи...» (ШФГАКО, г. 1798, ед. хр. 1172, л. 5); «...третья [рыбная ловля] от *ветелника* до бѣлого яру при которомъ мнстрской дворец состоитъ» (Там же, г. 1766, ед. хр. 796, л. 28); «отъ того столба и ямъ чрезъ таловыя колки и *кустовникъ* отошедъ сто сажень... поставленъ столбъ» (Там же, г. 1756, ед. хр. 532, л. 3); «...отъ того яру на Течю рѣку прямо на большіе *сосняги*...» (Там же, г. 1659, ед. хр. 26, л. 194); «...от сенной рубки противъ *таваложника*... бревень до 30» (Там же, г. 1771, ед. хр. 867, л. 35); «...оттолъ едучи в болшей наволокъ в высокой *топольникъ* за Фокиной курьей Николаевского села крестьяниномъ Дмитреемъ Серковымъ ссечена одна тополь ис коей зделаны корыта» (ШФГАКО, г. 1774, ед. хр. 909, л. 16) и др.

* В данной статье все примеры из фонда Далматова монастыря, оп. I.

Устойчивые адъективные сочетания со стержневым компонентом 'лес' дублируют те же понятия — род деревьев: *березовой лес* = березник; *ветловой лес* = ветельник и т. д.: *сосновой лес*, *таловой лес*, *тополовной лес*. Например: «...изъ состоящаго поблизости къ Далматову *сосноваго лесу* деревь до четырьдесяти...» (ЦГАДА, г. 1773, ф. 614, оп. 1, ед. хр. 592, л. 1 об.); «...в самомъ томъ хмелевомъ щипанье имеецца *тополоной ветловой* и *осокаринной* толстой *лесъ*...» (ШФГАКО, г. 1774, ед. хр. 909, л. 5).

Для обозначения хвойного леса, кроме перечисленных (*сосняг*, *сосновой лес*, *ельник*), в ЮЗП употребительно слово *бор*, для обозначения лиственных лесов — слова *дуброва*, *роща* и соответствующие им описательные конструкции — *боровой лес*, *дубровой лес*: «...проедучи Шадринскую слободу *в бору* на дороге набхали на нее неведомо какие люди и ограбили ее...» (ПОКМ, г. 1683, № 11101—18—43); «...на усть рѣчки Боровлянки в мнстрской вотчинѣ Шутихинския деревни житель Никита Устиновъ *в дубровѣ* анбаръ березовой срубиль и возить к себѣ в деревню» (ШФГАКО, г. 1746, ед. хр. 301, л. 15); «...они определены по выбору крестьянскому къ збережению казенныхъ состоящихъ в здешней Далматовской вотчинѣ описныхъ *боровъ* березовыхъ *рощей* и *дубровъ*...» (Там же, г. 1774, ед. хр. 909, л. 8).

Нередко для обозначения лесных участков в деловой письменности Южного Зауралья применялись терминологические сочетания со стержневым компонентом 'место': *боровое место*, *дубровное место*, *лесное место*. Встретилось одно сочетание, именующее угодые по роду произрастающих деревьев, — *вишневое место*. По-видимому, оно выделено по своей определенной значимости в монастырском хозяйстве: «...для довольства монашествующихъ растущие полевые *вишневые места* близъ упоминаемого Пашенного поселя да при деревне Верхноярской Устеченской и Притыченской...» (ШФГАКО, г. 1748, ед. хр. 26, л. 90).

Заповедный лес в Южном Зауралье, по данным изучаемых памятников, назывался *засекой*: «...едучи *в засеку* срублено 20 осинъ кои и увезены в дома» (ШФГАКО, г. 1774, ед. хр. 909, л. 17); «...посредь *засеки* къ глубокому истоку в мысу на осиновою веретье срублено 27 осинъ» (Там же); «...с приезде *в засеку* Верхноярской деревни Ивана Лошкина сынъ Титъ срубиль одну ветлу при коей рубке Чернавинъ ево и засталъ» (Там же). С этим же значением слово *засека* отмечается историческими словарями русского языка¹ и функционирует в современной народной географической терминологии².

Для обозначения лесного острова среди степи в южно-зауральских межевых документах широко используется слово *колок*, известное языку многих памятников русской письменности XVII—XVIII вв. и большинству современных русских говоров: «...и отъ той березы по дубровѣ прямо на *осиновой колокъ* а в

томъ *колке* на осине грань...» (ШФГАКО, г. 1709, ед. хр. 24, л. 3); «...а з болота отъ сиверные стороны по чернымъ *колкамъ* и по большему логу до техъ же старыхъ крестьянскихъ пахотныхъ земель...» (ПОКМ, г. 1671, № 11101—7—13); «...а отъ тое вилыватые березы на болшей осиновой *колокъ* а подлѣ *колка* граненая береза...» (ШФГАКО, г. 1682, ед. хр. 5, л. 5); «...внизъ по правую же сторону до Желѣзенки рѣчки до большого *колку*» (Там же, л. 3); «сенныхъ покосовъ по реке Исети и вверхъ по речке Суварышу на усть речки Течи и межъ дубровъ и *коловъ* на двенатцать тысячъ на пять сотъ копень» (Там же, г. 1709, ед. хр. 24, л. 2); «...а отъ ямы черезъ ялань на таловой и осиновой *колокъ* а подле *колки* на краю береза а на ней грань...» (Там же).

Общерусское значение слова *колок* — ‘отдельный небольшой островок’. В южно-зауральских памятниках — ‘небольшой лесной остров среди степи’.

В XVII—XVIII вв. слого имело общерусское распространение, так как было известно и на южно-русской территории позднего заселения. Словарь русского языка XI—XVII вв. фиксирует его в воронежских памятниках письменности XVII в. в значении ‘небольшая роща, перелесок’ 1615 г.³ С тем же значением, но с пометой вост. слово помещено в словаре В. И. Даля — ‘отдельная рощица, лесок или лесной остров; кустарник на сухом непоемном месте’⁴. В современных русских народных говорах слово сужает свой ареал. Словарь русских народных говоров относит его к северным говорам и говорам Сибири⁵. Э. М. Мурзаев и В. Г. Мурзаева ограничивают ареал распространения слова Западной Сибирью, Уралом и Приуральем⁶.

М. Фасмер определяет его как восточно-русское и производит от *кол*⁷. Мы придерживаемся этимологии, высказанной В. Ф. Житниковым, объясняющим слово как наименование по форме от *коло* — ‘колесо, кружок, круглый островок’⁸.

Для обозначения безлесных пространств в памятниках деловой письменности Южного Зауралья широко используются слова: *елань* (*ялань*), *луг*, *степь*. Слова *луг* и *степь* имеют в исследуемых текстах общерусское значение: «...служителю Орлову приказать за толоку *луговъ* в мирскую кантору заплатить» (ШФГАКО, г. 1779, ед. хр. 1005, л. 16); «...а выше слободы вверхъ по Исѣте реке все боры пошли пустоши и болота большие а за Исѣтью рекою прилегли *степи* большие трава ростеть мала...» (ПОКМ г. 1662, № 11101—1—2). Слово *степь* в исследуемых документах отмечается и в значении ‘пастбище’: «...въ прошломъ 1728 гсду въ сеньтябре мсце покрали у него воры со *степи* мерина на гнеде пѣгова лѣтами сросла пятна на обѣихъ ухахъ» (ШФГАКО, г. 1730, ед. хр. 147, л. 34); «...угнали у нас нижайшихъ со *степи* невѣдомые воры собственного рогатого скота нашего...» (Там же, г. 1749, ед. хр. 370, л. 34). Интересно, что в том же значении ‘пастбище’ В. И. Даль отме-

чает встретившееся в наших контекстах слово *толока*⁹. В наших материалах это отглагольное существительное не имеет пространственного значения, обозначая результат действия. Для слов *луг* и *стеня* памятники южно-уральской письменности отмечают тождественные им по значению терминологические сочетания со стержневым компонентом 'место'.

Слово *елань* (*ялань*) в изучаемых текстах имеет значение 'ровное безлесное место, небольшое по размерам': «...а отъ Кояшу черезъ большое болото на погорильскую *елань* а отъ погорельские *елани* по логу вверхъ до четырехъ березъ...» (ПОКМ, г. 1671, № 11101—7—13); «...черезъ боръ на *елань* а съ *елани* на большей боръ а подле боръ ввѣрхъ по Исыти до большево логу...» (Там же, № док. 15); «...а отъ граненые березы по *елани* на густые колки и по дуброве на граненую березу...» (ШФГАКО, г. 1682, ед. хр. 5, л. 4); «...от тое граненой березы на чистую *елань* а на той еланѣ выкопана яма а в ней уголье...» (Там же, г. 1714, ед. хр. 34, л. 6).

В национальный период истории русского языка слово получило широкое распространение в говорах. Оно всеми словарями квалифицируется как областное. В. И. Даль отмечает его как моск., ряз., тамб., а также сиб.

Древнее заимствование из тюркских языков (башк. *алан*, алт. *аланг*) — *равнина*¹⁰, датируемое историческими словарями русского языка 1675 г. Его значение в Словаре русского языка XI—XVII вв. — 'луговая и полевая равнина, обширная прогалина в лесу'¹¹. В ЮЗП отмечается с 1671 г., причем частотность его употребления в рассматриваемых памятниках очень высока.

В современных диалектных словарях слово имеет сложную семантическую структуру. Основное его значение — 'луговая и полевая равнина'. Ареалы распространения слова *елань* — центральные, северные и восточные области европейской части РСФСР, Сибирь вплоть до Забайкалья¹².

По причине широкого распространения в русских говорах мы считаем данное слово общерусским. В современных уральских говорах *елань* — 'открытое безлесое заболоченное место'¹³.

В данную группу лексики входят слова *кулига* и *опушка*, служащие для наименования частей угодий. *Кулига* имеет значение 'участок чего-либо: леса, пашни и т. п.': «...выше оной курьи в Мерзляковской *кулиге* ссечена одна ветла ис коей зделано лотка и два корыта» (ШФГАКО, г. 1774, ед. хр. 909, л. 16). Слово многозначное, его устаревшее значение 'расчищенная лесная поляна'. В Словаре русского языка XI—XVII вв. отмечается несколько его значений: '1. Участок земли на берегу реки (в излуине, по плесу), используемый как сенокосное угодье; росчисть, полянка, пожня в лесу. 1519 г.; 2. Излучина, крутой изгиб реки, имеющий заводи, мелководные пересыхающие места. 1652 г.'¹⁴. Г. Е. Кочин приводит самое общее значение слова — 'угодье'¹⁵.

В изучаемый период слово было обычным и для южно-русской территории, и для Урала: *кулига* — 'участок леса'¹⁶; 'поляна в лесу', 'небольшое поле'¹⁷. Генетически восходя к северно-русской лексической системе, слово расширило свой ареал.

Слово сохраняет свою многозначность и относительную метрولوجичность в XIX в.¹⁸ и в современных русских говорах, в том числе уральских. Значение его, установленное по данным южно-зауральских памятников деловой письменности, отражается в лексической системе современных зауральских говоров, где слово, в зависимости от величины обозначаемого объекта, бывает в формах *кулига* или *кулижка*.

О широкой употребительности слова в говорах Среднего Урала, о конкретизации его общего значения в зависимости от внеязыковой действительности, о связи значений слова в отдельных уральских говорах на основе его общего значения — 'угодье' — свидетельствуют материалы Словаря русских говоров Среднего Урала: 'поляна' сев., кушв., лыс., н.-таг., н.-тур.; 'место, на котором много грибов, ягод, цветов' асб., ирб., кург., серов., тюм.; 'покос в лесу' алап., алекс., верхот.; 'поляна, расчищенная для посевов' алап.; 'участок пахотной земли или покоса при усадьбе' в.-салд., ивд., камышл.; 'небольшое поле' верхот., в.-салд., галк., камышл., реж.; 'небольшой участок недожатого хлебного поля, нескошенной травы' центр., с.-вост., вост., верхот., кат.; 'небольшой лесок' верхот.¹⁹

Этимология слова не нашла однозначного решения. О. В. Востриков, вслед за Я. Калимой, считает его ранним заимствованием из прибалтийско-финских языков²⁰, однако в словаре этимологизируемое слово подается как омоним к *кулига* — 'угодье, участок чего-либо'²¹.

Словом *опушка* обозначается оконечность леса, пространство, пограничное между лесом и безлесой местностью: «...луговъ нѣтъ сѣно косятъ частию около займищъ и частию по *опушкам* лѣса» (ГАЧО, алф.-стат. список Челяб. уезда, л. 148).

Среди именований низких мест следует отметить слова *займище*, *мокрыты*, *согра* и сочетания *болотное место*, *болотное место*, *болотистое место*, *водопоемное место*, *мокротное место*, *солонцовое место*, *солонечное место* и др.

Займище — 'сырое, заболоченное место, где по весне скапливаются талые воды': «Потомъ чрезъ онои [падун] и отъ него редкимъ березникомъ и между колки яланью до камышева большаго *займища* пять сотъ сажень потомъ же чрезъ оное *займище*...» (ШФГАКО, г. 1756, ед. хр. 532, л. 11); «...мимо мокрытыя *займища*...» (Там же, л. 19); «...а в правой стороне за березовымъ колкомъ *займищо* камышевое» (Там же); «...отъ березы и ямъ чрезъ камышное мокрое *займище* до матерой кудрявой березы...» (Там же, л. 22); «...отъ березы и ямъ чрезъ мокрое камышевое *займищо* и дубровнымъ местомъ до мате-

рыхъ жаровыхъ с одного кореню дву берез...» (Там же, л. 22 об.).

В изучаемый период слово известно памятникам и севернорусской, и южно-русской письменности: «...сенокосное угодье на пойменном заливном берегу»²², 'низина, широкая луговая пойма'²³. Со значением 'место, заливаемое во время весеннего половодья' слово входило в состав русского литературного языка последней трети XVIII в.²⁴ Значение это зафиксировано в Словаре академии Российской²⁵, но, как полагает Г. П. Князькова, это лишь одно из значений слова, на самом деле его семантический объем был гораздо шире — 'пространство, место на земле, занятое чем-либо', а значение, указанное выше, было лишь одной из конкретизаций общей идеи²⁶.

В. И. Даль считал это слово общеупотребительным. В русском языке XIX века оно выступало в качестве синонима слова *пойма*: *займище* — 'урема, поем, пойма, вся полоса до вторых берегов реки'²⁷.

В южно-зауральских памятниках слово представлено с общерусским значением 'сырое, заболоченное, часто поросшее камышом место'. Словари XIX в. уже указывают на локальную ограниченность слова: 1) 'низменное место, покрываемое водою во время весенних разливов' астрах., дон., оренб., челяб., тамб.; 2) 'болото, трясина' сибир., с.-в.; 3) 'болото, поросшее тростником и лесом' оренб., челяб., тамб.; 4) 'лес около реки' сибир.²⁸

Словари древнерусского и старорусского языка фиксируют значение 'место, занятое под распашку', квалифицируемое уже в XIX в. как старое, кроме сибир., в Словаре русского языка XI—XVII вв.²⁹ Старое значение слова отмечается и Г. И. Куликовским³⁰. Не случайно поэтому в некоторых современных уральских говорах слово совпадает в значении со словом *заимка*³¹. На их связь указывает М. Фасмер³². Определяющим в данном случае, по всей вероятности, является сохранение словом в уральских говорах старого, древнерусского, значения.

Э. М. Мурзаев, В. Г. Мурзаева, кроме значений, приводимых в Опыте областного великорусского словаря, как уральское и приуральское отмечают следующее: *займища камышовые* — 'степные озера, сплошь прорастающие тростником и камышом'³³.

Этимологически слово восходит к древнерусскому глаголу *занимати*.

Красноречивы примеры использования в памятниках и других членов данного тематического объединения: *мокроты* — 'сырые низкие места': «...болотныхъ и кочешныхъ колючныхъ *мокротъ*... и всякого негодного мѣста по смѣте на пять сотъ десятинь...» (ШФГАКО, г. 1682, ед.хр. 5, л. 5); *согра* — 'низкое сырое, заросшее мелколесьем место': «...отъ болота *согрою* 225 сажень отъ *согры* лесомъ колками и сенокосными местами

до лисьихъ норъ» (ЦГАДА, г. 1766, ф. 614, оп. 1, ед. хр. 721, л. 130об.); *водопоемное место* — «низменное место в пойме реки, заливаемое в весеннее время»: «...а бывшие за ними без оброку хмелевое щипанье на десяти верстахъ в скотскихъ выпускахъ и *водопоемныхъ местахъ* отныне владеть...» (ШФГАКО, г. 1774, ед. хр. 909, л. 19); *солонечное место* — «почва, содержащая в себе значительные запасы соли»: «отъ трехъ березъ и ямъ редкимъ березникомъ потомъ чистымъ *местомъ* и *солонечнымъ* до падуна Камышнаго двести сажень» (Там же, г. 1756, ед. хр. 532, л. 11).

В состав анализируемой группы лексики мы включаем также слова *заречье* и *материк*. Первое обозначает в изучаемых текстах местность, лежащую за рекой: «...и куда они по *зарьчю* бѣжали про то они Черных и Согрин не знают» (ШФГАКО, г. 1748, ед. хр. 351, л. 14); «...а отъ Атяша озера до Исети реки до устья речки Олховки и до *заричья* речки Крутихи двенатцать верстъ...» (Там же, г. 1757, ед. хр. 545, л. 16 об.). Второе служит для обозначения возвышенного сухого места в противоположность низине: «...внизъ по речке Олховке чрезъ оное болото до материка и до березовых колковъ восемь сотъ сажень» (Там же, г. 1756, ед. хр. 532, л. 12).

В том же значении в деловой письменности Южного Зауралья XVII—XVIII вв. употребительным было сочетание *крепкое место*, не имевшее однословного однокорневого эквивалента: «А скопкие выпуски подле острогъ в *крѣпкихъ мѣстехъ*» (ШФГАКО, г. 1674, ед. хр. 3223, л. 2). В близком значении «непаханая земля» сочетание отмечено в воронежских говорах³⁴. Картотека ДРС содержит подобное сочетание в значении «укрепленное место».

ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Челябинской области (ГАЧО).
Пермский областной краеведческий музей (ПОКМ).
Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА).
Шадринский филиал государственного архива Курганской области (ШФГАКО).
Южно-зауральские памятники деловой письменности (ЮЗП).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Словарь русского языка XI—XVII всков: В 10 т. М., 1975—1983. Т. 5. С. 294.
- ² Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Словарь местных географических терминов. М., 1959. С. 87.
- ³ Словарь русского языка XI—XVII веков. Т. 7. С. 248.
- ⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 140.
- ⁵ Словарь русских народных говоров: Вып. 1—19. Л., 1965—1983. Вып. 14. С. 162—163.
- ⁶ Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Указ. соч. С. 113.
- ⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964—1973. Т. 2. С. 294.

⁸ Житников В. Ф. О происхождении некоторых слов в северно-русских говорах (этимологические заметки) // Вопросы истории и диалектологии русского языка. Свердловск, 1963. С. 42.

⁹ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 285.

¹⁰ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 213.

¹¹ Словарь русского языка XI—XVII веков. Т. 5. С. 44.

¹² Словарь русских народных говоров. Вып. 8. С. 336—337; Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Указ. соч. С. 77.

¹³ Словарь русских говоров Среднего Урала: Т. 1—5. Свердловск, 1964—1984. Т. 1. С. 151—152.

¹⁴ Словарь русского языка XI—XVII веков. Т. 8. С. 114.

¹⁵ Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 164.

¹⁶ Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1973. С. 51.

¹⁷ Полякова Е. Н. От «аранны» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988. С. 98.

¹⁸ Даль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 216; Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 78, 102.

¹⁹ Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 2. С. 73.

²⁰ Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 8—9.

²¹ Словарь русского языка XI—XVII веков. Т. 8. С. 114.

²² См.: Полякова Е. Н. Указ. соч. С. 80.

²³ См.: Дьякова В. И. Указ. соч. С. 26.

²⁴ Князькова Г. П. К взаимоотношению словарного состава литературного языка и диалектов (пойма и займище) // Диалектная лексика — 1974. Л., 1976. С. 34.

²⁵ Словарь академии Российской по азбучному порядку расположенный: В 6 т. СПб., 1806—1822. Т. 3. С. 531.

²⁶ Князькова Г. П. Указ. соч. С. 35.

²⁷ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 581.

²⁸ Опыт областного великорусского словаря, изданный II отделением Императорской академии наук. СПб., 1852. С. 62.

²⁹ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 581; Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 5. С. 204; Кочин Г. Е. Указ. соч. С. 119; Полякова Е. Н. Указ. соч. С. 80.

³⁰ Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. С. 146.

³¹ Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1. С. 173.

³² Фасмер М. Указ. соч. Т. 2. С. 75.

³³ Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Указ. соч. С. 87.

³⁴ Дьякова В. И. Указ. соч. С. 57.

Н. Б. РУЖЕНЦЕВА

Свердловский пединститут

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРЕДИКАТАМИ СОЗИДАНИЯ

Рассматриваются особенности семантической структуры предложения с предикатом — глаголом из ЛСГ созидания.

Вопросы семантического синтаксиса привлекают в последнее время многих исследователей. Семантические модели предложений рассматриваются в работах Н. Н. Арват, В. В. Богданова, Т. В. Булыгиной, Л. М. Васильева, Г. Н. Золотовой и многих других исследователей. Л. М. Васильев считает, что «предикаты с обязательными синтагматическими компонентами значения в современном русском языке чаще всего бывают одно-, двух- и трехвалентными»¹. По этой классификации предикаты созидания можно отнести к двухвалентным, которые «конституируют семантические модели типа «действие+деятель+результат действия»². С точки зрения Н. Н. Арват, «все предложения подразделяются на два семантические типа: бытийные и предметно-личные»³. Все без исключения предложения, где предикат выражен глаголом созидания в основном значении, относятся к предметно-личному типу. В «Русской грамматике-80» выделяется пять элементарных семантических структур подлежащно-сказуемых глагольных предложений. Согласно этому делению, предикаты созидания входят в структуру «субъект — его конкретное физическое действие (или интеллектуальное и физическое одновременно) как создание, получение, достижение чего-либо, установление контакта с кем-чем-либо, воздействие на кого-что-либо — объект того действия»⁴.

Задачей данной статьи является формулировка семантических моделей предложений с предикатами, выраженными глаголами созидания в основных значениях, и определение зависимости модели от структуры предложения, в котором она реализуется. Объектом исследования являются 3500 фраз, взятых методом сплошной выборки из произведений художественной и публицистической литературы преимущественно советского периода по денотативному признаку. При определении семантических моделей предложения за один компонент принимаются составной семантический предикат, однородные члены предложения, а согласованные определения, выраженные причастиями и прилагательными, в качестве отдельного компонента не выделяются.

Среди односоставных предложений с предикатами, выраженными глаголами созидания в основных значениях, преобладают

неопределенно-личные (179 предложений). В тексте они встречаются как самостоятельные, а также могут входить в состав сложных предложений различного типа. Неопределенно-личные предложения реализуются в следующих моделях:

1) односоставная модель. Это нераспространенные предложения, семантическая структура которых состоит из одного компонента предиката созидания: «Нет общежитий для семейных, и *не строят*» (Ганина). Общая семантика: ситуация конкретного физического действия по созданию неопределенными субъектами объекта;

2) двусоставная модель имеет две разновидности. В большинстве случаев встречается двукомпонентная семантическая структура с предикатами и объектом создаваемым: «...Пока *строят трубу*, могут открыться новые, куда более мощные месторождения» (Лагунов). Общая семантика: создание неопределенными субъектами конкретного объекта. Объектный компонент выражен существительным или местоимением в винительном или родительном падеже. Реже встречается двукомпонентная структура, включающая предикат и один из конкретизаторов (локальный, темпоральный или качественный): «Везде в мире разрушали, а *здесь строили*» (Панова); «Пишут вон, что так *до сих пор и не отстроились*, а тут сколько лесу пропадает» (Проскурин). Общая семантика: наличие локального, темпорального или качественно-оценочного состояния как уточняющего признака ситуации по созданию неконкретного объекта;

3) многокомпонентные семантические структуры неопределенно-личных предложений с предикатом созидания включают в себя, кроме объектного компонента, распространители (локальный, темпоральный, качественный, целевой, орудийный, указывающий на материал, применяемый для изготовления объекта). Среди многокомпонентных семантических структур наиболее распространена трехкомпонентная модель, имеющая следующие разновидности:

а) «предикат — объект — локальный конкретизатор»: «*Суда у нас строили*: шхуны, боты, гальоты... карабаса морские и речные» (Шергин);

б) «предикат — объект — темпоральный конкретизатор»: «Всегда тебе больше других надо! Думаешь, *памятник при жизни воздвигнут?*» (Лагунов);

в) «предикат — объект — качественный конкретизатор»: «Никита оглядел крытый штофом зал и подумал: «*Быстро город отстроили*» (Федоров);

г) «предикат — объект — материал, из которого создается объект»: «Особое вещество, из которого *изготавливали оружие и орудия*, давало силу людям» (Иванов);

д) «предикат — объект — целевой конкретизатор»: «Петр был в Архангельске, где укрепляли устье Двины и *строили фрегаты для беломорского флота*» (А. Толстой).

Значительно реже встречаются четырех- (27 предложений) и пятикомпонентная (3 предложения) модели. Объектный компонент присутствует во всех случаях; кроме него, в данные структуры включаются соответственно два или три обстоятельственных компонента: «Иван... узнал подробности от артели о том, что *для артельных в городе куют медали*» (Шергин); «*В деревне избы ране так-то строили*» (Лагунов). Общая семантика: наличие локализованного, темпорального, качественно-оценочного, целевого состояния как уточняющего признака ситуации по созданию конкретного объекта.

Определенно-личные предложения с предикатами созидания в основных значениях встречаются значительно реже, чем неопределенно-личные (40 предложений из 3500). Их минимальная семантическая структура также является однокомпонентной и состоит только из предиката созидания: «Значит, *строишься?*» — спросил Брюханов. — «*Строюсь*», — сказал Захар, морща худое, заветренное лицо» (Проскурин). Наиболее распространенной является двухкомпонентная модель, включающая предикат и объектный компонент, выраженный существительным или местоимением в винительном падеже: «Курок я выпрямлю. *Крючок спусковой выточу*» (Иванов).

Трех-, четырех- и пятикомпонентные модели представляют собой преимущественно комбинации объектного компонента и какого-либо или каких-либо распространителей (локальных, темпоральных, квалитативных): «Я в Англию убегу... *Там эти крылья сделаю*» (А. Толстой); «Иван Кононович *оглянулся, но не сбобел: «Прости, отче! Да ведь заругаешься, коли корабль плохо построим*» (Герман); «*Зимой жилье будем помаленьку строить*» (Иванов). Субъектный компонент в этом типе предложений также отсутствует, но отдельные предложения включают в свою структуру субъектно-адресатный компонент: «*Хочешь, сошью тебе такой же туалет к приезду государя*», — сказала Наталья, строго глядя на Катерину» (А. Толстой). Общая семантика однокомпонентной модели — создание определенным субъектом неконкретного объекта, двухкомпонентной модели — создание определенным субъектом конкретного объекта, в многокомпонентных моделях эта семантическая структура уточняется одним из вышеперечисленных конкретизаторов.

Обобщенно-личные предложения с предикатами созидания в основных значениях встречаются редко (3 предложения из 3500). Все предложения представлены трехкомпонентной моделью «предикат — объект — обстоятельственный распространитель»: «Кавалерия сейчас первый урон несет. *А коня на заводе не сделаешь*» (Носов).

Безличных предложений с данными предикатами отмечено 64. Предикат в этих предложениях выражен преимущественно словами категории состояния, оканчивающимися на *о* с примыкающим инфинитивом или словами категории состояния

в форме существительного в сочетании с инфинитивом, а также безличными глаголами с инфинитивом глагола ЛСГ созидания. Эти предложения представлены одно-, дву- и многокомпонентными моделями. Структура ряда безличных предложений аналогична структуре неопределенно-личных, определенно-личных и обобщенно-личных предложений: однокомпонентная модель состоит из предиката созидания, двухкомпонентная — из предиката и объектного компонента, многокомпонентная модель включает, кроме объектного компонента, обстоятельственные детерминанты: «*Время строить*. Вернусь из Москвы, будем строить» (Панова); «*Крылья сделать просто*, наделал я и переделал много пар» (Иванов); «*Рубаху-то да кафтан небось к весне новые шить пришлось*» (Он же); «*...Верфь тут построить трудно*» (Герман).

Безличные предложения, в которых предикат выражен словами категории состояния или безличными глаголами с примыкающим инфинитивом, могут иметь многокомпонентную структуру, включающую субъектный компонент, выраженный именем или местоимением в дательном падеже: «Сейчас они [мужики] говорили: «А если бы, значит, так: *им бы зачесалось теперь сделать* какой-нибудь фигурный *прилавок*» (Шукшин); «Он [дель Роблес] сказал, что *русским пора перестать строить* плоскодонные *суда*: такие суда куда не годятся, они валкие и плохо управляются на волне» (Герман).

Общая семантика бессубъектных предложений различается в зависимости от характера предиката и может быть двоякой. Во-первых, отмечено наличие модального компонента, указывающего на необходимость, возможность или желательность создания объекта: «На будущее, мечтаю я, *хорошо бы соорудить* здесь что-нибудь вроде бетонного дота» (Санин). Во-вторых, возможно наличие качественно-оценочного состояния как признака ситуации по созданию объекта: «Мастер рассказывал, как *нелегко строить* здесь, на Воронеже, *суда*» (Герман). Как ситуация модального, так и ситуация качественно-оценочного состояния может быть уточнена одним или несколькими обстоятельственными конкретизаторами. Общая семантика субъектных предложений — наличие субъекта созидającego и модального состояния как признака ситуации по созданию объекта: «Русское платье, черкасские тулупы, азямы, охабни *портным делать настрого запрещалось*» (Федоров). Эта ситуация также может уточняться обстоятельственными конкретизаторами.

Инфинитивные предложения с предикатами созидания в основных значениях встречаются 67 раз. Односоставная модель состоит только из предиката созидания, выраженного независимым инфинитивом: «Капитал капиталом, а как *строиться*, она, работа, главный капитал и есть» (Проскурин). Общая семантика: ситуация создания неконкретного объекта. Двусоставная модель преимущественно представлена структурой «преди-

кат — объект»: «Да и как *смастерить* такие могучие колеса и оси, которые могут выдержать такую кладь?» (Федоров). Общая семантика — ситуация создания конкретного объекта, иногда с модальным значением приказа: «Бурдин сегодня распорядился: «Сверх основных часов еще два отработать за спасибо. *Штыри ковать, скобы*» (Сакмаров). Реже встречается модель, состоящая из предиката и одного из компонентов — локального, темпорального, орудийного: «Если *строиться* сегодня, надо, чтобы годилось на завтра, и послезавтра — вот как» (Герман). Общая семантика: наличие локального или темпорального состояния или орудия как признака ситуации создания неконкретного объекта.

Трехкомпонентная модель имеет следующие разновидности: а) «предикат — объект — детерминант» (локальный, темпоральный, целевой, качественный): «Кормовые надобно давать сполна, — вмешался Иевлев. — *Дом построить при верфи*, дабы жили рабочие-трудники» (Герман); б) «субъект — предикат — объект» и «субъект — адресат — предикат — объект». Эти модели сходны тем, что в обоих случаях субъектный компонент выражен существительным или местоимением в дательном падеже: «Они [вальщики] — пробойная сила, *им прорубать трассу*, по их труду и будет замер, все прочие работы — подсобные» (Сакмаров); «*Удочку тебе смастерить*, что ли?» — спросил Семен у Веры» (Иванов). Общая семантика первой модели — создание конкретного объекта определенным субъектом, второй модели — создание конкретного объекта в интересах определенного субъекта.

Четырехкомпонентная модель инфинитивных предложений встречается редко и может быть, как и трехкомпонентная, субъектной и бессубъектной, распространенной только обстоятельственными детерминантами: «...Послушаем, что скажут сами специалисты, те, *кому непосредственно разрабатывать технологию*» (Проскурин); «Лето было в самом разгаре, *только бы и строить* чугунные колеи от медного рудника до Выи» (Федоров). Общая семантика модели та же, что и у трехкомпонентной с дополнительным наличием локального, темпорального или качественно-оценочного состояния как признака ситуации.

На 3500 предложений, полученных методом сплошной выборки, приходится 484 двусоставных предложения с предикатами, выраженными глаголами созидания в основных значениях. Модели двусоставных предложений разграничиваются в зависимости от способа выражения субъектного компонента. Во всех двусоставных предложениях с нулевым субъектом обязательно присутствует объектный компонент, выраженный существительным или местоимением в именительном падеже. Минимальная структура таких предложений двухкомпонентная, состоящая из предиката, выраженного кратким страдательным причастием или глаголом, и объекта созидаемого: «Рассказывали, будто

изготовлены хитрого устройства ручные гранаты» (А. Толстой); *«Строились верфи, амбары, бараки»* (Он же).

Многокомпонентная структура двусоставных бессубъектных предложений включает предикат, объектный компонент и детерминанты (локальный, темпоральный, качественный, целевой, указывающий на материал, из которого изготовлен объект): *«Те, кто отвечал за ввод комбината в действие, тоже устали. Шутка ли — почти с 1954 года сооружался он»* (Скоп); *«Того же месяца за Соломбальским островом начал строиться наш корабль Трифон»* (Шергин). В структуру ряда предложений входит субъектно-адресатный компонент: *«...В глубине, за печным выступом, были сооружены полаты для ребятишек»* (Носов). Общая семантика двусоставных бессубъектных предложений — ситуация создания неопределенным лицом или лицами конкретного объекта. Многокомпонентные структуры этих предложений указывают на наличие локального, темпорального или качественно-оценочного состояния как признака ситуации или выражают ситуацию создания конкретного объекта с определенной целью, определенным орудием, из определенного материала, в интересах определенного субъекта.

Вторая группа двусоставных предложений включает субъектный компонент. Вследствие этого двукомпонентная модель состоит из субъекта и предиката, семантическая структура которого включает и объектный компонент: *«Вот, дед мой строится», — сказала девушка, став спиной к невысокой стене»* (Иванов); *«Так жила семья: отец ваял, писал, рисовал, лепил, тачал, а в минуту отдохновения играл на скрипке»* (Нагибин). Трехкомпонентная модель двусоставных предложений с предикатами созидания представлена двумя разновидностями. Преобладающей является структура «субъект — предикат — объект». По этой модели могут быть построены как действительные, так и страдательные конструкции: *«Все железное моя литейка изготовит, кузнецы у меня знатные»* (Сакмаров); *«Федор рассказывал, что строена яхта корабельным мастером Тимофеем Кочневым»* (Герман). В отдельных случаях встречается модель «субъект — предикат — обстоятельственный или субъектно-адресатный детерминант»: *«Кто в Архангельске вздумает построиться, тому придется выбирать место на Мхах — к тундре»* (Шергин); *«Семья была большая, Марианна шила на всех»* (Панова).

Из многокомпонентных структур наиболее широко распространена четырехкомпонентная модель; пяти- и шестикомпонентные модели отмечены в единичных случаях. Многокомпонентные семантические структуры двусоставных предложений с предикатами созидания представляют собой комбинации субъекта, предиката и объекта с одним или несколькими детерминантами (обстоятельными, орудийными, указывающими на материал, из которого изготовлен объект, или на субъекта-адреса-

та): «Нанятые мастера *денно и ночью* изготавливали оружие, латы, шлемы» (Иванов); «Так ты мне *сделай табуретку*, Семен, а?» (Скоп); «Случайный *прохожий-проезжий* мастерил из бересты ковшик» (Иванов); «Они смеялись, когда мы строили для тебя *корабль в Голландии*» (Герман); «За день *Прокопьев* выточил капитану для шпажного эфеса щечки из старой кости» (Он же). Общая семантика двукомпонентных предложений: создание неопределенного объекта конкретным лицом или лицами; у многокомпонентных предложений семантическая структура включает те же дополнительные оттенки ситуации, что и у многокомпонентных бессубъектных предложений.

Таким образом, компонентный анализ семантической структуры предложений с предикатами созидания в основных значениях показывает, что в семантической структуре названных предложений наблюдаются определенные различия. Структура односоставных предложений различается по наличию — отсутствию субъектного компонента. Определенно-личные и неопределенно-личные предложения имеют минимальную — однокомпонентную структуру, включающую только предикат. Двукомпонентная структура названных предложений включает предикат и объектный компонент, а многокомпонентные структуры состоят из предиката, объекта и одного или нескольких распространителей (локальных, темпоральных, целевых, орудийных, указывающих на материал, из которого изготовлен объект, и на субъекта — адресата действия).

Как безличные, так и инфинитивные предложения представлены одно-, дву- и многокомпонентными моделями. В семантической структуре безличных предложений выделено несколько разновидностей составного семантического предиката. Однокомпонентные и двукомпонентные структуры этих предложений построены аналогично таким структурам личных предложений. В трехкомпонентной модели, включающей семантический предикат и объект, в качестве третьего элемента возможен как обстоятельственный, так и субъектный компонент, выраженный существительным или местоимением в дательном падеже.

Модели двусоставных предложений с предикатами созидания также разграничиваются в зависимости от наличия или отсутствия субъектного компонента. Минимальная структура двусоставных бессубъектных предложений состоит из предиката и объектного компонента, а многокомпонентные предложения этого типа представляют собой комбинацию предиката, объекта и одного или нескольких детерминантов. Двусоставные предложения с выраженным субъектным компонентом имеют минимальную структуру «субъект — предикат»; трехкомпонентная модель включает, кроме вышеуказанных, объектный компонент, а многокомпонентные модели распространяются детерминантами различных типов.

Общая семантика односоставных и двусоставных предложе-

ний с предикатами созидания в основных значениях в большинстве случаев сходна и обозначает ситуацию создания конкретного или неконкретного объекта. Эта ситуация может быть уточнена локальными, темпоральными, качественно-оценочными, целевыми, орудийными и некоторыми другими конкретизаторами. Ситуация созидания, выраженная безличными и инфинитивными предложениями, может иметь модальный оттенок приказа, необходимости, желательности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Васильев Л. М. Семантические модели предложений // Исследования по семантике. Уфа, 1976. С. 126.

² Там же. С. 127.

³ Арват Н. Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения. Л., 1976. С. 17.

⁴ Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 254.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

Ю. С. ДОЛГОВ

Могилевский пединститут

ФОРМА СЛОВА, СЛОВОФОРМА: ФУНКЦИИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследуются факты взаимодействия лексической и грамматической семантики формы слова, взаимосвязь лексической и грамматической парадигматики слова.

Понимать язык — значит уметь определять, какие функции выполняются в нем всеми элементами предложения.

Люсьен Теньер

Изучение свойств слов в процессе их функционирования, обращение к этой языковой единице не только лексикологов, но и синтаксистов заставило обратить внимание на первоэлемент синтаксиса, на то, какая единица организует предложение.

Необходимость выделения новой грамматической категории отмечал еще Ф. Ф. Фортунатов: «Надо заметить, что термин «форма» в применении к словам употребляется также и в переносном значении, и формами отдельных полных слов называют также отдельные полные слова в их формах; например, самые слова *несу, буду* и др., заключающие в себе форму первого лица единственного числа настоящего времени, могут быть названы

просто формами первого лица единственного числа и т. д. (выделено мною.— Ю. Д.)»¹. Еще определеннее, подчеркивая именно словосочетательный аспект, говорит В. В. Виноградов: «...грамматика, как наука о строе слова и строе предложения в их развитии, имеет дело с грамматическими категориями, которые обнаруживаются и в законах изменений слов и в законах сочетания слов в предложениях»².

И такой термин в грамматике для обозначения осознанной синтаксистами категории появляется — словоформа. Утверждается он в работах В. В. Бабайцевой, Л. Д. Чесноковой и других исследователей. Но подход к этой единице чисто предложенческий, сущность ее видят в той роли, которую словоформы выполняют как члены предложения: «В составе предложения словоформы выступают как члены предложения или являются частью их»³. Можно отметить некоторую непоследовательность при классификации словоформ *: то они безоговорочно называются синтаксическими единицами, то «минимальными элементами синтаксических единиц»⁴. Функция словоформ состоит не в назначении единицы, а в той роли, какую они выполняют в предложении как его члены⁵. Такой подход мало что дает теории описательной грамматики, так как члены предложения всесторонне изучались многими синтаксистами.

Интересный подход к минимальной синтаксической единице находим в работах Г. А. Золотовой. Для названия ее она используется иным термином — синтаксема. По мнению Г. А. Золотовой, сущность элементарной единицы в выявлении ее сочетательных возможностей **. Дается определение: «Синтаксема — элементарная (минимальная) единица синтаксического уровня языка, характеризующаяся морфологическим оформлением, категориально-семантическим значением и определенным набором синтаксических функций. Служит конструктивно-смысловым компонентом предложений и сочетаний слов»⁶. Термин «словоформа» Г. А. Золотова оставляет конкретной речевой единице.

На наш взгляд, подход к минимальной единице со стороны сочетательной раскрывает сущность словоформы — в этом сильная сторона взглядов Г. А. Золотовой, но недостатком определения является: а) некорректность двух терминов — для языковой единицы и ее речевой манифестации; б) пассивная роль синтаксем в организуемых ими конструкциях; в) неразграничение словосочетаний и сочетаний слов; г) невыделение роли словоформ как организаторов односоставных простых предложений, довольно продуктивных и частотных в русском языке; д) элементарная и минимальная единица — понятия не всегда синонимичные.

* Ср. утверждения в указанной работе (с. 6 и 7 указанного издания).

** Г. А. Золотова исследует также возникновение термина «синтаксема», анализирует работы, где он используется.

Как видим, необходимость в дальнейшем осмыслении минимальной единицы синтаксиса есть. И прежде всего, надо уточнить функцию ее как языковой категории, тем более что в «Русской грамматике» единицами, входящими в сферу синтаксиса, называются слово и форма слова⁷.

Сами по себе слова не существуют даже в словаре, ибо для обоснования их семантики приводятся примеры их функционирования в речи. Словарями слово фиксируется как абстрактная единица, имеющаяся в памяти носителей языка во всей совокупности парадигм. И то, что на первом плане в словаре — необходимость закрепления названия, качества номинативности слова, не может быть главным, когда словоформы вступают во взаимодействие друг с другом.

Сочетаясь, словоформы образуют словосочетания. Эта синтаксическая единица и выявляет все сочетательные и валентные потенции, возможности каждой из двух форм. Двухкомпонентность — необходимое условие существования единицы как языковой реальности. При этом взаимодействуют и семантика, передающаяся основой, и грамматическое (деривационное) значение, передающееся флексией. В состав зависимого компонента часто входит предлог, роль которого не всегда подчеркивается исследователями.

В словоформе органично проявляются семантические и синтаксические свойства словесной формы, именно в ней синтаксис и лексика взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга, причем обеспечивается это тем свойством лексических единиц, которое называется синтаксисом слова⁸. Синтаксис слова и должен изучать все свойства форм слова в парадигматических отношениях языка — и систему синтагматических отношений словоформ в системе языка. При этом взаимодействии выявляются именно валентные свойства словоформ⁹.

Во вступительной статье к сборнику «Слово в грамматике и словаре» редколлегия выделила особо важность теории валентности для современной описательной грамматики: «Теория валентности, получившая широкое применение в первую очередь при изучении словосочетаний различного типа, заставила лингвистов пересмотреть некоторые вопросы морфологии и особенно вопросы, связанные с грамматическими категориями, характеризующими различные части речи. Среди лингвистов укрепилось мнение, что при всей важности парадигматического выражения грамматических категорий в пределах морфологии следует расширить понятие парадигмы и распространить его и на область синтаксиса. Из этого положения следовало, что контекстуальные связи важны для характеристики слова не только в плане лексико-семантическом, но и в плане грамматико-семантическом»¹⁰. Словоформы определенных (однотипных) лексических разрядов слов и определенных морфологических форм образуют тип валентности как грамматическую

категорию¹¹. Таким образом, все разновидности словосочетаний можно представить как типы валентности. Словоформа предстает тоже синтаксической категорией низшего, чем словосочетание, ранга, но организующей последнюю.

Словоформа своей основой называет определенную реалию действительности*, а флексией или флексией и предлогом — синтаксическую обусловленность, определяющую ее место в системе языка. И функцию словоформы можно назвать релятивно-имплицитной. Реализуется эта функция в составе словосочетания или односоставного предложения. Следовательно, словоформа — релятивно-имплицитная единица синтагматического уровня системы языка, организующая словосочетание или предложение и морфологически оформленная по законам конкретного языка.

Г. А. Золотова, верно отметив важность для минимальной единицы сочетательных свойств словоформ (синтаксем), далее исходит из задач предложения, представляя их иначе, чем В. В. Бабайцева и Л. Д. Чеснокова: «Под функцией понимается роль синтаксической единицы в организации коммуникативной единицы — предложения»¹³. Фактически же весь представленный ею в Словаре материал говорит, что минимальная единица организует словосочетание или употребляется самостоятельно.

Даже являясь компонентом словосочетания, словоформа самостоятельна, например: *вышел на улицу — вышел быстро — дверь на улицу*. Как главный, так и зависимый компоненты могут образовывать и образуют новые словосочетания. При этом они реализуют одну из возможных валентных (потенциальных, имплицитных) связей другого компонента и выявляют грамматико-семантические возможности собственной словоформы. И словоформы с самостоятельным конструктивно-семантическим значением, которые Г. А. Золотова называет свободными, потенциально могут вступать и вступают в связи с другими словоформами. Например: *мороз — мороз трескуч — мороз трескучий — сильный мороз*.

Как известно, синтаксические отношения между словоформами могут быть разными: форма компонентов может быть строго взаимообусловленной или парадигму может сохранять только главный компонент. Так парадигматические отношения в системе языка взаимодействуют с синтагматическими. Например, при атрибутивном координировании (*девушка улыбается*) оба компонента имеют фиксированные языком формы: имя требует определенной формы от глагола, а глагол не терпит имени ни в какой иной форме, кроме именительного падежа, при этом число и род могут меняться. Парадигма словоформ проявляется

* Словосочетание, как правило, бинарная единица, состоящая из двух полнозначных слов (словоформ), и потому в словосочетании обозначаются (называются, именуется) две реалии (два кусочка действительности) в их взаимосвязи»¹².

в синтагматических отношениях при атрибутивном согласовании (*красивый мальчик, читающая студентка*). При атрибутивном управлении (*любовь к родине, тетрадь студентки*), атрибутивном примыкании (*желание учить, выглядеть красивой*), обстоятельственным примыкании (*слушать нахмуясь*), объектном управлении (*видеть дом*), обстоятельственным управлении (*служить в армии*) парадигму имеет только главный компонент¹⁴.

Своеобразна словоформа при предложном управлении. В состав зависимой части, кроме самостоятельного слова, входит предлог. Следует заметить, что он не только оформляет какой-либо падеж, но и создает грамматическое значение словоформы в целом, например: *к озеру — по озеру, над водой — под водой* и т. д.

Неверное понимание самостоятельной роли в языке словоформы привело к появлению ошибочных терминов-понятий: активная и пассивная валентность, внешняя и внутренняя форма словосочетания. О какой пассивной роли зависимого компонента можно говорить, например в сочетании *писать другу*, когда винительный падеж требует только переходных глаголов?! Нет и не может быть никакой иной формы словосочетаний, кроме собственной.

Самостоятельность словоформы как синтаксической единицы проявляется и в том, что на конструктивном уровне языка рассматриваются схемы словоформ, которые на коммуникативном уровне могут стать односоставными предложениями. В речи есть детерминирующие члены предложения, роль которых своеобразна.

Таким образом, слово является словарной единицей языка, форма слова — достоянием парадигматических отношений, словоформа связывает систему грамматических категорий и форм с лексической системой через синтагматические отношения языка, проявляющиеся в речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 139.
- ² Виноградов В. В. Предисловие // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку: Сб. ст. М., 1952. С. 26.
- ³ Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М., 1987. С. 7.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Чеснокова Л. Д. Первичность и вторичность синтаксических функций словоформ // Системно-функциональное описание словосочетания и простого предложения / Под ред. Е. Н. Смольяниновой. Л., 1988. С. 16—27.
- ⁶ Золотова Г. А. Синтаксический словарь. М., 1988. С. 432.
- ⁷ Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. С. 6.
- ⁸ Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1984. С. 3—4.
- ⁹ См.: Долгов Ю. С. Словосочетание как многофункциональная единица языка и речи // Системно-функциональное описание словосочетания и простого предложения / Под ред. Е. Н. Смольяниновой. Л., 1988.

- ¹⁰ Слово в грамматике и словаре / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1984. С. 3.
- ¹¹ Долгов Ю. С. Тип валентности как грамматическая категория системы русского языка // Русское языкознание / Под ред. М. А. Карпенко. Киев, 1990. Вып. 17.
- ¹² Киприянов В. Ф. Словосочетание — релятивно-нормативная синтаксическая единица языка // Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение. Владимир, 1986. С. 31.
- ¹³ Там же. С. 17.
- ¹⁴ Долгов Ю. С. Словосочетание и предложение на двух ярусах структуры языка // Русский язык / Под ред. П. П. Шубы. М., 1989. Вып. 9.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

Л. В. ХРИСТОЛЮБОВА

Свердловский горный институт

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ

Анализируется характер отражения лексической семантики в лексикографических изданиях учебного типа, предлагаются пути совершенствования учебной лексикографии.

Характерным для современного языкознания является поворот от изучения языковой системы и языка письменного к устной спонтанной речи, к отношению типа «человек и языковые знаки». Это направление в лингвистике получило название лингвистической прагматики, или прагмалингвистики, и опирается на принцип деятельности, «соотношения деятельности и общения»¹. Термин «лингвистическая прагматика» применяют как синоним слов «речевой», «функциональный», «коммуникативный», как понятие, относящееся к теории речевых актов, грамматике текста, как собирательное название всего содержательного, выходящего за пределы денотативной семантики, как то, что воздействует на получателя речи. «Прагмалингвистика изучает те языковые средства, те их свойства и те закономерности речи, которые используются обществом (и отдельными людьми) для воздействия на психику (мысли, чувства, волю) и, следовательно, поведение его членов»².

Общая задача прагмалингвистики — изучение соответствия между единицами языка и эффектом их использования. Объектом прагмалингвистики являются единицы «от и до» — от фонемного состава языка до предложения. Предмет прагмалингвистики — прагматические свойства языковых единиц³. Прагмалингвистика в наибольшей степени учитывает человеческий фактор.

Нас интересует речевое поведение партнеров общения, целесообразность которого нуждается в практических рекоменда-

циях. Представляется, что выработка таких рекомендаций в значительной степени связана с лингвистическим изучением прецедентных текстов. Прецедентный текст — «определенный символ, образ, знак повторяющегося, стандартного для данной культуры»⁴.

Из определения следует, что разновидностью прецедентного текста являются фразеологизм с афористической семантикой и, если принимать широкое понимание фразеологии (вслед за В. Л. Архангельским, Р. Н. Поповым, Л. И. Ройзензоном, И. И. Чернышевой и др.), «устойчивые словесные комплексы (УСК) любого структурно-синтаксического типа с семантическим преобразованием и без такового, но обладающие отдельностью номинации»⁵ и обобщенно-образным типом значения.

Настоящая работа выполнена в границах прагмалингвистического описания словарного фразеологического материала. Фразеологизмы мы будем рассматривать как особые единицы языка, которые имеют следующие особенности: фразеологизмы запоминаются и воспроизводятся как готовые целостные единицы, как готовые словесные комплексы (блоки); значение фразеологических оборотов не складывается из прямых значений слов, входящих в состав фразеологизма; фразеологизмы состоят из одних и тех же компонентов, которые тесно связаны между собой и располагаются в строго установленном порядке⁶; значение фразеологических единиц (ФЕ) предполагает обязательное наличие коннотативного компонента. В связи с этим отмечается, что фразеологизмы обладают высоким прагматическим потенциалом. Вследствие тенденции к яркой коннотативности ФЕ связаны с «облигаторным прагматическим компонентом в их содержании: ФЕ не только обозначают и называют предметы действительности, но и одновременно являются средством, предназначенным для выражения многообразных эмоциональных и оценочных отношений говорящего к тому, что происходит в его внутреннем мире или вне его»⁷. Прагматический компонент ФЕ, который оправдывает их существование в языке, их «избыточность» — это прежде всего коннотация.

Коннотативные компоненты могут быть дифференцированы: а) характерологические; б) оценочные; в) эмоциональные; г) экспрессивные (или интенсивные). Оценка выражает «ценностное отношение субъекта (языковой личности, носителя языка) к обозначаемому»⁸ (хорошо/плохо); эмотивная модальность — эмоциональное отношение субъекта речи к обозначаемому самим выбором данной ФЕ в процессе речи. Наслоение эмотивной и оценочной модальности приводит к экспрессивному эффекту. Выделяют также стилистический параметр — «показатель уместности/неуместности употребления ФЕ относительно тех или иных социально маркированных условий речи»⁹. Отнесение стилистических маркеров слова и ФЕ к коннотативным компонентам является спорным. Но поскольку «стилистические значения

не входят в сферу логического содержания, с позиций компонентного анализа они включаются в коннотативное содержание слова»¹⁰.

Словарное значение ФЕ описывается по аналогии с лексическим значением слова. Рассматривая коннотативный компонент значения слова и ФЕ как «надденотативный», входящий в периферийную сферу значения, необходимо отметить, что надденотативная (воздействующая) информация формирует прагматическую функцию единицы, т.е. имеет установку на воздействие¹¹.

Такой подход к исследованию прагматического компонента значения имеет в своей основе представление о прагматике как способности языкового знака «выражать явления эмоционально-волевой психики субъекта речи и в силу этого апеллировать к эмоционально-волевой сфере адресата и через нее к его интеллектуальной сфере путем эмоционального заражения, внушения, убеждения с целью регуляции его поведения»¹².

Признавая, что коннотация является важным элементом прагматических свойств языкового знака, следует отметить некоторую узость такого понимания прагматического компонента. Неправоммерно сводить прагматические свойства знака лишь к его способности служить средством эмотивно-характеризующе-оценочного воздействия, так как «во-первых, вызывает сомнение тот факт, что коммуникативно значимой признается лишь та информация в семантике... которая содержится в коннотативном аспекте значения, во-вторых, и сама функция воздействия не сводится только к эмотивно-оценочному действию»¹³.

Воздействующая функция может иметь и собственно информативную направленность. Средствами выражения ее в языке могут являться неконнотативные единицы. «В прагматическом аспекте... отражены,— пишет Ю. А. Сергеев,— возможности использования устойчивых словесных комплексов для реализации в речи функции информативного воздействия на адресат»¹⁴.

Таким образом, предполагается, что в любом коммуникативном акте высказывание или его элементы будут восприняты адресатом, т.е. так или иначе окажут на него воздействие.

В целом ряде лингвистических исследований намечены аспекты прагматического анализа слова и ФЕ. Для анализа прагматической ориентации семантики представляется перспективным исследование системы оценочных элементов, отражающих специфику речевого взаимодействия коммуникантов. При этом термин «оценочный» употребляется в широком понимании, включая все возможные прагматические компоненты.

Материалы фразеологических словарей позволяют выделить особый пласт фразеологизмов, содержащих в своей семантике прагматический (прежде всего — характеризующий и оценочный) компонент значения. Эти ФЕ можно классифицировать по содержанию характеристик и оценок коммуникативного акта.

Другими словами, выделяя прагматически ориентированные ФЕ по конкретному компонентному составу значения, можно говорить о прагматическом ракурсе фразеологической семантики.

Если рассматривать отражение прагматического компонента значения ФЕ в существующих фразеологических словарях, то необходимо отметить некоторые противоречия и упущения, которые имеются в современной словарной практике.

Задачей лексикографа является отражение в словаре не только денотативно-семантических, грамматических, стилистических особенностей ФЕ, но и ее прагматических свойств. Между тем прагматическое значение отражается в словарях непоследовательно. Особо отметим недопустимость прагматической недостаточности в толкованиях учебных словарей. Представляется, что критерии отбора ФЕ, порядок их расположения, приемы толкования и другие правила репрезентации ФЕ находятся в зависимости от типа и назначения словаря.

Общие требования, предъявляемые к специальным фразеологическим словарям, сводятся к следующим: а) учет основного фразеологического фонда языка; б) полное толкование семантики ФЕ; в) фиксация основных грамматических характеристик; г) объяснение экспрессивно-стилистической природы ФЕ; д) учет вариантных форм употребления ФЕ*. Весь объем информации иллюстрируется речевым материалом. И чем полнее и разнообразнее эта информация, тем ценнее будет фразеологический словарь. Но эти требования можно в полной мере отнести к толковым словарям, словарям-справочникам. В отличие от них учебные фразеологические словари включают такую информацию о составе ФЕ языка и об их качественном своеобразии, которая непосредственно подчинена дидактической целенаправленности — быть практическим учебным пособием по идиоматике языка.

Состав ФЕ учебных фразеологических словарей ограничен только актуальными для обучаемой аудитории ФЕ изучаемого языка. «Все ФЕ в любом типе учебных фразеологических словарей приводятся только в актуальной форме и в актуальном значении, с обозначением точной лексико-грамматической характеристики, с перечнем тех слов, групп, разрядов слов, с которыми ФЕ сочетаются в речи»¹⁵.

Здесь уместно остановиться на выделении типов обучаемой аудитории в зависимости от того, является ли русский язык родным (неродным) языком для учащихся. Выпускаемые словари служат пособием либо для учащихся русских школ, либо для учащихся национальных школ, либо для иностранных учащихся. Последние целесообразно ориентировать на гуманитарный (русисты или другие гуманитарные специальности) и не-

* До настоящего времени прагматическая ориентация толкования не включалась лексикографами в обязательные требования к словарю.

гуманитарный профили обучения. В дальнейшем мы будем говорить об учебных словарях для иностранных учащихся.

Теоретические взгляды на способы подачи фразеоматериала в учебных словарях различны. Алфавитно-гнездовой способ позволяет добиться раскрытия в словаре самых общих проявлений фразеологической системы, что реализуется прежде всего в словарном выделении всевозможных групп фразеологизмов. А в последних проводится дополнительная перегруппировка ФЕ по различным параметрам: по семантическому сходству или различию и др. На таком принципе, например, построено одно из последних изданий для иностранной аудитории — «Фразеологические обороты русского языка»¹⁶.

Исследователями в качестве опорных отмечаются и такие принципы отбора и подачи толкуемых единиц, как частотность, ориентация на фразеологическое ядро языка, семантико-стилистическую характеристику ФЕ, способы включения в контекст, построение словарной статьи с опорой на наиболее типичную фразеоформу и т. д.

С дидактической точки зрения представляется актуальным лексикографический способ фразеоблокирования методом тематико-ситуационной группировки ФЕ. Таким методом достигается эффект расположения различного по семантике и структурно-грамматическому оформлению материала, имеющего общую оценку. На данном принципе, например, строится материал «Словаря-справочника по русской фразеологии» Р. И. Яранцева¹⁷.

Реализация идеи прагматического блокирования ФЕ в учебном словаре требует предварительного системного анализа всего блока ФЕ, который может производиться по следующей схеме: а) отбор блока ФЕ на основании типа толкования в системном словаре; б) разбивка на подблоки в соответствии с характером прагматических компонентов; в) анализ имеющихся толкований, поиск инвариантных возможностей толкования; г) соединение подблока с типовым прагматически ориентированным толкованием; д) отбор иллюстраций.

В нашем случае в качестве анализируемого материала были избраны фразеологизмы, оценивающие речь. При прагматической классификации единиц учитывались позиция субъекта речи, позиция адресата речи по отношению к общему объекту оценки — речи (говорению/слушанию как процессам и тексту как результату процесса речевой деятельности).

ФЕ были отобраны из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молоткова. Критерием выборки явилось наличие в составе словарного толкования вербального сигнала процесса речи. Такой сигнал обнаруживался как в составе идентификатора, ориентированного на категориально-лексическую сему речи (например: *вертеть (крутить) вола* — 'говорить, болтать ерунду, утверждать что-либо заведомо нелепое'), так и

в составе конкретизирующей части толкования, ориентированной на дифференциальную или потенциальную сему речи (например: *слово в слово* — ‘дословно, совершенно без искажений, точно пересказывать, повторять, переводить и т. п.’).

Извлеченные из словаря фразеологизмы в основном тяготеют к однозначности (например: *звонить во все колокола* — ‘во все-услышание, повсюду, всем говорить, рассказывать и т. п. о чем-либо’; *вешать собак* на кого-либо, прост. — ‘наговаривать, клеветать на кого-либо, необоснованно обвинять в чем-либо’).

В составе фразеологизмов имеются и многозначные единицы, содержащие в семантической структуре: а) все значения с оценкой речи (например: *болтать языком*, прост. — ‘1. излишне много разговаривать; говорить вздор, чепуху. 2. говорить зря, попусту. 3. говорить то, что не следует’; *разводить туры (на колесах)* — ‘1. говорить чепуху, вздор, небылицы; врать. 2. болтать о чем-либо, вести пустые разговоры; разговаривать’); б) только основное значение с оценкой речи (например: *рубить сплеча* — ‘1. говорить прямо, резко, не считаясь ни с кем и ни с чем. 2. действовать, поступать прямолинейно, часто необдуманно, нерасчетливо, сгоряча’; *разевать (раскрывать) рот*, прост. — ‘1. начинать говорить что-либо; высказывать, выражать свое мнение. 2. быть крайне рассеянным, невнимательным или неосмотрительным. 3. крайне изумляться, удивляться и т. п.’; в) только вторичное значение с оценкой речи (например: *в одну дуду (дудку) дудеть* — ‘1. поступать одинаково, действовать в одном направлении. 2. говорить, повторять одно и то же, обычно настойчиво, часто’; *до (последней) капли, капельки* — ‘1. без остатка, до дна (выпить, осушить и т. п.). 2. все, целиком (рассказать, изучить, растратить и т. п.)’).

Если термин «оценка» понимать широко (эмоциональная оценка, рациональная оценка, характеристика), то с точки зрения вида оценки предварительно можно говорить о возможности распределения выделенного блока ФЕ на следующие основные группы: ФЕ, передающие оценку образа говорящего; ФЕ, передающие оценку образа адресата; ФЕ, передающие оценку ролевых позиций участников речи; ФЕ, передающие оценку степени соблюдения конвенциональных законов общения; ФЕ, передающие оценку коннотативной стороны речи. Каждая группа является семантически многослойной и подлежит дополнительной разбивке.

В качестве иллюстрации представим подгруппу ФЕ, ориентированных на оценку адресатом или слушающим акустического восприятия речи в аспекте ее интенсивности. Значение данных ФЕ сводится к общему семантическому результату ‘произносить с большей или меньшей силой (интенсивностью)’. В словарном толковании каждой отдельной семемы выделяется инвариантная часть ‘говорить громко / говорить тихо’, т. е. сема интенсивности является общей для всех фразеологизмов рассматриваемой

группы. При этом если характеризующий компонент значения в толковании отмечается регулярно, то узкооценочный компонент, как правило, не фиксируется.

Фразеологизмы, оценивающие акустическое восприятие речи, в основном тяготеют к однозначности (например: *драть (надирать) горло, глотку*, прост.— 'очень громко говорить, петь, кричать и т.п.'; *разевать глотку*, груб.-прост.— 'громко говорить, кричать, орать, хохотать и т.п.'). Реже встречаются многозначные ФЕ (например: *во всю ивановскую* — '1. очень громко (кричать, орать и т.п.). 2. очень быстро, со всей силой и т.п. (делать что-либо)'; *про себя* — '1. тихо, еле слышно, шепотом (читать, говорить, произносить и т.п.). 2. никак внешне не выражая; не произнося вслух, мысленно'). В семантической структуре последних только отдельные значения характеризуют коммуникативный акт.

Компоненты данной группы системно организованы. Рельефно проявляются антонимичные отношения: все ФЕ противопоставлены по семе интенсивности 'громко (кричать, орать) — тихо (говорить, шептать)' (например: *разевать глотку*, груб.-прост.— 'громко говорить, кричать, орать, хохотать и т.п.'; *на ухо* — 'по секрету, тихо, чтобы никто не слышал (говорить, сказать, шептать и т.п.'). В группе прослеживаются и отношения синонимии (ср.: *во все горло, во всю глотку, во весь рот*). На основании общих семантических компонентов, не входящих в ядро значения, элементы группы подлежат разбивке на подгруппы.

С формально-синтаксической точки зрения рассматриваемые ФЕ можно охарактеризовать как сочетания слов, в основе которых лежат живые синтаксические связи: а) модели по типу согласования (*медная глотка, церихонская труба, луженая глотка*), к ним же можно отнести сочетания, синонимичные наречию (*благим матом, дурным голосом*); б) модели по типу глагольного управления (*распускать горло, разевать глотку* и др.); в) особый разряд составляют эллиптические сочетания с пропуском глагола речи (*в голос, во все горло, под нос, на ухо* и др.).

Систематизированные таким образом ФЕ могут быть интерпретированы в словаре с учетом учебных задач: фразеоформа и ее варианты, стилистический статус, наличие синонимов и антонимов, объяснение семантики с включением передаваемых эмоций, их оттенков и экспрессивных характеристик, показ ситуации употребления, интонационное оформление и др.

Здесь может встать вопрос и о взаимосвязи степени представления коннотативного аспекта значения со структурой словарной статьи, которая прагматически должна быть направлена на то, «чтобы обеспечить однозначное понимание заключенной в ней информации»¹⁸.

Учебные фразеологические словари призваны не только все-

сторонне, но и с установкой на речевую практику отражать и объяснять лексико-фразеологическое богатство языка. В прямой зависимости от решения фразеологических задач, разработки проблем фразеологии находится успешное создание учебных толковых словарей. Для достижения полноты словарной информативности фразеологии языка требуется комплексное описание специфики лексико-фразеологической системы, семантико-структурной организации ФЕ, способов выделения их семантических, грамматических, стилистических характеристик, фразеобразовательного потенциала лексики, закономерностей деривационной воспроизводимости фразеологии и т.д. В лексикографических целях представляются необходимыми исследования прагматического аспекта фразеологического значения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Суслов И. П. Языковое общение и лингвистика // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин, 1985. С. 4.

² Киселева Л. А. Язык как средство общения. М., 1971. С. 37.

³ Почепцов Г. Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин, 1985. С. 17.

⁴ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 54.

⁵ Чернышева И. И. Актуальные проблемы фразеологии // Вopr. языкозн. 1977. № 5. С. 35.

⁶ Шанский Н. М., Быстрова Е. А., Зимин В. И. Фразеологические обороты русского языка. М., 1988. С. 4—5.

⁷ Эмирова А. М. О языковых функциях фразеологических единиц (идиом) // Фразеология и контекст. Самарканд, 1987. С. 33.

⁸ Борисова Е. Г. и др. Фразеологические параметры и их описание в словаре (на материале русской идиоматики) // Фразеологизм и его лексикографическая разработка: Материалы IV междунар. симпозиума в рамках заседания Междунар. комиссии по проблемам славянской фразеологии при Междунар. комиссии славистов. Минск, 1987. С. 13.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвистического анализа. Красноярск, 1983. С. 53.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978. С. 106.

¹³ Сергеев Ю. А. Семантические и прагматические аспекты функционирования устойчивых словесных комплексов в речи (на материале текстов газеты «Правда»): Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Сазонова И. К. Лексика и фразеология современного русского литературного языка: Пособие для иностранцев. М., 1963. С. 42.

¹⁶ Шанский Н. М., Быстрова Е. А., Зимин В. У. Указ. соч.

¹⁷ Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1981.

¹⁸ Лиховидова Т. В. Прагматическая установка текста словарной статьи и толкование коннотативного аспекта значения // Прагмалингвистика: Сб. науч. тр. М., 1983. Вып. 213. С. 41.

Е. И. ПЛОТНИКОВА

Свердловский пединститут

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ РАСПРОСТРАНИТЕЛИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

Характеризуются локальные распространители глаголов движения, на этой основе делаются выводы о соотношении языковой и речевой семантики слова.

Глаголы трех подгрупп (однаправленного перемещения, удаления и достижения) ЛСГ глаголов субъектного перемещения реализуют в речи три разновидности типовой семантической модели перемещения субъекта. Три разновидности общей модели сходны по составу компонентов и способам их выражения. Утверждая это, мы опираемся на констатацию того факта, что в реальной действительности перемещение всегда направлено: субъект движется из какого-либо исходного пункта (от какой-либо исходной точки) к какому-либо конечному пункту (какой-либо конечной точке). Поэтому типовая семантическая модель включает четыре компонента: субъект перемещения — предикат перемещения — исходный пункт перемещения — конечный пункт перемещения. Сходство трех разновидностей данной модели обусловлено тождеством категориально-лексической семы глаголов субъектного перемещения ('перемещение субъекта в пространстве').

В то же время глаголы трех разных подгрупп различаются наличием в их семантике дифференциальных сем ('однаправленное перемещение', 'удаление', 'достижение'), вследствие чего они образуют частные разновидности общей семантической модели. Данные разновидности различаются прежде всего по степени конкретности/обобщенности представляемого действия: в семантической модели предложений с глаголами однаправленного перемещения позиции локальных пунктов и позиция предиката не конкретизированы, в семантической модели с глаголами удаления конкретизированы позиции предиката и исходного пункта, в семантической модели предложений с глаголами достижения конкретизированы позиции предиката и конечного пункта.

«Нейтральность» движения по отношению к локальным пунктам или же конкретизация движения относительно исходного и конечного пунктов находит свое отражение в семной структуре глаголов. Например: *брести* — 'идти медленно или с трудом, едва передвигая ноги, плестись', *отъехать* — 'поехав, удалиться в сторону, на некоторое расстояние от кого-, чего-либо', *добежать* — 'бегом достигнуть какого-либо места'.

Различная степень конкретности или обобщенности семантики глаголов трех групп, участвующих в образовании фраз с семантикой перемещения, обуславливает, во-первых, разные наборы глагольных предикатов, выступающих организующими центрами конкретных фраз, во-вторых, частотность замещения обязательных и факультативных позиций при данных предикатах.

Предложения, несущие информацию об однонаправленном перемещении, образованы 53 глаголами. Предложения, несущие информацию об удалении и достижении субъекта,— соответственно 155 и 122 глаголами*. Причем в составе групп удаления и достижения выделяется по несколько семантических подгрупп ('удаление изнутри чего-либо', 'достижение верха чего-либо' и т. д.). Широкий круг глаголов-предикатов, организующих данные фразы, дает возможность говорящему детально конкретизировать ситуацию движения.

Обратимся к закономерностям замещения локальных позиций при анализируемых глаголах трех подгрупп ЛСГ перемещения.

Глаголы однонаправленного перемещения определяются в научной литературе как «одинаково свободно сочетающиеся с формами исходного и конечного значения»¹. Однако исследование фраз с данными глаголами показало, что число предложений, в которых открывается позиция исходного пункта, очень незначительно, в то время как число предложений, в которых открывается позиция конечного пункта,— в десять раз выше. Такое несоответствие объясняется прежде всего внелингвистическими причинами: говорящему важнее всего сообщить о том, куда перемещается субъект, так как исходный пункт в подавляющем большинстве случаев известен из широкого контекста или описываемой ситуации. Например: «Ныне Карл со своим войском высадился *в Парнове* и маршем *идет на Ригу*» (А. Толстой).

Ориентация действия удаления на исходный пункт и ориентация действия достижения на конечный пункт находят свое отражение в высоком проценте замещения этих позиций при соответствующих глаголах. Например: «Чудик *вышел из автобуса*, снял новые ботинки и побежал по теплой мокрой земле» (Шукшин); «Юрка *закатал штаны и взобрался на скалу*» (Дубов).

Количественные данные замещений локальных позиций представлены в следующей таблице:

* Анализу подвергались по 4000 фраз с глаголами однонаправленного перемещения, удаления и достижения.

Типовая семантика	Реализация позиции исходного пункта. %	Реализация позиции конечного пункта. %
Однонаправленное перемещение	2,5	26
Удаление	30	34
Достижение	5	50

Для глаголов всех трех подгрупп в целом характерны одни и те же факультативные позиции. Под факультативными позициями нами понимаются такие случаи, когда данный компонент сочетается с глаголом часто, но не обязательно; предложение, в котором этот компонент отсутствует, не является семантически неполным². Констатируя одинаковый в целом набор факультативных позиций для всех групп глаголов, мы отмечаем, что частотность замещения той или иной позиции в предложениях, отражающих три вида ситуации перемещения, различна.

Глаголы однонаправленного перемещения имеют более обобщенную семантику, и для конкретизации действия перемещения часто необходимо указание на такие характеристики, как путь движения, образ действия, сопутствующее действие и некоторые другие.

Позиция пути наиболее частотна при глаголах однонаправленного перемещения. Например: *«Ехали сюда через Москву»* (Гофф). Наиболее важна позиция пути в тех предложениях, где не замещаются позиции исходного и конечного пунктов и на первое место выступает информация о самом процессе движения, а не о направлении субъекта. Например: *«Мы шли по вечернему городу»* (Поляков); *«Легко раненные брели по открытой пыльной дороге»* (Каверин). В отдельных случаях вместо позиции пути может реализовываться позиция места перемещения, обязательная для разнонаправленных глаголов и не характерная для глаголов направленного движения. Например: *«На этой стороне речки тянутся возы с песком, солдаты тащат бревна...»* (А. Толстой). При глаголах удаления и достижения позиция места не открывается.

Часто при передаче информации необходимо подробно сообщить о характере перемещения, уточнить его темп, способ, интенсивность. Позиция образа действия также весьма частотна при глаголах однонаправленного перемещения. Чаше всего действие характеризуется со стороны темпа (*тихо, спешно*), общей характеристики (*легко, плавно*), способа действия (*шагом, галопом*). Например: *«Кибитки лениво тащились от юрты до юрты»* (Каверин). Данная позиция так же, как и позиция пути, особенно важна при характеристике предложений без обозначений исходного и конечного пунктов. Например: *«Игорь стремительно шел, не прислушиваясь к шуму торопящихся за ним ног»* (Маркова).

И еще одна позиция частотна при глаголах однонаправленного перемещения — позиция сопутствующего действия. Она замещается в том случае, если необходимо показать соотношение действия перемещения с каким-либо другим действием, производимым во время перемещения³. Например: «Люди с криками, воплями, собаки с лаем мчатся по деревне» (Гончаров); «Птицы бежал к ним и еще на что-то надеялся» (Карелин). Что же касается позиций предшествующего и последующего действий, то они реализуются при глаголах однонаправленного перемещения реже всего. В то же время это наиболее частотные факультативные позиции при глаголах удаления; также нередко они открываются при глаголах достижения. Например: «Он встал и отошел к окну» (Чехов); «Сторож вышел на дорожку, посмотрел и вернулся» (Каверин); «Елена Павловна опустила глаза на кулон, подошла к окну и выглянула на улицу» (Поляков). Позиции, наиболее частотные при глаголах однонаправленного перемещения, наоборот, достаточно редки при глаголах удаления и достижения.

Количественные данные замещений факультативных позиций представлены в следующей таблице:

Факультативные позиции	Однонаправ- ленное пере- мещение, %	Удаление, %	Достижение, %
Путь движения	22	2	5
Время действия	11	13	12
Образ действия	30	10	9
Цель действия	10	8	7,5
Предшествующее действие	7	16	4
Сопутствующее действие	8	1,3	1
Последующее действие	4	13	6
Место движения	2	—	—

Итак, мы констатируем, что семантика глаголов-предикатов, выступающих в предложениях, отражающих ситуации однонаправленного перемещения, удаления и достижения, влияет на структурно-смысловые характеристики данных предложений. Это находит свое отражение прежде всего в большом количестве фраз с глаголами удаления, открывающими позицию исходного пункта, и в большом количестве фраз с глаголами достижения, открывающими позицию конечного пункта. Более конкретный характер глаголов удаления и достижения — по сравнению с несколько обобщенным характером глаголов однонаправленного перемещения — определил меньшее число открывающихся при них факультативных позиций, а также более низкий процент реализации этих позиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Гордеев Ю. М. Поле направленности: Глаголы движения и их распространители: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1974. С. 12.

² Адамец П. Изучение валентности русских глаголов на философском факультете Карлова университета // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984; Потапова Н. П. Глаголы со значением обработки предмета в предложении // Классы слов в синтагматическом аспекте. Свердловск, 1988.

³ Кузнецова Э. В., Нуждова В. М. Лексико-семантические связи однородных глагольных сказуемых // Исследования по семантике (семантические аспекты синтаксиса). Уфа, 1985.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

Н. А. КОНДРАШОВ,

Московский областной пединститут им. Н. К. Крупской

В. С. ТРЕТЬЯКОВА

Свердловский пединститут

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СИСТЕМЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Анализируются системные связи звукоподражательных глаголов внутри группы и взаимодействие анализируемых глаголов со словами других ЛСГ.

В современном русском языке (в его литературной форме и говорах) насчитывается свыше 800 глаголов, обладающих признаками звукоподражательных слов (иное название: ономотопея, ономотопозитические слова, изобразительные слова и др.). Среди имен существительных подобных слов гораздо меньше, к тому же к настоящему времени у многих из них звукоподражательное происхождение затемнено, например: *кукушка*, *сыч*, *грач* (названия птиц), *жук*, *пчела*, *бык* (названия насекомых и животных), *бубен*, *дудка*, *скрипка*, *колокол* (названия инструментов) и т. п.

Чем объясняется многочисленность звукоподражательных глаголов? Видимо, это связано с тем, что действия человека, животных, птиц, некоторых неодушевленных объектов часто сопровождаются тем или иным звучанием. Укажем, например, на глаголы, характеризующие: а) действия людей: *акать*, *ахать*, *аукать*, *балакать*, *балаболить* (или *балабонить*), *баякать*, *бормотать*, *брюзжать*, *бубнить*, *буркать* (и *буркнуть*), *бурчать*, *визжать*, *гаркать* (и *гаркнуть*), *икать*, *кликать*, *кряхтеть*, *лепетать*, *мямлить*, *ойкать*, *окать*, *охать*, *пугать*, *пыхтеть*, *реветь*, *сопеть*, *стонать*, *тараторить*, *топать*, *ухать*, *фыркать*, *хихикать*, *хлопать*, *хлюпать*, *хохотать*, *храпеть*, *хрипеть*, *чавкать*, *чихать*, *шамкать*, *шикать*, *шипеть*; б) действия животных и птиц: *блеть*, *брехать*, *букать*, *верещать*, *ворковать*, *ворчать*, *чавкать*, *гугукать*, *жууж-*

жать, каркать, квакать, квохтать, кракать, крякать, кудахтать, кукарекать, куковать, курлыкать, лаять, мукать, мурлыкать, мычать, мяукать, пищать, ржать, рывкать, рычать, свистеть, сипеть, токовать, твевать, хрюкать, чирикать; в) звуки, производимые предметами: бахнуть, бацнуть, бречать, брякать (и бряцать), булькать, бултыхать, бурлить, гроыхать, грохотать, дзенькать, дребезжать, звякать, капать, клочотать, лязгать, рокотать, скрипеть, скрежетать, стучать, тарахтеть, тикать, тренькать, трещать, тукать, тюкать и т. п.

Звукоподражательные глаголы нуждаются в объективном анализе их природы, фонетических, грамматических и семантических признаков, использования в литературном языке. В общелингвистическом поле, с точки зрения знаковой природы языка, они выделяются особым отношением означающего (план выражения, звуковая сторона) и означаемого (план содержания, смысловая сторона). Если у большинства русских глаголов звуковая оболочка (фонемный состав) не сигнализирует о значении соответствующего глагола, т. е. материальная сторона языкового знака непосредственно не соотносится с его идеальной стороной — значением (эта связь хранится в памяти говорящих по-русски), то у звукоподражательных глаголов между этими двумя сторонами языкового знака имеется наибольшее соответствие.

А. М. Пешковский заметил, что в звукоподражательных словах и междометиях «нет членения на звуки и значение, свойственное слову, так как здесь все значение в звуках»¹. Эта формулировка, несомненно, правильно характеризует звукоподражания и междометия, которые не изменяются, не имеют морфологического оформления, не членятся на морфемы и не способны выполнять номинативную функцию. Однако звукоподражательные глаголы в грамматическом отношении ничем не отличаются от всех других глаголов. Их выделяет лишь принадлежность к изобразительной лексике русского языка. Подобные глаголы, характеризующиеся звуковым символизмом, значение которых в той или иной степени совпадает с их внешним обликом, с их звучанием, находятся на разных ступенях преобразования в обычный языковой знак.

Многие звукоподражательные по происхождению глаголы к настоящему времени пережили процесс дестимологизации и десемантизации и превратились в обычные «знаковые» слова. Это такие русские глаголы, как *прыскать, выть, вопить, глотать, громить, гудеть, дышать, дуть, звать, клепать, лапать, лопать, лупить, лущить, пухнуть, плевать, хапать, хныкать, шаркать, шнырять* и др. Звукоподражательное происхождение этих глаголов вскрывается при этимологическом анализе. Забвению первоначальной внутренней формы способствовала условность и приблизительность отражения звукоподражаниями природных звучаний. Включение звукоподражательного корня в систему

словообразовательных связей — еще одна причина деэтимологизации, так как слово подвергается дополнительным грамматическим влияниям, оформляется по законам языка, тем самым абстрагируется от денотата и становится обычным словом в системе языка со всеми присущими ему признаками. Есть еще одно обстоятельство, которое в значительной степени повлияло на процесс деэтимологизации и десемантизации звукоподражательного слова: это развитие у глаголов переносных значений, в результате чего первичные значения, имевшие непосредственную связь со звучанием, вообще исчезали из языка.

В любом языке означаемым элементом является внешний мир, объективная действительность. Означающим для звукоподражаний является мир звуков. Следовательно, для них чрезвычайно важна фонетическая, чисто звуковая сторона. Не следует думать, что звукоподражания непосредственно отражают естественные звуки, что фонетика звукоподражаний отличается от состава фонологической системы русского языка. Иными словами, звукоподражательные глаголы лишь приблизительно отражают природные звуки. Как правило, онomatопеэтические рефлексy и междометные выкрики, создаваемые человеком, приведены в соответствие с фонологической системой современного русского языка. Однако, в принципе, случаи неканонической, или аномальной, фонетики не чужды и русскому языку. «Даже в европейских языках есть такие звуки, которые используются только в подобного рода словах; ср. междометие, передаваемое графически знаками *хм*, шелкающие звуки типа *тч-тч-тч*, которыми погоняют лошадей, губное *пrrrr*, которым останавливают лошадь, или междометие *бrrrr*, имитирующее озноб, дрожь, и т. д.»².

Для звукоподражательных глаголов характерно не использование необычных звуков, а тот факт, что звуки, входящие в их состав, не являются случайными, что их присутствие в составе глагола соотносится с тем значением, которое глагол выражает как целое слово. В звукоподражательных словах все гласные можно разделить на три типа: а) *и*-образные (гласные *и, е* как наиболее узкие и наименее лабиализованные звуки): *вижжать, пищать, реветь, свистеть, скрипеть, скрежетать, тренькать, тикать* и др.; б) *у*-образные (гласные *у, о, ы* как более широкие и лабиализованные звуки): *бормотать, бурчать, ворчать, мычать, мурлыкать, шуршать*; в) *а*-образные (гласный *а* как наиболее широкий и нелабиализованный звук): *ахать, бахать, гавкать, каркать, харкать*.

Система согласных в русском языке сложнее системы гласных. Не все согласные в одинаковой степени участвуют в образовании звукоподражаний. Так, заднеязычные *к, г, х* способствуют передаче гортанных звуков: *гоготать, икать, кукарекать, кашлять, каркать, хлопать, хохотать* и т. п. Губные согласные чаще всего передают резкие хлопающие и хлюпающие звуки:

бахать, брякать, булькать, бухать, плюхать, пыхтеть и т. п. Произношение свистящих *с, з* включает свист: *сосать, свистеть, сопеть, свиристеть*. Более глухие звуки передаются посредством шипящих *ш, ж*: *шептать, шелестеть, шипеть, шуршать, шушукаться, жуужжать*. Аффриката *ц* передает резкий звук: *цокать, цыкать, цвиркать*. Чавкающий звук передается посредством *ч*: *чавкать, чвакать*. Плавный *р* передает грубый дребезжащий звук: *грохотать, рокотать, ржать, рычать, рывкать*. Наконец, *л* передает мягкий протяжный звук: *болтать, шлепать, улюлюкать*. Иногда используются звуковые повторы, нагнетающие звуковую символику: *гоготать, куковать, мямлить, тараторить, хохотать, шушукаться*.

Значение, которым обладают определенные звуки в онома-топозитических словах, условно и приблизительно. Именно так и следует относиться к приведенным выше примерам и характеристикам. Чем сложнее природный звук, тем труднее воспроизвести его языковыми средствами. Чем проще и элементарнее природный звук, тем точнее он передается языком. С этим, вероятно, связан тот факт, что некоторые глаголы в славянских языках имеют тождественную фонетическую структуру. Ср. *пищать, пискнуть*, укр. *пища́ти, пі́скнути*, польск. *piszczeć, pisać*, чеш. *písteti, pisknouti*, словац. *pist'at', pisknut*, болг. *пищя́, писка́м*, серб. *пи́штати, пи́снути*. О том, что звукоподражания только приблизительно передают природные звуки, свидетельствуют, например, соответствия русскому *мяукать* в других славянских языках: укр. *нявкати, нявчати*, польск. *miauczesz*, чеш. *mnoukati*, словац. *miaukat'*, болг. *мяу́кам*, серб. *мају́кати*. Таким образом, акустический компонент очень важен при анализе семантики звукоподражательных глаголов. На его базе развиваются значения речи, звучания, физиологического действия, физического воздействия.

Акустический компонент не является единственным при формировании семантической структуры звукоподражательных глаголов. В качестве таковых выступают также двигательный, телесный и эмоциональный факторы³. Они составляют смысловую основу всего лексического многообразия звукоподражательных глаголов.

Звукоподражательные глаголы разнообразны по своей семантике: это самая многочисленная группа глаголов звучания, говорения, физического воздействия на объект, падения, движения, физиологического действия и др. Семантической особенностью их является то, что все они содержат в структуре семемы сему звучания. Когда сема звучания является основной — 'звучать; издавать, производить звук', тогда лексема принадлежит к ЛСГ глаголов звучания (*ви́зжать* — 'издавать пронзительный крик или резкий высокий звук'; *шуме́ть* — 'издавать, производить шум, звуки, слившиеся в громкое и нестройное звучание').

В остальных группах сема звучания является дифференциальной. Так, глаголы физиологического действия, значение которых напоминает глаголы звучания, но обозначающие звуковые действия, совершаемые человеком для удовлетворения своих физиологических потребностей или принятия пищи (*чихать* — 'непроизвольно, с резким звуком выдыхать носом и ртом при раздражении носоглотки'; *икать* — 'издавать отрывистые звуки, вызванные судорожным сокращением диафрагмы' и др.). В качестве дифференциальной сема звучания входит в структуру семемы глаголов падения при категориально-грамматической семе 'падать' (*грохнуть́ся* — 'упасть с шумом'; *трахну́ться*, прост. — 'упасть с шумом или сильно удариться обо что-н.' и др.), глаголов физического воздействия на объект при основной семе 'бить, ударять' (*бахну́ть* — 'с шумом ударить'), движения при основной семе в зависимости от группы глаголов движения «бросать, кидать», «двигать», «перемещать» и др. (*брякну́ть*, прост. — 'бросать, кидать что-л. с шумом'; *шарка́ть* — 'ходить, волоча ноги и производя при этом глухие звуки' и др.).

Интересно выступает сема звучания в глаголах говорения, ведь эти глаголы являются глаголами звучания в широком понимании этой группы слов. Ср. значение базового глагола ЛСГ говорения: *говори́ть* — 'издавать словесный звук'⁴ со значением глаголов звучания (см. выше). Базовые глаголы двух ЛСГ — «звучать» и «говорить» различаются только дифференциальными семами: характер субъекта — неодушевленный / одушевленный и характер издаваемого звука — нечленораздельный / членораздельный. Но поскольку значение глагола *говори́ть* изменяется со временем в направлении повышения социальной значимости процесса говорения, то глаголы со значением 'владеть, пользоваться устной речью' объединяются в отдельную ЛСГ. Сема звучания становится второстепенной, актуализируются семы 'цель действия' и 'субъект действия' (антропоним). Следует отметить, однако, что эти замечания в большей степени касаются глаголов говорения не звукоподражательных по происхождению и той части звукоподражательных глаголов, у которых затемнилась звукоподражательная этимология (*говори́ть*, *ропта́ть*, *воскли́цать* и т. п.). У звукоподражательных глаголов говорения с прозрачной этимологией сема звучания, а также качественные характеристики звучания и другие признаки, характеризующие непосредственно сам процесс говорения, очень актуальны. У них поэтому ярко проявляются признаки 'способ совершения действия' (*мямли́ть* — 'медленно, невнятно и вяло говорить'; *бубни́ть* — 'монотонно повторять, твердить' и т. п.) и сема 'содержание речи' (*балака́ть* — 'болтать, молоть чепуху'; *балаболи́ть* — 'болтать, говорить вздор'; *вяка́ть* — 'говорить попусту, вздор' и др.).

Звукоподражательные глаголы отличаются внешней броскостью и экспрессивностью. В художественных произведениях

они создают новизну и неожиданность словесного образа. Н. В. Гоголь, А. П. Чехов, А. М. Горький, М. А. Шолохов, К. Г. Паустовский, М. М. Пришвин, В. Я. Шишков использовали звукоподражательные глаголы в качестве важного стилистического средства.

Обычно звукоподражательные глаголы используются в изобразительной функции, что наиболее соответствует их лингвистической природе. Например: «Размышляя об этом, он слышал, как за стеной *повизгивала* собака и слышался голос барыни: «Будешь ты у меня в комнаты *шляться*? Как тебе не стыдно? А еще умный. Иди себе в будку. Смотри рассержусь». После этих слов собака за стеной *зарычала*, барыня притихла. Растегин долго слушал, как жужжала муха между стекол, затем принялся *покашливать*, *постукивать* каблуком, от нетерпения и досады двинул кресло» (А. Толстой).

Большая часть звукоподражательных глаголов сохраняет фонетическую мотивированность, прозрачную внутреннюю форму. Это свойство определяет счастливые находки в художественных текстах. Вместе с тем звукоподражательные глаголы, в силу своей семантической природы, легко подвергаются метафоризации. Ср. примеры использования глаголов *хлопать* и *хлопнуть* в разнообразных значениях: «Когда вошел сюда Никитин, чтобы отправиться наверх, дверь из детской отворилась и *хлопнула* так, что задрожали и лестница и шкаф» (Чехов); «Ночью все три ружья *хлопнули*, но медведя не оказалось» (Пришвин); «Дедушка сердито *захлопывал* окна» (Паустовский); «А когда проезжали мимо части, из раскрытых ворот вынеслись на лошадях два стражника и громко *захлопали* копытами по пыли» (Андреев); «Давай его! На все готов! *Хлопнули* по рукам!» (Гоголь) и др.

Экспрессия часто создается за счет синонимичности этих глаголов; ср. 'упасть', но *ахнуться*, *бахнуться*, *брякнуться*, *грохнуть*, *трахнуть*, *хлопнуться*, *шлепнуться*, *шмякнуться*; 'убить', но *ахнуть*, *кокнуть*, *хлопнуть*, *ухлопать*; 'бросить', но *бацнуть*, *бухнуть*, *швырнуть* и т. п.; 'есть', но *чавкать*, *хрумкать* и др.

Номинативная функция звукоподражательных глаголов ведет к нейтрализации их экспрессивности и образности. Например: «Аннушка горько *всхлипывает*. За кулисами *ржет* конь, *мяукает* кошка, *клохчут* курицы, *хрюкает* свинья» (Шишков).

Широко используют звукоподражательные глаголы детские писатели (В. Бианки, Б. Житков, Л. Кассиль, Н. Носов, А. Алексин и др.). Эти глаголы дают возможность донести до детского сознания богатство родной природы, особенности жизни животного мира. Например: «Меня разбудили птички. Еще только начало светлеть, а они уже проснулись и принялись *трещать*, и *чирикать*, и *пищать* на разные голоса» (Носов).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 168.

² Трубцкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 255.

³ Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 286; Третьякова В. С. Семантические основы звукоподражательных глаголов // Семантика языковых единиц русского языка. М., 1987.

⁴ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978. Т. 1. С. 367.

СОДЕРЖАНИЕ

Гридина Т. А., Попова Т. В. Ассоциативная семантика новообразований-гибридов	3
Сулименко Н. Е. Фрагмент тезауруса и тематическая сетка текста	11
Чудинов А. П. Функциональная эквивалентность глаголов, не принадлежащих к одной ЛСГ	24
Битенская Г. В. Лексический комплекс в художественной прозе	28
Сысоева И. В. Отражение причинно-следственной ситуации в значении глагола	34
Черняк В. Д. Параллельные синонимические ряды и регулярная многозначность	40
Казарин Ю. В. Опыт компонентного анализа базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов	48
Кусова М. Л. Семантические модели глагольной антонимии	54
Шаповал В. В. Контекстуальная синонимия существительных в древнерусской агнографии	60
Капленко В. Н. Лексические единицы времени в поэтическом тексте	64
Ларионова А. Ю. Семантическая соотносительность прилагательных на -чий и базовых глаголов	73
Рябков Н. Г. Из истории орографической лексики Южного Зауралья	78
Руженцева Н. Б. Семантические модели предложений с предикатами соиздания	86
Долгов Ю. С. Форма слова, словоформа: функции в системе русского языка	93
Христолюбова Л. В. Прагматическая ориентация учебного словаря	98
Плотникова Е. И. Контекстуальные распространители глаголов движения	106
Кондрашов Н. А., Третьякова В. С. Звукоподражательные глаголы в системе русской лексики	110

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Редактор Л. В. Драгицкая
Техн. редактор Н. Н. Зауолкова

Свод. тем. пл. № 213

Сдано в набор 04.01.91. Подписано в печать 04.04.91. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 7,5. Усл. кр.-отт. 7,5.
Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 800. Заказ № 10. Цена 2 р.

Свердловский ордена «Знак Почета» государственный педагогический институт. 620219 Свердловск, ГСП-135, пр. Космонавтов, 26. Типография изд-ва «Уральский рабочий». 620151 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1992 год запланирован выход второго выпуска межвузовского сборника научных трудов **«Детская речь и пути ее совершенствования»**.

Сборник «Детская речь и пути ее совершенствования» посвящен актуальным проблемам изучения речи детей разного возраста и методике ее развития. Содержит исследования возрастных особенностей лексического и грамматического строя устной и письменной речи школьников, характеристику типичных отклонений от норм литературного языка и анализ причин этих отклонений в речи детей. Разрабатываются активные методы стимулирования речевой деятельности при работе со связным текстом.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов, школ и студентов филологических факультетов.

Межвузовский сборник научных трудов «Детская речь и пути ее совершенствования» можно приобрести на кафедре методики преподавания русского языка Свердловского государственного педагогического института по адресу: 620219, г. Свердловск, ГСП-135, пр. Космонавтов, 26. Ориентировочная цена — 1 рубль.

В 1992 году выйдет в свет межвузовский сборник научных трудов **«Функциональная семантика слова»**.

В сборнике «Функциональная семантика слова» рассматривается одна из актуальных проблем лингвистики — закономерности функционирования в речи и тексте единиц различных лексических, грамматических и функционально-семантических классов. Широко представлено функциональное описание синонимии, антонимии, лексико-семантических групп, многозначности, отдельных лексических единиц и т. п.

Сборник предназначен преподавателям вузов, школ, студентам-филологам.

Приобрести межвузовский сборник научных трудов «Функциональная семантика слова» можно на кафедре русского языка и методики его преподавания в начальных классах Свердловского государственного педагогического института по адресу: 620219, Свердловск, ГСП-135, пр. Космонавтов, 26. Ориентировочная цена — 1 рубль.